

Алексей Мефодиев

**Один день
из жизни
миллионера**

Москва
Летний сад
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6
М 54

М 54 **МЕФОДИЕВ А.** Один день из жизни миллионера.
Сб. рассказов – М.: Летний сад, 2019. 216 с.

ISBN 978-5-98856-358-7

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6

В этой книге Алексей Мефодиев предлагает читателю чуть дольше задержать свой взгляд на людях, о жизни которых, как нам кажется, мы все знаем. Вот миллионер пришел на работу... Красивая дама вся в мехах заходит в банк... Солидный мужчина средних лет идет под руку с молодой особой...
А все ли так, как мы видим?

ISBN 978-5-98856-358-7

©А. Мефодиев, 2019
Все права принадлежат автору
© Издательство «Летний сад»,
оформление

Один день из жизни миллионера

Погожим апрельским полднем Сергей Прокопенко нес свою обычную вахту на проходной головной конторы какого-то промышленного то ли холдинга, то ли объединения, по производству не то лакокрасочных покрытий, не то еще чего-то такого, чего Сергей никак не мог запомнить. Впрочем, кроме его жены, которая как-то за завтраком осведомилась по поводу названия организации, куда он поступил на работу незадолго до этого, никто из знакомых этой подробностью его жизни ни разу не интересовался. При приеме на работу, это было год назад, – ему просто выдали черный форменный комбинезон, тяжелые сапоги, фуражку, помповый дробовик и отправили на проходную с напутствием осуществлять допуск на охраняемую территорию исключительно по пропускам.

Так что запоминать название учреждения охраннику не было никакой надобности. А вот со вполне понятным на первый взгляд поручением «пропускать

только по пропускам» оказалось не так все просто. Случались, как выражался начальник смены, и проколы. Один такой случай крепко засел в памяти Сергея. И было отчего.

Таким же вот погожим днем, когда ничто, как казалось охраннику, не предвещало никаких неприятностей, к воротам подошел человек лет пятидесяти пяти. Внешности он был самой что ни на есть обыкновенной. Среднего роста. Темные волосы с легкой проседью. Без залысин и без очков. Одет как-то неброско. Так многие простые люди одеваются. Пиджачок невыразительный, серая рубашечка, без галстука. Темные брюки, каких миллион. Ботинки ничем не лучше, чем у самого Сергея. Вот только походка, наверное, своей уверенностью несколько отличала этого человека от других посетителей учреждения.

Подходит он и говорит дружеским тоном:

– Открой-ка мне, приятель, шлагбаум.

А голос у самого низкий, и сразу ясно, что команды привык отдавать.

Сергей аж обомлел от такой наглости. Как будто так вот и полагается посетителю к охране обращаться. Кровь в голову ударила – Сергей по натуре был довольно вспыльчив. Хотел даже слегка толкнуть наглеца прикладом в грудь. Вразумить, так сказать, немного. Такое Сергею доводилось уже проделывать с разными незначительными посетителями на предыдущем месте работы, особенно если с женой за

завтраком поругается, что, между прочим, происходило довольно часто. Но, на свое счастье, сдержался Сергей – может, из-за походки этого типа? Что-то в ней показалось охраннику подозрительным. А может, из-за голоса его командного? Но отреагировал охранник точно так, как его инструктировали себя вести в подобных случаях:

– Гражданин, здесь только для автомобилей, а те, кто пешком, прошу направо, через проходную, в бюро пропусков.

– Ты, давай, дурака не валяй... – неожиданно рассердился посетитель, а глаза его сверкнули недобрым огнем. И неизвестно, чем бы кончилось для охранника дело, если бы шлагбаум вдруг не поехал вверх, а из-за спины Сергея не раздался подобострастный голос его сменщика, который очень вовремя подоспел:

– Доброго вам здравия, Юрий Александрович!

Странный посетитель только недовольно кивнул и проследовал вглубь территории.

– Ты что, идиот совсем? – услышал вопрос своего напарника, его звали Игорь, Сергей и, сердцем чувствуя неладное, нечленораздельно промычал в ответ:

– А чего? Чего он лезет, куда не положено?

– Ты совсем идиот, я тебя спрашиваю?

– Да чего такое-то? Он же лезет, а я все по инструкции... Чего не так-то?

– «Чего, чего»... Это же сам Петров был!

– Да? А кто это?

– Ну, ты совсем дундук! Смотри, – с этими словами Игорь взял Сергея за рукав и потянул за шлагбаум.

– Подними голову и читай! Дундук!

Сергей поднял голову. На арке, высоко взметнувшейся над шлагбаумом, было написано крупными буквами «Петров и Петров».

– Старший это, понял? – объяснил, наконец, Игорь.

– Ну, дела! – почесал затылок Сергей. Он работал уже с неделю и много раз открывал ворота кортежу автомобилей хозяев – Петровы обычно ездили с охраной. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то из этих небожителей может вот так, запросто и по доброй воле, самостоятельно разгуливать по улице.

– А чего это он? – недоумевая, пробормотал Сергей, вопросительно глядя на Игоря.

– Чего «чего»? – переспросил напарник.

– Ну, чего он так, без охраны, пешком это...

– Да черт его знает. Человек такой. Он, говорят, живет где-то здесь совсем недалеко. Любит, наверное, пешком на работу ходить.

– Понятно, – буркнул Сергей, хотя ему было совершенно не понятно, зачем ходить на работу пешком, как «неизвестно кто», когда есть возможность ездить с водителем и с охраной.

– Младший Петров, Никита Александрович, совсем другой будет. Хотя у них разница года два всего. Тот без охраны никуда. Весь гламурный из себя. Машина его подъедет, он юрк из нее сразу в подъезд, а

там, говорят, всегда к себе в кабинет напрямую дует. Там и сидит целый день, носу не показывает. А Старший любит по офису походить. С народом пообщаться. Так говорят, – разговорился Игорь.

– Аааа, – протянул Сергей.

Вскоре Сергея вызвал к себе начальник смены – парник все-таки донес о его проколе. Начальник смены был очень суров, но отходчив. Вначале кричал на Сергея, страшно выпучивая глаза, стучал кулаком по столу и несколько раз угрожал увольнением, но потом, по обыкновению, смягчился и на этот раз ограничился вынесением строгого выговора.

«Уволишь этого болвана, придет точно такой же новый на его место. А то и еще хуже!» – услышал Сергей бормотание своего начальника, когда закрывал дверь кабинета.

Впрочем, к такому обращению охранник был привычен. На него часто кричали, как на этом, так и на предыдущих местах работы. Он тоже, в свою очередь, когда представлялась такая возможность, кричал на других и порой толкал их в грудь прикладом. А вот странность поведения Петрова Старшего не давала Сергею покоя весь остаток рабочего дня.

Она мучила его так сильно, что дома он поведал о чудачествах миллионера своей жене. О чем сразу же пожалел. Его Екатерина почему-то не проявила никакого интереса к парадоксальной личности Петрова, хотя именно это, по мнению Сергея, должно было

явиться предметом их обсуждения за ужином, а вместо этого сразу же обрушила на мужа свой сокрушительный гнев за проявленную им глупость. Но выслушивать упреки жены Сергей не захотел. И они, после взаимных оскорблений, как обычно, тут же крепко поссорились.

Но с тех пор Сергей, стоя на вахте, нет-нет да и возвращался в своих мыслях к тому случаю. Мысль о том, что такой большой человек может запросто разгуливать по улице, никак не укладывалась в его изнуренной раздумьями голове. Правда, в последнее время видеть миллионера охраннику не доводилось.

И вот стоит себе погожим апрельским полднем Сергей на вахте. Солнце весело светит ему в глаза, даже можно сказать, припекает. Охранник грызет семечки, у его тяжелых сапог уже скопилось несколько горок шелухи. И вдруг слышит тот самый уверенный голос:

– Открой-ка мне, приятель, шлагбаум.

Сергей посмотрел через плечо – и точно. Юрий Александрович собственной персоной.

Охранник немедленно развернулся, вытянулся по стойке смирно, улыбнулся во весь рот и с готовностью пропустил хозяина.

Тот же своей уверенной походкой проследовал вглубь двора и вскоре скрылся в боковом подъезде

главного здания офиса фирмы, где располагался его кабинет.

А охранник от внезапно переполнившего его чувства добросовестно исполненного долга словно застыл на месте, и секунд десять зачарованно смотрел куда-то вдаль. На устах его при этом играла еле заметная счастливая улыбка. Потом, словно придя в себя, Сергей тряхнул головой и, достав из кармана горсть семечек, снова приступил к своему обычному занятию. Горки шелухи под его ногами быстро росли. Время от времени он, как ему и полагается, поднимал шлагбаум проезжающим автомобилям со спецпропусками. Солнце радостно сияло на небе, и все-то было просто прелестно. Но по истечении получаса в сторожевой будке раздался телефонный звонок, и Сергей услышал, как его напарник виновато говорит в трубку:

– Я? Это не я. Я не видел. Это Сергей, наверное. Передам. Уже бегу передавать. Уже бегу.

После этого напарник грубо обратился к Сергею:

– Серег, дуй быстро к начальнику смены.

– Это еще зачем? – недовольно буркнул Сергей.

– Там тебе объяснят, зачем, дундук ты такой.

Стало очевидно, что опять произошло что-то нехорошее. И как обычно, – а Сергей давно это уже подметил, – именно тогда, когда ничто не предвещало беды и даже наоборот – шло как нельзя лучше. В самом деле, только что он дисциплинированно открыл шлагбаум самому Петрову Старшему. И тот даже улыбнулся ему.

Чего же еще им, спрашивается, надо? А вот на тебе, что-то потребовалось. Но что именно? И Сергей, недоумевающая, поплелся к своему начальнику.

А что же миллионер? Перенесемся на несколько часов назад. Юрий Александрович проснулся в то утро около десяти. Что было довольно для него поздно. С молодости Юрий Александрович приучил себя вставать очень рано. Часов в шесть. Ему это не составляло большого труда, потому что его природная потребность во сне была очень мала – часа на два, а то и на все три меньше среднестатистической. Та же самая природа наградила Петрова Старшего крепким здоровьем, которое он прилежно поддерживал. Регулярные занятия спортом вошли у него в привычку еще со школьной скамьи. Мальчишкой Юра много времени посвятил занятиям по легкой атлетике. Его даже прочили в профессиональные спортсмены, но он отказался от этой перспективы. Тем не менее до недавнего времени зимой Юрий Александрович часами ходил на беговых лыжах, а в бассейне проплывал по два километра три-четыре раза в неделю. Порой, правда, в этот режим все же вторгались некоторые непредвиденные обстоятельства.

Однако после кое-каких событий, о которых Юрий Александрович не любил упоминать, кое-что изменилось. Теперь он просыпался гораздо позже обычного

и не чувствовал при этом свойственной ему физической бодрости. Стала побаливать голова, чего никогда не случалось прежде, а ясность сознания приходила только после большой кружки крепкого зеленого чая, до которого Петров Старший и в лучшие свои годы был большой охотник.

В то утро голова у Юрия Александровича трещала с особой силой, и он, по совету одного своего нового друга, после кружки чая принял еще одно волшебное средство, после чего мучивший его недуг растворился как по мановению волшебной палочки. Почти одновременно с наступившим облегчением в окно к нему заглянуло веселое солнце, и настроение у него улучшилось.

Миллионер выглянул на улицу и, ощутив прилив бодрости, подумал, что было бы совсем недурно прямо сейчас заглянуть к себе в офис. Посмотреть, как там идут дела. Так ли уж хорошо отлажен процесс, как следовало из управленческой и официальной отчетности, с которой он ознакомился накануне перед отходом ко сну? Не требуется ли его срочного вмешательства, пока его младший брат Никита погружен с головой в управление их иностранными активами?

«Кстати, где он сегодня? Как обычно, в Цюрихе или в Лондоне? Никита, кажется, упоминал на прошлой неделе, что ему необходимо туда смотаться на пару дней. Но звонить ему сейчас все равно еще слишком рано из-за временной разницы. К тому же, Никита

ведь большой любитель поспать. Весь в маму пошел. И такая же светлая голова! Мы с ним и не такие горы еще свернем! Нам все по плечу! А пока пусть отдыхает, а я здесь за него поручу», – нежно думал про младшего брата Юрий Александрович.

Он сладко потянулся, и от предвкушения посещения своих владений на суровое лицо его снизошла сердечная улыбка. Петров Старший собирался посетить свой офис отнюдь не только для того, чтобы проконтролировать ход дел. Хотя и без этой несколько утомительной функции обойтись, конечно, тоже было никак нельзя. Но этим он займется чуть позже, когда, оказавшись у себя в кабинете, станет скрупулезно знакомиться с документами, а потом вызовет генерального, финансового и коммерческого директоров. Посоветовавшись с ними, Петров Старший окончательно поймет, какие нужно предпринять дальнейшие шаги, и тут же даст свои указания. Но первый час надо просто, как это он всегда делал и, главное, любил, поговорить накоротке со своими служащими самых разных должностей, узнать, чем они дышат, и таким образом почувствовать, чем живет этот муравейник, гордо называемый «Петров и Петров». И лучше всего для этого не вызывать их к себе в кабинет, а пройтись самому по длинным коридорам офиса, заглядывая к ключевым людям.

Сказано – сделано. Юрий Александрович надел

пиджак и уже стал отпирать дверь, как в коридоре появилась его жена и с тревогой в голосе осведомилась, куда это он собрался. Это была женщина приблизительно того же возраста, что и ее муж, самой обычной наружности, с усталым выражением лица.

– В офис, Настя, в офис, ничего нового, – коротко бросил ей муж.

– Может, не нужно тебе туда идти, Юра?

– Обычное дело, Настя. Что ты все волнуешься? Поезжай лучше за город, на свежий воздух. Я скоро буду, – с досадой буркнул миллионер и стал спускаться по лестнице дома сталинской постройки.

У них, конечно же, как и полагается обеспеченным людям, имелся роскошный особняк в пригороде, но Юрий Александрович питал некоторую слабость к этой небольшой, но уютной квартире, которую он приобрел давным-давно, еще до своего стремительного взлета. Несмотря на свое высокое положение, в быту Юрий Александрович всегда оставался неприхотлив. К тому же по удачному стечению обстоятельств отсюда до их семейного офиса было рукой подать. А миллионер любил ходить пешком. Привычная дорога, как всегда, не заняла много времени. Каких-нибудь полчаса.

В середине пути зазвонил мобильный. Юрий Александрович поднес трубку к уху.

– Юра, привет! Это Саша. Возвращаю твой вчерашний звонок. Тысячу лет тебя не слышал! Как ты?

– Все путем. Как сам?

– Нормально. Ты извини, я вчера говорить толком не мог, запарка чудовищная. И сейчас в цейтноте. Так что буду краток. Ты хотел, чтобы я тебе кого-нибудь из налоговой подогнал? Не из верхов, а на рабочем уровне? Ты еще имел в виду мою знакомую, начальницу районной инспекции, про которую я тебе как-то рассказывал?

– Ну, было дело.

– Так вот. Я до нее дозвонился сейчас. Ее, правда, как назло, то ли увольняют, то ли уже уволили. Но связи остались, я думаю. Я с ней сегодня на три часа дня в ресторане, где мы с тобой обедали обычно, договорился встретиться. Ты, как, сможешь?

– Буду.

– Ну и отлично. Тогда до встречи.

Друг отключился, а Юрий Александрович вскоре достиг высокого забора, надежно отделяющего обширную территорию его компании от остального мира. На проходной у шлагбаума он увидел придурковатого охранника, того самого, который однажды чуть было не ударил его прикладом помпового ружья. На этот раз он исправно открыл шлагбаум и подобострастно вытянулся по стойке смирно.

«Ни в чем меры у нас не знают», – подумал не одобривший лести Юрий Александрович и энергично проследовал внутрь бокового подъезда.

Там у турникета его встретил еще один охранник, который работал здесь не один год и, конечно же, знал Юрия Александровича в лицо.

– Как дела? – дружески поинтересовался хозяин и, взявшись за застывшую ручку турникета, вопросительно воззрился на охранника.

Тот, замешкавшись, застыл на месте. Юрий Александрович, видя его замешательство, дружески похлопал служивого по плечу. После чего охранник, наконец, нажал нужную кнопку, и турникет провернулся вперед, увлекая хозяина внутрь.

Оказавшись внутри здания, Юрий Александрович, как и планировал, не стал подниматься на лифте к себе в кабинет, а вместо этого отправился на осмотр помещений и проведение живых бесед с персоналом.

Свою обычную экскурсию он начал со второго этажа, куда поднялся пешком. Петров Старший хозяйской поступью следовал по коридору, а вокруг сновали деловитые сотрудники и вежливо здоровались с ним. Юрий Александрович обратил внимание, что надписи на дверях многих кабинетов мелких руководителей, мимо которых он проходил, содержали незнакомые ему фамилии.

«Видно, старею. Раньше помнил всех наизусть! Надо чаще общаться с коллективом. Давненько я уже здесь, получается, не был», – с тоской подумал он, и, заметив, наконец, знакомую табличку:

«Ларичева Т. И. Логистика. Начальник отдела», –

решительным движением повернул ручку. Дверь послушно подалась, Юрий Александрович сделал

твердый шаг вперед и оказался внутри небольшого кабинета. Там за маленьким столом сидела статная женщина лет сорока, с высокой прической рыжих волос. Напротив нее расположилась другая дама приблизительно того же возраста, только чуть полнее и меньше ростом. С ней хозяин лично знаком не был. На одном углу находившегося между ними стола лежала пачка каких-то документов, на другом расположились монитор и клавиатура компьютера. В самой же середине стояли две недопитые чашки чая и большая коробка с печеньем.

Увидев Юрия Александровича, дамы проворно вскочили со своих мест. На щеках у них появился румянец, а на лицах отразилось замешательство.

– Сидите, сидите, я ненадолго, – он одной рукой махнул своим сотрудницам, чтобы те заняли свои места, а другой взял свободный стул, подставил его к столу и сел сам.

– Может быть, вам чаю, Юрий Александрович? – любезно поинтересовалась Татьяна Ивановна.

– Спасибо, не откажусь.

Хозяйка кабинета проворно встала, налила еще одну чашку чая, поставила ее на стол и села.

– Ну, Татьяна Ивановна, рассказывайте, как дела в вашей «епархии»?

– Да что тут рассказывать, Юрий Александрович. У нас дела маленькие. И все в порядке, в целом.

– В порядке. Это хорошо. А как с вашей точки зрения, стоит автомобильные перевозки на аутсорсинг переводить?

– Если откровенно, Юрий Александрович, то с моей точки зрения ничего этого не нужно. Только какое это теперь имеет значение, если все равно все перевели давно?

– Как перевели? Когда?

– Да уж с месяц назад. И даже весь собственный автомобильный парк продали.

– Как продали? Без решения Совета Директоров?!

– Был и Совет, и решение, все было.

«Как же это я пропустил? Надо бы разобраться в этом. Сейчас приду к себе кабинет и непременно с этого начну!» – озадачено подумал Юрий Александрович и, сделав два глотка чаю, стремительно поднялся. Женщины тоже сразу встали. Петров Старший сердечно пожал им руки и со словами «хорошего дня» покинул их кабинет.

– Кто это, Тань? – тут же озадачено спросила, та, что была полнее.

– Петров Старший это, Люба! – понизив голос, отвечала Татьяна Ивановна, а потом добавила: – Впрочем, ты его и не могла застать. Ты же на работу только месяц как оформилась.

– Тот самый, что ли?!

– Да!

– А разве их не того? Ну, это, во время покушения, два месяца назад, кажется, в газетах писали еще...

– Его-то бог миловал: множественные осколочные ранения, ударная волна, контузия, реанимация, многочасовая операция. Видно, правду говорили, что в рубашке родился – отлежался. Вон, смотри, теперь огурцом выглядит. Ну, конечно, для человека, который такое перенес. Организм здоровый очень, говорят. Другой бы уже давно... – и Татьяна Ивановна махнула рукой.

– А чего это он? Зачем приходил-то? Ведь...

– Бог его знает, Люба. Чувствуешь, какой от него шлейф? Может он с утра, это, того, принял дозу-то. Ладно, не нашего ума это дело. Мы люди маленькие, нам работать надо. Иди к себе, – с этими словами Татьяна Ивановна уткнулась в монитор компьютера, а ее коллега отправилась на свое рабочее место.

Выйдя из кабинета начальника отдела логистики, Юрий Александрович ненадолго остановился в задумчивости. Однако, как своевременно он зашел к ней! Теперь следовало поскорее разобраться, почему и на основании чьих решений компания отказалась от собственных грузовых перевозок. Скорее всего, по мнению Юрия Александровича, это являлось самоуправством коммерческого директора. С этим типом пора было, наконец, разобраться. Больно много на себя брал!

Быстро поднявшись на два пролета лестницы, он открыл дверь в свою приемную и сразу же почувствовал какие-то неуловимые перемены. Юрий Алексан-

дрович остановился и присмотрелся. Мебель, вроде бы, была та же. Цветы в углу. За стойкой как обычно сидели две секретарши, которые вместо того, чтобы почтительно поздороваться, почему-то вопрошительно смотрели на него, как будто ждали, что он им сейчас представится, как обычно делают сторонние посетители. Да и сами девушки были ему незнакомы! Новенькие, что ли? Но кто это, черт возьми, себе позволил без разрешения поменять его секретарш? Куда подевались его Люба и Мила?!

Потом взгляд миллионера непроизвольно скользнул над головами девушек по стене вверх, туда, где некогда красовалась горделивая надпись «Петров и Петров», и он обомлел. Надпись была другая! То ли чья-то длинная чужая фамилия, то ли еще что-то. Разобрать толком Юрий Александрович не успел, потому что в этот самый момент почувствовал, что его кисти и запястья сковали чьи-то крепкие руки. И незнакомый низкий голос откуда-то сзади тихо произнес: «Попрошу вас, Юрий Александрович».

Охранник Сергей робко просунул голову в комнату начальника смены.

– А, пришел? Пошли скорее! – сказал тот, и проследовал скорым шагом за дверь. Сергей еле поспевал за ним. Было очевидно, что произошло что-то особенное. Вскоре они оказались в приемной начальника службы безопасности.

– Вызывал, – бросил начальник смены секретарше, и они немедленно вошли внутрь.

Начальник службы безопасности, полный человек лет пятидесяти с красноватым оттенком лица, сидел за массивным столом и недобрый взглядом буравил вновь пришедших.

– Ну, рассказывай, – мрачно процедил он сквозь зубы, не предлагая садиться.

Сергей догадался, что обращаются именно к нему. И хотя из всего происходящего было ясно, что он в чем-то провинился, в чем именно заключается его вина, охранник никак не мог понять. И потому поинтересовался, о чем именно ему следует рассказать. Тут Сергей почувствовал, что этот его вопрос только больше усугубил положение. Хозяин кабинета побагровел еще сильнее, но не закричал, чего ожидал привыкший к плохому обращению охранник, а сдерживаясь, снова процедил:

– Как Петров Старший выглядел?

– Как обычно, улыбался. Он всегда такой.

– Не шатало его?

– Как это шатало?

– Пьяных, знаешь, как шатает?

– Да нет, вроде, не шатало.

– Спиртным от него не пахло?

– Вроде нет.

– Вроде Володи, похож на тарантас! – пробурчал себе под нос начальник смены.

– Шутник, тоже мне, нашелся! Ты мне скажи, почему на закрытую территорию твои люди посторонних пропускают? – переведя тяжелый взгляд на начальника смены, прошипел начальник безопасности.

«Может, пронесет и на этот раз?» – подумал Сергей.

Но его суровый начальник, сродни хитрому нашководившему подростку, который по опыту хорошо знает, что лучшая стратегия в таких случаях – это ничего не говорить, только молча сопел, понутив голову. Тогда хозяин кабинета перевел злобный взгляд на того, кто в некотором смысле и заварил всю эту кашу – Сергея. Только теперь до охранника окончательно дошло, что именно он сделал не так. Тогда Сергей развел руками и пробубнил:

– Так ведь это ж сам Старший Петров был...

– Понятно, что не Младший. Мертвые, вроде как, не ходят, – тихо передразнил его начальник смены.

– Вот именно, что был. Был, да весь вышел. Ладно, иди давай, Сергей. Еще раз кого на территорию без пропуска допустишь – уволю, – и большой начальник, брезгливо сморщившись, махнул рукой в сторону двери.

А мелкий начальник смены, опасаясь дальнейших разбирательств, тоже быстро выскользнул из страшного кабинета и тут же поучительно зажуужал на ухо своему нерадивому подчиненному:

– Считаю, повезло тебе, Сергей. Предыдущий шеф безопасности, что при Петровых работал, тебя бы за такие штучки в бараний рог скрутил, так что своих бы

не узнал! А это – человек! И не просто человек, а человек с большой буквы! Смотри, даже не кричал! Ты смотри, пожурил только!

Сергей действительно рассеянно посмотрел в окно и увидел, как крепко сбитые молодые люди, стараясь, насколько это было возможно в данной ситуации, не привлекать к себе внимания, быстро препровождают Петрова Старшего за ворота, крепко взяв последнего под руки.

Тут охранник неожиданно испытал теплые чувства в отношении претерпевшего унижение миллионера, и ему даже стало досадно за Юрия Александровича. Настолько досадно, что вечером того же дня он поделился этой историей с женой, о чем тут же пожалел. Даже не дослушав повествование мужа до конца, она по своему обыкновению начала на него кричать за проявленную нерадивость, а до парадоксов трагической судьбы Петровых ей не было никакого дела.

«Подумаешь, фирму у него отобрали! У этого толстосума денег, небось, все равно куры не клюют!» – было ее единственным замечанием на предложенную тему. После чего она вновь переключилась на описание личности своего мужа в самых неприглядных и оскорбительных для него тонах. Но и Сергей молчать не собирался и высказал ей все, что у него было для таких случаев припасено. В общем, его жизнь шла своим чередом.

А что до Юрия Александровича, тот на удивление спокойно воспринял свое выдворение из некогда принадлежавшего ему офиса. Невозмутимость, вообще-то, всегда была ему присуща.

«Недоразумение какое-то...», – только и подумал миллионер, и, пожав плечами, двинул пешком в сторону ресторана – благо до него было рукой подать, – где у него была назначена встреча с другом. Единственное, что, пожалуй, несколько беспокоило Юрия Александровича, так это нарастающая головная боль.

«Надо бы срочно принять соответствующее средство», – пришло ему на ум. А как уже мог заметить дотошный читатель, миллионер был человеком действия. К тому же в это самое время на его пути повстречался бар, куда он не преминул заглянуть, чтобы пропустить стопку текилы. Горячительный напиток довольно быстро сделал свое дело, и голову действительно отпустило. Но Юрий Александрович подумал, что лучше будет закрепить успех, и заказал себе еще немного живительного средства, а потом и еще...

Совсем скоро, так ему, во всяком случае, показалось, зазвонил его мобильный.

– Юр, ну ты где? – зазвучал знакомый голос из трубки.

– Саш, ты, что ли? – догадался Юрий Александрович.

– Я, естественно.

– Где ты?

– Где, где! Я-то в ресторане, с полчаса как тебя жду!
А вот ты где? – недовольно забубнил его приятель.

– Аааа, – протянул Юрий Александрович, – понял. Немного задержался. Сейчас буду.

Вскоре он уже присаживался за столик, где ожидал его приятель. Это был мужчина на вид лет пятидесяти – пятидесяти пяти. С наголо выбритой головой, в очках. Невысокого роста и с большим тугим животом. Одет он был в голубые модные джинсы и сиреневую водолазку.

– Слушай, налоговичка немного задерживается. Подождем? – начал разговор Саша, после того, как они обменялись рукопожатием.

– Можно.

– Давно не виделись. Ты как сам?

– В порядке. А ты?

– Тоже вроде.

– Выпьем пока? – предложил немногословный миллионер.

– Не помешает.

– Давай текилы.

– Давай, но только немного. Мне еще на переговоры вечером ехать. Сам понимаешь.

Вскоре на столе появились легкие закуски и текила. Они выпили.

– Слушай, а я вот не понимаю, почему ты именно инкогнито встречаться с ней захотел?

– С налоговичкой-то?

– Ну да, с кем же еще?

– А чего?

– А то, что назвал бы ей свою фамилию, так она бы уже давно как штык здесь сидела. Я думаю, даже раньше нас бы приехала.

– Не, – поморщился миллионер, – я этого не люблю. Надо, чтоб по-свойски поговорить.

– Ну, смотри, тебе виднее. Только теперь ее ждать придется черт знает сколько. К тому же, «по-свойски» с ней может и не получиться.

– Спешешь?

– Да нет, пока не особенно.

– Тогда давай еще выпьем.

Саша кивнул головой.

Им принесли еще текилы. Саша посмотрел на часы и опять недовольно забубнил:

– Зря ты это все выдумал. Я имею в виду, инкогнито с ней встречаться. Теперь жди ее, дуру такую! Она же, пока ее не уволили, привыкла к подношениям. Считай, весь район у нее в руках был! А в подчинении одни льстивые тетки. Вот ей крышу и снесло! Я бы даже сказал, капитально ей крышу снесло. Ее и с работы из-за этого уволили. Видят, в «неадекват» баба. А до этого, между прочим, нормальная девка была, в целом.

– Симпатичная она?

– В общем, да. Но не совсем в моем вкусе.

– Ты ее того?

– Был близок как-то, пока ей крышу еще не снесло, но до дела так и не дошло.

– Ей сколько лет?

– Тридцать пять, если не ошибаюсь.

– Пусть подругу приведет.

– Ты же, вроде, о деле с ней хотел каком-то поговорить? – удивился неожиданному повороту настроения своего приятеля Саша.

– Спорт учебе не помеха, – как обычно, коротко пояснил свою позицию Юрий Александрович.

– Тоже верно. Да вон она уже, – вставая со своего места, молвил Саша.

Юрий Александрович тоже встал, посмотрел на приближавшуюся к ним женщину и улыбнулся. Налоговичка определенно пришлась ему по вкусу. Это была небольшого роста блондинка, с заносчивым выражением довольно красивого лица. У нее была короткая стрижка и длинная челка, слегка ниспадающая на один глаз. Она была элегантно одета и, несмотря на очень высокие каблуки, умудрялась грациозно передвигаться.

– Юра, – представился ей миллионер и широко улыбнулся подкупающей своей сердечностью улыбкой.

– Ирина Ивановна, – ответила, не обращая внимания на протянутую ей руку, налоговичка и, помедлив мгновение, как будто оценивая, с кем имеет дело, добавила: – Можно «Ирина».

– Привет, Ир, присаживайся, – сказал Саша и дружески похлопал ее по плечу.

– Вот только не надо этого, Саша. Только давай без рук, – язвительно фыркнула Ирина, садясь на предложенное ей место.

– Мне Саша говорил, что вы в «налоговой» большой пост занимаете? – с подчеркнутым почтением поинтересовался миллионер.

– Ну, скажем так, занимала до недавнего времени. Но связи, как вы понимаете, кое-какие остались, – подбородок ее чуть приподнялся, а в голосе зазвучали высокомерные нотки. И на то были свои причины.

Ирина привыкла к тому, что совсем недавно от нее всем что-то было постоянно нужно, и по инерции продолжала играть эту столь притягательную для многих роль. Ведь еще вчера назойливые просители обрывали трубки ее многочисленных телефонов, прорывались к ней в кабинет, напрашивались на встречи, добившись которых, заваливали ее дорогими подношениями. И это были чудесные, сказочные несколько лет в жизни Ирины, если, конечно же, не принимать в расчет риск уголовного преследования, от тяжкого бремени которого сильно страдала ее ранимая женская психика. Помимо материальной стороны дела – налоговичка быстро обогатилась на новом месте, – она истинно наслаждалась, казалось, неиссякаемым потоком человеческого внимания, к которому Ирина так долго и страстно стремилась, но достигнув которого, принялась старательно

делать вид, что все это ей опостылело. И частенько в состоянии подпития – напряженные до предела нервы все настойчивее требовали расслабления – в разговорах с малознакомыми людьми, так сказать, бизнес-партнерами, Ирина, утяжелив свою сумочку очередной взяткой, начинала навязчиво твердить, что она на самом деле отнюдь не такая, а совсем другая. Разумеется, уточнений, какая же она именно, от нее добиться было невозможно, даже если находились такие желающие.

Впрочем, все эти черты характера зарвавшейся налоговички, которые многим могли бы показаться не слишком привлекательными, Юрия Александровича совершенно не смущали. Ему нравился такой тип женщин. И потому он любезно предложил своей новой знакомой чем-нибудь подкрепиться прежде, чем переходить к делу. Само собой разумеется, что никакая добрая трапеза, пусть даже совсем легкая, такая, скажем, как «Омар термидор», не может обойтись без хорошего вина. Тут же выяснилось, что Ирина неплохо разбирается в винах или уж как минимум в названиях некоторых из них. И все это по мановению руки миллионера незамедлительно появилось на столе. После чего налоговичка немного размякла. И даже выражение лица ее несколько потеряло свойственный ему хищно-недовольный оттенок.

«А старичок-то, похоже, еще очень даже ничего. Вот только ростом маловат будет, да одет как-то не гламурно. Но зато подтянут», – мелькнула мысль в ее

маленькой головке, когда она прикончила второй бокал шабли. А на подходе ведь был уже третий. И все это время Юрий Александрович, насколько это позволял его лаконичный стиль общения, не скупился на комплименты по поводу утонченного вкуса «прекрасной дамы за их столом». Разговор полился сам собой и быстро ушел из области налогообложения в бытовую сферу.

«В конце концов, это же пятничный вечер. И почему бы не провести его именно в этой компании?» – мысленно рассуждала налоговичка, отхлебывая шабли.

К тому же, других вариантов у нее, признаться, все равно не было. Дома Ирину никто не ждал. Десятилетний сын, как обычно, на субботу-воскресенье уехал к бабушке на другой конец города. С мужем она давно развелась. По ее мнению, он оказался недостаточно для нее силен. Слабость его заключалась в том, что он не смог совладать с норовом налоговички. Пусть у нее были романы на стороне, и некоторые из них – из карьерных соображений. Но он же мужчина и должен был заставить ее быть с ним! А он не смог.

После того, как Ирина разделалась с третьим бокалом, на нее снизошло полное расслабление, и когда Юрий Александрович, невзначай положил ей свою руку на плечо, это не показалось Ирине чем-то неприятным, но совсем наоборот, вполне уместным и даже своевременным действием с его стороны.

Однако тут голову подозрительной налоговички неожиданно пронзила неприятная мысль, и она язвительно поинтересовалась, обращаясь к миллионеру:

– Вас, наверное, дома жена ждет?

– Жена? – сам задался вопросом Юрий Александрович, и в воздухе повисло напряжение.

– Нет, не ждет, – произнес он, как всегда, уверенно. Но в этом двусмысленном ответе Ирина услышала именно то, что хотела бы услышать, и оттого вновь расслабилась.

– А вас дома муж ждет? – в свою очередь спросил Юрий Александрович.

– У меня мужа нет, только сын от этого типа остался.

– За что же вы мужа-то прогнали?

– Откуда вы знаете, что прогнала? А может, это он сам ушел? – на щеках у польщенной налоговички зарделся румянец. «Значит, с первого взгляда видно, что я сильная женщина!» – подумала она с удовлетворением.

– От таких женщин, как вы, не уходят, – перешел на прямые комплименты Юрий Александрович.

– Хотите откровенно? – Ирина, прищурившись, посмотрела на своего нового знакомого, которого она знала не более двух часов.

– Хочу, – рубанул Юрий Александрович, опрокинув очередную рюмку текилы.

– Слабак он оказался, – промолвила Ирина и взяла паузу.

Юрий Александрович с восхищением смотрел на нее.

– Не понимаете, что я имею в виду? Так я объясню. Да, у меня были романы на стороне. Некоторые, не буду скрывать, из карьерных соображений. Но у красивой женщины много соблазнов. А он должен был меня заставить остаться с ним. Быть сильнее других должен был. И сильнее любых обстоятельств. Понимаете?

Немногословный Юрий Александрович решительно кивнул головой, так что не оставалось сомнений в том, что он не только понимает, но и всецело разделяет ее точку зрения.

– Сильной женщине вообще трудно найти себе мужчину. Понимаете, почему? – Ирина увлеченно продолжала знакомить со своей жизненной позицией миллионера.

Юрий Александрович снова энергично кивнул.

– Все правильно. Потому что ей сложно найти мужчину сильнее себя. Когда у тебя большие достижения на работе, когда много достоинств, когда ты молода, обаятельна, красива, наконец! Что тут объяснять, вы же все понимаете, как я вижу, – Ирина махнула рукой. Тут Юрий Александрович неожиданно сморщился, словно от сильной боли, и схватился левой рукой за правый бок.

– Я сейчас, – сказал он, и вышел из-за стола.

Саша в тревоге последовал за ним. Войдя в просторную мужскую уборную, он увидел своего товари-

ща. Тот, задрав водолазку, смазывал какой-то мазью свой испещренный шрамами правый бок.

– Эка тебя! – пораженный увиденным, пробормотал Саша.

– Ноги такие же. Побаливает иногда. Еще одну операцию делать надо.

– Зачем?

– Остатки железа доставать. Пойдем еще обезболивающего примем.

Вновь расположившись за столом, Юрий Александрович поймал на себе вопросительный взгляд Ирины, которая намеревалась вот-вот разделаться с четвертым бокала вина.

– Бандитская пуля, побаливает иногда, – пояснил он.

– Вот только не надо мне рассказывать про боль! – сварливо заявила налоговичка.

– Это почему? – встрял в разговор Саша.

– Знаю я это все. Мужчины любят вначале про боль, потом про возраст, на жалость надавить, так сказать. Только на поверку все выдумкой оказывается. Поэтому я вам советую так беседу с женщиной никогда не строить. Это уж поверьте мне, – и она весомо, словно указкой, покачала указательным пальцем перед носом мужчин.

– Верим, верим, – чудом успел вставить Юрий Александрович, а налоговичка уже продолжала:

– Уж поверьте мне, я-то знаю, что такое настоящая боль. Особенно боль душевная. А душевная боль, как

известно сильнее, чем любая, – я подчеркиваю это слово, – любая физическая. Это всем понятно, надеюсь?

Тут следует заметить, что причиной самой сильной физической боли, которую когда-либо доводилось испытывать Ирине, являлась полученная в подростковом возрасте трещина лучевой кости на правом запястье. Что же касается великих душевных страданий, то они, как несложно догадаться, относились к долгоиграющему роману с ее начальником, который, ввиду некоторых чрезвычайно запутанных обстоятельств, так и не смог развестись со своей женой и воссоединиться со своей любовницей.

– И я вам скажу, что никому не пожелаю испытать того, что испытала я в своей жизни! – поучительно вещала захмелевшая налоговичка, обращаясь при этом главным образом к миллионеру, которого она видела впервые и, соответственно, никак не могла знать ни его обстоятельств, ни личного опыта. Что ее, однако, совершенно не смущало. Ирина была непоколебимо уверена в уникальности своих душевных переживаний, равно как в непогрешимости своих суждений. Поэтому, несмотря на свои жизненные невзгоды, причины которых, конечно же, как она полагала, крылись в некоем мистическом злом роке, а никак не в собственной заносчивости, Ирина не смущалась щедро раздавать свои бестолковые советы, нимало не тревожась о том, нравится это кому или нет.

Юрий Александрович определял такой тип как «женщина трудной судьбы». По его наблюдениям, особи данного склада характера часто становились жертвами моральных, а в худшем случае и физических напастей, которых довольно легко удавалось избежать людям иной душевной организации. И все же что-то во всем этом казалось Юрию Александровичу притягательным. А потому, когда его приятель, после очередной реплики налоговички, тихо пробормотал «с меня, пожалуй, хватит» и, пошатываясь, начал вставать из-за стола, чтобы откланяться, миллионер, посмотрев на свою новую знакомую своим открытым взглядом, предложил ей продолжить вечер в караоке.

Ирина, в знак согласия, молча кивнула головой, а миллионер набрал телефонный номер и приложил трубку к уху.

– Ты куда звонишь? – спросила Ирина. И они перешли на «ты».

– Водителю, – пояснил Юрий Александрович и тут же начал ругаться:

– Что они там, спят, что ли? Телефоны отключили все! Уволю всех!

– Поехали на такси, – предложила Ирина, и они встали из-за стола.

В караоке они пели и даже танцевали. Но Юрий Александрович уделял чрезмерное, если не сказать большего, внимание текиле, что не могло не сказаться

самым пагубным образом на его сознании. И когда он, на пути в туалет, в гардеробной заметил красивую женщину, ему показалось, что было бы хорошо с ней немедленно познакомиться. В самом его намерении не было ничего предосудительного, и при других обстоятельствах оно даже могло бы вполне реализоваться. Но! Во-первых, к моменту предполагаемого нового знакомства миллионер практически потерял дар членораздельной речи. А во-вторых, дама оказалась не одна, а с кавалером. Последний, пользуясь своим физическим превосходством – он был очень высок и мускулист, – бесцеремонно толкнул Юрия Александровича в грудь. Тот сделал два шага назад и уперся спиной в стену.

– Вдвоем на одного, – недовольно пробормотал Юрий Александрович, сердито глядя на своего обидчика.

Тот, к счастью, лишь махнул рукой. Воздействие его толчка было не сильным, но именно после него миллионер неожиданно решил, что он слишком пьян и ему пора домой. Юрий Александрович, спотыкаясь, вышел из заведения, нетвердой рукой поймал такси и сообщил водителю адрес своего загородного дома. Мысли об Ирине, многообещающий вечер которой оказался безнадежно испорчен, миллионера никогда больше не посещали.

Через полтора часа их машина достигла ворот элитного поселка, состоящего из пяти обособленных владений, объединенных единой общей территорией.

Таксист повернулся к пассажиру и буркнул:

– Приехали.

– Давай к дому, – недовольно скомандовал миллионер.

– Так не пускают нас!

Юрий Александрович открыл окно и пробормотал заплетающимся языком:

– Привет ребята, открывайте!

– А вы к кому? – ответил один из охранников.

Их было двое. Второй стоял поодаль.

– К себе.

– К себе? – удивленно переспросил охранник.

– Да.

– Как это к себе? Ваш же дом продан, Юрий Александрович, – услышал от вновь подошедшего охранника удивительные о себе вещи миллионер.

– Да?

– Ну да.

– Вы, может, расплатитесь? А потом выяснять про свой дом будете? – встрял в разговор таксист.

Миллионер сунул ему несколько купюр и вывалил-ся из машины на влажный асфальт.

– Продал, значит? – озадачено повторил он, с трудом поднявшись на ноги, и стал набирать номер телефона. Пальцы не слушались его, а цифры сливались перед глазами. Несколько раз он попадал не туда. Петров Старший дико озирался вокруг. Алкоголь продолжал свое разрушительное воздействие. Перед его

глазами была какая-то плохо различимая серая пелена, и вскоре он совершенно перестал понимать, где находится.

– Юрий Александрович, вас к телефону, – донесся откуда-то из темноты слабо знакомый голос. Петров Старший поднял голову и в свете фонарей различил крупную темную фигуру, которая что-то протягивала ему. Он почти на ощупь взял предмет, который оказался телефоном.

– Юра, что ты там делаешь? Приезжай быстрее домой! Я тебя уже давно разыскиваю! – раздался из трубки тревожный голос его жены.

– Я уже на проходной, Настя, но не пускают меня.

– Приезжай в Москву, я тебе говорю. Ты там на такси?

– Хорошо. Я поеду на своей машине. Куда подевались водители, черт их дери? Вызови их.

– Какие водители, Юра? У нас нет водителей. Их давно всех уволили.

– Почему?

– Потому что им платить нечем, вот почему. Горе ты мое. Стой там. И никуда не уходи. Я сейчас тебе такси вызову. Только не ходи никуда. Понял? А сейчас аккуратно передай трубку охраннику! – терпеливо говорила любящая жена.

Через каких-нибудь полчаса бывший миллионер крепко спал на заднем сидении такси, уносившего его в старую уютную московскую квартиру. На невозму-

тимом лице Петрова Старшего застыла счастливая улыбка, а в сознании быстро проносились диковинные сны его бурной и незаурядной жизни.

Октябрь 2013

Путешествие иностранца

Как-то раз в некоторое царство, в некоторое государство, в какое, мы не знаем точно, прибыл заезжий иностранец при костюме и в галстукe. Возраста иностранец был неопределенного, а внешности самой невыразительной: роста среднего, на носу очки в тонкой оправе, черты лица слегка заострены, лысоват, а в руках тугой портфель с какими-то документами. Цели приезда иностранца до поры оставались скрытыми.

Его появление, возможно, так и осталось бы незамеченным служащими аэропорта: много людей подобной наружности встречалось в том государстве, особенно в аэропорту, куда и прибыл самолет с гостем, если бы не крутые ступеньки, ведущие в зону получения багажа. На них наш иностранец споткнулся и упал, да так неудачно, что более разогнуться не смог. Лежит он на полу, постанывает от боли и собственной, внезапно постигшей немощи.

Но не прошло и получаса, как подоспели два крепких мужика, одетые в белые халаты. И один из них спрашивает:

– Вы что тут, господин хороший, улеглись-то?

– Спина, спина... – стонет иностранец.

Следует отметить, что очень недурно иностранец этот владел языком некоторого царства, в которое его забросила нелегкая.

– Спина, говоришь? тебе в санчасть тогда надо, – промышчал тот, что был повыше ростом.

– Да, да, в санчасть, в больницу, то есть.

– Так вставай, пошли, чего лежать-то...

– Я не могу идти. Мне больно.

– Больно ему! Бывает. Что ж теперь, тут лежать, что ли?

– У нас принято больного на носилках переносить, – простонал иностранец жалобно.

– На носилках? – протянул тот, что был поменьше ростом, и в нерешительности посмотрел на своего товарища. Очевидно, ни тому, ни другому совсем не хотелось идти за носилками и тем более пострадавшего потом нести.

– Ну, не знаю даже. Давай лучше так попробуем. – И тот в белом халате, что повыше, взял иностранца под руку и начал тянуть вверх. – Вставай, вставай потихонечку.

Его коллега, не мешкая, зашел с другой стороны. Иностранец поначалу вяло пытался сопротивляться,

но потом смирился, и дело пошло: ведомый под руки, добрел он живенько до машины скорой помощи. Но там ему неожиданно стало легче, и решил иностранец по своим делам отправиться, а от услуг скорой помощи отказаться.

Однако стоило ему сесть во встречающий его автомобиль, как боль вновь сковала его спину. Посетовав на недуг, иностранец попросил водителя ехать в больницу.

– Понимаю, понимаю! – с сочувствием заверил иностранца водитель. – У самого спина болит. Не извольте беспокоиться. Все устрою по лучшему разряду. Отвезу в специализированный институт. Меня там самого недавно на ноги поставили.

В институте царил полная сумятица и неразбериха. Никто не мог взять в толк, как поступить с заезжим иностранцем, у которого не оказалось при себе необходимых документов, требуемых для прохождения осмотра. Несколько часов иностранец толкался в очередях, заполняя какие-то документы и, наконец, попал на прием к врачу. Последний, после беглого осмотра, определил больного на капельницу, назвав номер кабинета, где его должны были ожидать.

Поплутав по длинным обшарпанным коридорам, иностранец нашел-таки нужный кабинет с табличкой «процедурная». Очереди, к его удивлению, не было, и пациент осторожно постучал в дверь. В ответ – тишина. Потоптавшись немного перед кабинетом, ино-

странец приоткрыл дверь и, просунув голову внутрь, спросил:

– Можно?

В кабинете, как ему сначала показалось, никого не было, кроме молодой девушки в белом халате, сидевшей за покосившимся от времени столом. Она повернула голову и молча посмотрела на просунувшуюся в дверь голову посетителя. На ее лице при этом не отразилось никаких эмоций. Иностранец хотел было объясниться, как вдруг из-за ширмы раздался голос:

– Проходите сюда.

Иностранец послушно прошел за ширму, где его взору открылись две узенькие кушетки, на одной из которых пристроился какой-то человек. В руке лежавшего красовался катетер.

– Ложитесь на кушетку, – невозмутимо сказал незнакомец, вынимая самостоятельно катетер из руки. – Препараты при вас?

– Какие препараты?

– Известное дело, какие вам прописаны, – с раздражением в голосе сказал собеседник и начал вновь вправлять себе иглу в руку.

– А что, в больнице препаратов нет? – поинтересовался иностранец.

– Да ты, я вижу, не из наших? А то я уж подумал вообще... – смягчился человек на кушетке. – Так я тебе

объясню. Все со своими лекарствами приходят. Пойди, купи их в аптеке и приходи.

– А где аптека? – промолвил озадаченный иностранец.

– Как выйдешь из главного входа, то за углом будет. И не забудь саму капельницу купить! – дружески напутствовал его знаток местных порядков.

Не прошло и часа, как упорный иностранец вновь появился в процедурной. Там на первый взгляд мало что изменилось. За столом все так же сидела безучастная девушка в белом халате, а из-за ширмы на его вопрос «можно» откликнулся чей-то голос. Иностранец уже немного освоился и, не мешкая, отправился за ширму. Одна кушетка была свободной, на другой лежала полная пожилая женщина. Юбка у нее была приспущена, ягодица оголена. Спинай к иностранцу стоял давешний незнакомец, который, по всей видимости, закончил свою личную процедуру и уже, как и собирался, приступил к оказанию медицинских услуг другим больным. Он ловко вынул шприц из железобразной ягодицы пожилой особы и приложил к месту укола проспиртованную ватку. После чего обернулся и, увидев иностранца, деловито произнес:

– Все купили? Давайте сюда, а сами ложитесь, – и потер руки, явно намереваясь самостоятельно осуществить процедуру установки капельницы.

– Но не лучше ли будет, если этим займется врач? – тревожно осведомился иностранец.

- А где вы видите врача? – нахмурился пациент.
- Вот же, девушка в белом халате сидит, – и иностранец махнул рукой за ширму.
- Это же студентка! Она на практике.
- Так, может быть, лучше она сделает?
- Я бы вам не рекомендовал. Они же, студенты эти, сейчас ничему не обучаются. Да и откажется она, скорее всего. Хотите, спросите сами.
- Девушка, вы не могли бы мне процедуру осуществить? – все же обратился к ней непривычный к порядкам и традициям некоторого государства иностранец.
- Нет, что вы. Мы этого не проходили, и вообще, я боюсь иголок, как огня, – зевнув, ответила студентка и перевернула страницу глянцевого журнала, во весь разворот которой был изображен огромный бриллиант в изумительной оправе. Девушка задумчиво посмотрела на изображение и потом перевела взгляд на свое кольцо. С виду они были идентичны.
- Видите, я же говорил. Ложитесь скорее, а то мне идти уже пора, – сказал пациент и тут же деловито начал прилаживать капельницу. Когда игла оказалась в вене иностранца, доброхот шумно выдохнул и отдал последнее напутствие:
- Вы, бабуля, обождите минуты две, чтобы голова не кружилась, а вы, иностранец, как ваша капельница закончится, сами ее снимете. И если кто после вас придет, не забудьте помочь, ну, если укол понадобится или еще что.

– Но я не умею! – взмолился иностранец.

– Это ничего. Надо же с чего-то начинать, – невозмутимо ответил незнакомец и покинул помещение.

– Первый раз с таким сталкиваюсь! – возмутился иностранец.

– С чем, милоч? – неожиданно оживилась старуха.

– Чтобы пациенты сами себе уколы делали, чтобы капельницы и лекарства сами в аптеке покупали!

– Ну, это еще что! Она, в Нижней – и она неразборчиво произнесла какое-то слово, по некоторым признакам являющееся продолжением названия некой страны с другого континента, – так тама, говорят ежели кто рентген захотел сделать, снимок рентгеновский, то есть, так он сперва должен рентгеновский аппарат купить и в больницу привезти. Так говорят. Она как! А тут лекарства купить, да укол сделать, и всего делов-то! Ну, давай, милоч, пошла я. А ты, я вижу, не местный будешь. Ну, ты это, того, привыкай давай. Ежели кто придет, пока ты здесь, помочь надобно тебе ему будет, – и с этими словами бабка слезла с кушетки. Но перед тем, как уйти, бросила профессиональный взгляд на капельницу иностранца и, пробормотав: «чтой-то он тебе скорость больно большую установил», заботливо передвинула какой-то рычажок.

Иностранец, несмотря на свою ничем не примечательную внешность, оказался человеком исключительно восприимчивым к чужим обычаям. И когда в палате появился следующий пациент с пакетиком ме-

дикаментов в руках, иностранец проворно отсоединил иглу из собственной вены, принял у нового пациента шприц, наполнил его лекарством и сделал инъекцию. После чего снова улегся под капельницу. А немного позже так втянулся в новое для себя занятие, так разохотился уколы делать, что его с трудом выпроводить смогли.

Из обветшалой больницы иностранец поспешил на заседание совета директоров одной очень-очень большой корпорации некоторого царства, что, собственно говоря, и являлось истинной целью его визита. Благо место это находилось совсем неподалеку. Водитель сделал несколько поворотов, и машина остановилась перед парадным подъездом.

С трудом открыв массивные двери, иностранец очутился в блеске великолепия и величия. С мраморных стен на него взирали полотна великих мастеров мировой живописи. Поднявшись на бесшумном лифте на нужный этаж, иностранец попал в зал заседаний, размером с половину футбольного поля. Там, за огромным столом буквой «П», уже разместились важные персоны – члены совета. Всего их было человек пятнадцать, но ввиду большого пространства, а также большой удаленности одной части стола от другой все места были предусмотрительно оборудованы микрофонами. На значительном отдалении от основного стола, на отдельных креслах находилась

группа приглашенных. На их лицах отражалась нервозность, а часть из них суетливо, сродни студентам перед экзаменом, просматривала какие-то бумаги, видимо, готовясь к тому, что их скоро будут ругать. В некотором царстве, как это уяснил себе сметливый иностранец во время своих предшествующих визитов, проявление грубости в отношении подчиненных считалось признаком высокой квалификации руководителя, важным управленческим стандартом, которого всем начальникам следовало неукоснительно придерживаться.

Пунктуальный иностранец приземлился на заранее отведенное ему место. Об этом свидетельствовала маленькая табличка с его фамилией. И тут часы пробили восемь вечера: время, на которое было назначено заседание. Члены совета застыли на своих местах. Не хватало лишь Главного, который никак не шел.

Прошло полчаса, сорок пять минут, час, и тут по залу пронесся шепот, что Главный, видимо, по своему обыкновению, задерживается. В зале наступило оживление. Некоторые члены совета встали со своих мест и начали расхаживать взад-вперед группами и по одному. Кое-кто вышел из зала вовсе, но лишь затем, чтобы вскоре появиться с бокалом воды в руке или с чашкой чая. Иностранцу тоже захотелось пить, и он вышел из зала в коридор. Там он обратил внимание на соседнюю дверь, которая была приоткрыта. Иностранец вошел в нее и очутился в просторной комнате, видимо, специ-

ально предназначенной для легких закусок. Посередине, в окружении мягких диванов, стоял низкий стол. В отдалении находился встроенный в стену рукомо́йник огромного размера, в изящных формах которого угадывалась рука дорогого дизайнера. Впрочем, руку эту можно было проследить во всем изысканном интерьере небольшой гостиной. В углу, у встроенного шкафа суетились две строго, со вкусом одетые девушки. Одна из них, заметив иностранца, любезно предложила ему воды, чая и кое-какие закуски, чем иностранец не преминул тут же воспользоваться. Потом вышел в коридор, походил там немного и снова выпил стакан воды, а через какое-то время, чувствуя сонливость, попросил себе чая. Покончив с чаем, вернулся на свое место. В зале мало что изменилось. Кто-то из членов совета расхаживал взад-вперед, кто-то разговаривал с соседом, кто-то просто напряженно смотрел перед собой. Часы пробили десять вечера. Иностранца под тихое журчание голосов, идущее со всех сторон, стало клонить в сон с небывалой силой.

Веки его непроизвольно сомкнулись, и перед глазами закружили в каком-то странном тихом хороводе озабоченные лица членов совета директоров. Они подобострастно приближались к нему и бормотали что-то невнятное о том, как им много приходится работать, чтобы оправдать свои невероятных размеров заработные платы, о которых иностранец знал не понаслышке, так как сам ежемесячно дивился круглень-

кой сумме, падавшей на его счет в качестве вознаграждения за участие в управлении корпорацией. За год такой работы он сумел приобрести себе небольшой замок в своей стране. Впрочем, остальные члены совета также питали нешуточную страсть к приобретению замков в местах, откуда был родом иностранец, благо в средствах они ограничены не были.

Иностранец проснулся от боя часов. От неожиданности он не мог понять, где он и что с ним происходит. Ему стало очень тревожно и неловко. Между прочим, наш иностранец являлся членом совета сразу нескольких крупных корпораций некоторого царства. И теперь спросонья бедняга никак не мог вспомнить, на каком именно заседании находится. Он тревожно озирался по сторонам, тщетно пытаясь найти хоть какую-то зацепку, которая помогла бы ему отгадать место его пребывания. Все было тщетно. Иностранец совсем уже отчаялся, как вдруг, случайно повернув голову, над пустующим местом Главного увидел надпись названия корпорации, сделанную огромными буквами. Он облегченно выдохнул воздух и неожиданно вспомнил, как перед началом заседания удивился, зачем нужна была эта надпись, вдобавок выполненная столь крупными буквами. Теперь ему все стало понятно. В некотором царстве, только на первый взгляд многое казалось нелепым, но стоило вникнуть в суть происходящих здесь процессов, как приходило понимание того, насколько все хорошо тут было продуманно и отвечало требова-

ниям окружающей среды. Ведь вокруг него, намаевшись за день, дремали такие же управленцы. Они, как и он, тоже являлись членами разных советов директоров разных больших корпораций некоторого государства. И, соответственно, внезапно пробудившись, также легко могли забыть, где находятся. А тут проснулся – и пожалуйста: прямо перед тобой написано, где ты. Что говорить! Смекалистые люди!

Время шло к одиннадцати, Главного все не было, а иностранцу после большого количества воды и чая нестерпимо захотелось в туалет. Он вышел из зала заседаний, прошелся по коридору, но нигде не обнаружил заветной комнаты, а спросить у малознакомых коллег ему было как-то неловко. Желание его между тем нарастало, грозя разрешиться полным конфузом. Помявшись с ноги на ногу, иностранец решил обратиться с вопросом к проходившей мимо девушке, которая час назад угощала его чаем и водой.

– Скажите, пожалуйста, где тут можно руки помыть? – несколько завуалировано поинтересовался стеснительный иностранец.

– Руки? Можно здесь. Пожалуйста, проходите, – и девушка любезно открыла перед ним комнату гостинной, где он пил чай, и указала на встроенный в стену рукомойник.

– Но... – в нерешительности промолвил иностранец.

– Пожалуйста, не стесняйтесь, – улыбнулась девушка и проворно удалилась по своим делам.

Иностранец нерешительно мялся на месте. В гостинице никого не было. Но в его стране, по крайней мере, в таких солидных заведениях, в рукомойник нужду не справляли. Хотя, если хорошенечко припомнить, то с самим иностранцем и не такое приключалось. Особенно в бурные студенческие годы! С другой стороны, он уже привык к тому, что в некотором царстве он постоянно сталкивался с чем-то новым и даже, можно сказать, инновационным. Чего стоило одно утреннее посещение больницы!

Время поджимало! Главный мог появиться в любую минуту. А на печальных примерах других коллег иностранец хорошо усвоил, что Главного лучше не раздражать. Он, вообще-то, был человеком широких взглядов и мог многое простить. Некомпетентность, воровство и прочие мелочи некоторым запросто сходили с рук. Но опоздание – никогда. Страшнее, пожалуй, было только высказать собственное профессиональное суждение на заседании совета, предварительно не согласовав его с Главным, на прием к которому надо было записываться за месяц, а то и за два. И то, и другое приравнивалось к проявлению нелояльности. Нелояльность же была непростительна и каралась неминуемо и жестоко – неминуемое лишение должности, а то и потеря всего накопленного за годы непосильных трудов. Стоило ли говорить, что ничего подобного в

планы нашего иностранца не входило. Так что о том, чтобы появиться после Главного, не могло идти речи.

Но и пересидеть предстоящее заседание физически не представлялось возможным. Надо было решаться. Иностранец еще раз подумал, что туалетов нигде нет и что девушка направила его к умывальнику, и заключил:

«В конце концов, бог его знает, может быть, у них это в порядке вещей!»

Он осторожно подошел к раковине и расстегнул ширинку. Но стоило ему непосредственно приступить к исполнению своего замысла, как дверь в гостиную приоткрылась, и в комнату вошел один из руководителей корпорации. Судя по всему, он желал немного подкрепиться, но заметив иностранца, застыл на месте, как вкопанный. Иностранец тоже несколько смутился, а затем, совершенно неожиданно для себя самого, отрывисто выпалил:

– Занято!

– Из-ви-ни-те, – по слогам произнес его коллега и озадаченно покинул гостиную. Уже через минуту он сидел за столом заседаний и жарким шепотом излагал увиденную картину своему соседу справа:

– Нет, ты представляешь себе! Я захожу в гостиную чаю попить, а он там ссыт!

– Кто ссыт, куда ссыт? Где? – озабоченно зашептал сосед справа.

– Кто-кто. Дед пихто! Иностранец наш! Вот кто! Дожили! Прикинь! Распустился совсем! Как в хлеву!

– Да ты что? Шутишь!

– Клянусь!

– Не может быть!

– А я тебе говорю, только что своими глазами видел. Ссыт в раковину, понимаешь, как ни в чем не бывало. Черт знает что происходит!

– Во дела!

– Я и говорю, надо что-то делать с этим!

– Чего?

– Надо его как-то урезонить!

– Кого?

– Иностранца нашего!

– А как ты его урезонишь? Не ты же его назначал!

– То-то и проблема. Назначал-то его Главный. Но с этим к Главному идти... – сосед слева замялся. Было видно, что такой план действий ему не внушал большого оптимизма.

– Во-во. И я о том же. Еще неизвестно, как Главный к этому отнесется. Да и черт его знает, что он по этому поводу вообще думает.

– Что ж теперь, это дело так оставить? А если он завтра в рукомойник гостинной срать начнет, иностранец этот? Тогда как?

– Ну, пока-то не начал. А потом знаешь, что? А может, теперь так принято? – еще тише прошептал осторожный сосед справа.

– Что принято? – удивился сосед слева.

– Ну, это... В гостинной, в рукомойник, того... Для скорости, так сказать, чтобы от работы не отрываться

надолго. Туалеты-то у нас, не забывай, на другом этаже. Пока туда дойдешь. А тут, чтобы время не терять. А время наше с тобой, принимая в расчет уровень его немаленькой оплаты, сам знаешь, какое дорогое.

Да и вообще, сейчас, знаешь, брат, очень многое меняется. Новые подходы везде. Ты сам прикинь. И в образовании, и в медицине,... да куда ни плюнь. А он же, все-таки, иностранец. Не зря его Главный к нам в Совет заседать пригласил. Поди, знает, как правильно, чтобы время не терять, – при этих своих словах сосед справа задумался. Сосед слева тоже молчал.

– Я так думаю, пока об этом не надо никому говорить. Лучше подождать. А то, как бы чего не того не вышло... – резюмировал после паузы сосед справа.

Сосед слева внимательно посмотрел на своего коллегу и кивнул головой:

– Прав ты, как всегда.

Иностранец же, закончив свое дело, не теряя времени, ретировался в зал заседаний, где с характерным для подобной ситуации чувством облегчения устроился на своем месте. Звон часов ознаменовал четвертый час ожидания появления Главного. И тут по огромному пространству, словно дуновение обжигающего воздуха, ненароком вырвавшегося из мартеновской печи, пронесся шепот: «Идет!». Большие руководители стали спешно занимать свои места, и на лицах у всех присутствующих отразилась чрезвычайная сос-

редоточенность, свойственная людям, вовлеченным в решение больших и сложных государственных задач, требующих полной самоотдачи.

Иностранец и без того был наслышан, что большие и малые руководители некоторого царства, некоторого государства самоотверженно работают не покладая рук, но чтобы они трудились так много, он предположить все-таки не мог, пока не убедился в этом воочию.

Октябрь 2013

Dum spiro, spero¹

Даже не знаю, зачем я взялся за это дело! Я имею в виду писательство. Ведь никогда не помышлял ни о чём подобном. И к книгам-то из разряда художественной литературы со школьной скамьи не притрагивался. Где уж там писать! А вот, случилось. Сел в самолет, открыл компьютер, но вместо того, чтобы, как обычно, посмотреть какой-нибудь фильм – я их с недавних пор всегда заблаговременно скачиваю, – начал вдруг печатать, да так увлекся, что просто не могу остановиться, и все тут. Нахлынуло. Понимаете? Так весь полет и писал.

Может, это все из-за того, что перед посадкой мне довелось принять на грудь вискаря, два раза по пятьдесят? Раньше я практически совсем не пил. И хотя с недавних пор это дело у меня в норму вошло, не подумайте, я не алкоголик и не пьяница. Просто в последнее время столько разного произошло

---

¹ Dum spiro, spero – пока дышу, надеюсь (лат.).

и всякого навалилось, что только держись. Голова пухнет. Тяжело во всем разобраться. А надо бы. Может быть, из-за этого мне писать захотелось: из деловой практики мне хорошо известно, что мысль, не положенная на бумагу, еще никакая не мысль, а так, балаболство.

А может быть, меня писать потянуло потому, что чувства тяжелые нахлынули. Воспоминания всякие. Ведь именно этим рейсом Москва – Дубай я летел год назад. С этой поездки, между прочим, берут начало все мои перипетии.

Вот я написал, что со мной произошло, а вы, если хотите, читайте.

Вначале несколько слов о себе. Мне тридцать пять лет. Я крепко сложен. В юности серьезно занимался борьбой, достиг неплохих результатов: кандидат в мастера спорта. По ходу дела замечу: я вообще всегда нацелен на конечный результат и не берусь за дело, если не вижу перспектив. Я борец по натуре. Жизнь для меня – это, прежде всего, достижения! Когда берешь профессиональные и прочие вершины, то и чувствуешь себя уверенно, и не страшно, если для этого придется и попотеть. Это даже хорошо – держит в тонусе. А вот никакой самодеятельности я не люблю! Что я под этим имею в виду? Сейчас поясню на конкретном примере.

Допустим, соберутся наши люди на кухне – я таких много видал – и ну хвастать: кто рисунок свой покажет, кто стих прочтет, кто на французском фразеу норовит вернуть к месту и не к месту, хотя пусти такого в Париж, так и не в состоянии даже объяснить будет. Как, впрочем, ни рисунки, ни стишки их никому не нужны за пределами того помещения, где они болтовней своей занимаются. Мне смешно смотреть на таких. Как говорила моя учительница немецкого – большая умница была! – «Илья, если вы занимаетесь чем-нибудь, то через какое-то время должны быть в состоянии это знание продать! Это, и только это является критерием уровня ваших знаний! А не пустая болтовня на кухне!» Ну, да бог с ним, отвлекся я что-то.

Роста я среднего. У меня сильные руки и ноги, накаченный пресс – кубики мышц на животе играют. Я считаю, что мужчина должен уметь постоять за себя. Ношу короткую стрижку, имею правильные черты лица. Элегантные очки придают моей мужественной внешности налет интеллигентности. Женщины находят меня привлекательным.

Я твердо стою на ногах. По профессии – юрист, у меня хорошее образование – юридический факультет МГУ. Неплохо продвинулся по службе. Как и все хорошие юристы, исключительно скрупулезен. Мне есть дело до любой запятой в тех кипах документов, которые я ежедневно перелопачиваю. И я не церемо-

нюсь с теми, кто пытается работать спустя рукава или выехать за мой счет. Именно поэтому на сегодняшний день я и занимаю далеко не самое последнее место в одной очень крупной корпорации. У меня очень хорошие перспективы. С моим мнением считаются и коллеги, и руководство. Мой труд очень хорошо оплачивается. Я многое могу себе позволить, и позволяю, ... А почему бы и нет? Когда ты хозяин своей жизни, добился всего своим трудом и знаешь не понаслышке, что в жизни чего стоит. В частности, сколько стоит женское внимание. Особи противоположного пола падки на успех. Так устроена жизнь. Я не склонен к самообману. Просто по праву пользуюсь ее щедрыми дарами.

Я уже упоминал: целеустремленность всегда была мне свойственна. Это касается не только работы, но и создания семьи. Я, конечно, как всякий настоящий мужчина, ждал, пока не встану на ноги. Я имею в виду покупку добротного загородного дома в престижном месте. Попутно замечу, что никакая квартира не может сравниться с ощущением владения землей. В квартире всегда присутствует что-то несерьезное, легковесное, временное. А дом несет обстоятельность и постоянство. В нем чувствуешь себя настоящим крепким хозяином, который пришел надолго.

Так вот, как только я встал на ноги, то подобрал себе подходящую пару и женился. Жена моя, я вам скажу, не из этих вертихвосток, что у меня были, и, чего скрывать то, что свойственно всякому нормаль-

ному мужчине: время от времени они у меня и сейчас появляются. Моя жена совсем другая. Скажу правду – какой смысл писать, если врешь? – я взял ее девственницей. Кому как, а для меня это имеет значение.

У моей жены много разных достоинств. Она скромна – я, признаться недолюбливаю нагловатых московских красавиц. Эти для семейной жизни не подходят. А у Жанны, так зовут мою избранницу, все-таки называется строгое кавказское воспитание, почтительное отношение к старшим – я это очень чувствую, ведь у нас разница в восемь лет. У моих родителей такая же разница в возрасте была. Моя Жанна наполовину осетинка. Дома не бывает не то, что криков и скандалов, как у других, она просто мне ни в чем не перечит. Мужское слово – для нее закон. Разумеется, она красива. А то, что она молода – вам это уже и так понятно. Детей пока нет. Но это дело наживное. Мы над этим напряженно работаем. Обещала родить троих, как минимум. В общем, в голове у нее – полный порядок. А порядок в голове – порядок и в делах. Хозяйка она хоть куда! Дома всегда все прибрано, и готовит отменно. Моя Жанна обеспечивает надежный тыл, пока я зарабатываю деньги. В общем, классическое распределение ролей. У каждого свой функционал. Все четко. А это, согласитесь, залог успеха семейной жизни.

Теперь вернемся на год назад. Как только я разместился в своем кресле бизнес-класса, а другим я прин-

ципиально не летаю, по маршруту Москва – Дубай, то, не теряя времени, приступил к работе, а именно, открыл корпоративную почту. Быстро просмотрел всю корреспонденцию, ответил кое на какие письма, а потом не выдержал и, уже перед самым взлетом, залез-таки в свой личный почтовый ящик. Так и есть! Сообщение от Николаевой!

Николаева Ольга, или Ольга Евгеньевна, как к ней обращаются на работе, – мой прямой начальник, директор юридического департамента. Я ее заместитель. Год назад она стала моей любовницей. Никогда бы не подумал, что такое возможно! Женщина-начальник само по себе уже не очень-то приятно. Но когда она же и любовница! То есть любовница богаче тебя! И, соответственно, тебе нечего ей предложить такого, что бы она не могла сама себе позволить! А в довершение всего она имеет над тобой власть восемь часов в день пять раз в неделю. Нужно быть мазохистом, чтобы такое понравилось. Я не мазохист, а вот пожалуйста...

Первый раз все произошло прямо у нее в кабинете. Я и глазом не успел моргнуть. Просто случайно прикоснулся к ней, а тут такое началось! А потом пошло-поехало. Вообще-то я долго любовниц не держу, мне требуется разнообразие, но тут случай особый.

Надо отдать ей должное, Николаева умеет себя правильно преподнести: макияж, причесочка, туфельки в цвет сумочки и перчаток и все, знаете, такое! И фигура, скажу вам, у нее та еще! Она вся в моем вкусе.

Поговаривают, правда, что у нее какие-то связи с Президентом нашей корпорации. Интересно бы знать, какие именно? Меня такие слухи напрягают. По-моему, это унинительно. Хотя от такой стервы я другого и не ожидал!

Скажу вам больше: она без роду, без племени – приехала к нам откуда-то из Луганска!

Совсем забыл вам сказать, что сам я происхожу из хорошей, правильной семьи. Отец был видным адвокатом. Кристальной честности человек. Я помню, какие теплые слова о нем говорили на поминках. Такое не забывается! Собралось много уважаемых людей, и все как один пели ему дифирамбы, сокрушались, что ушел так рано. Моя мать была красавица, всегда при параде, закрывала его тыл: воспитывала меня. Весь дом на ней. Родители прошли свой жизненный путь достойно, рука об руку, и у меня есть на кого равняться. Такая семья не только почет, но и обязанность. Обязанность постоянно своими делами доказывать, что соответствуешь заданной тебе с самого детства высокой планке. И так я строю свою жизнь.

Отец с матерью погибли в один день, в автомобильной катастрофе, когда мне было десять лет. Их смерть – трагическая случайность: на встречную полосу вылетел самосвал, водитель которого был пьян. Эти святые люди были созданы друг для друга.

А Николаева? Кто ее родители? Она об этом даже вскользь не упомянула ни разу, с тех пор как мы стали

близки. Наверное, стесняется. Хотя нет, она, по-моему, ничего не стесняется. Разговаривает с мужчинами таким игривым тоном, словно предлагает себя – бессовестная стерва! Кстати говоря, она дважды успела побывать замужем.

Да и старовата эта Николаева для меня будет. Кажется, она скрывает свой возраст, мы с ней одногодки.

В довершение всего она – страшная интриганка! Что на работе, что в личных делах все ходы на пять шагов вперед просчитывает. Того и гляди на повышение опять пойдет. Хотя это мы еще посмотрим!

Так вот, открыл я письмо Николаевой, читаю.

«Илюшенька, здравствуй дорогой! Прошел всего один день, а я уже скучаю по тебе. Надеюсь, ты на меня не сердишься, милый? Мне показалось, что ты был немного насупленный сегодня днем на работе. Если это так, то не сердись, мой милый. Пойми, это был просто маленький каприз твоей Оленьки. Не принимай его близко к сердцу».

Хорош каприз, ничего не скажешь! Накануне вечером мы провели в номере гостиницы три часа кряду. А после я отправился в душ. Я и пробыл-то там совсем недолго, минут пять, может быть, десять. Не люблю долго топтаться под струями теплой воды, как некоторые расслабленцы. Но когда я вышел из ванной

комнаты, ее и след простыл! И с ней исчезли все мои вещи, кроме трусов! Ситуация, я вам скажу! Прикиньте, еще пять минут назад она меня умоляла остаться с нею на ночь, рассуждала о том, как хорошо нам было бы всегда быть вместе, и о том, что она хочет от меня детей – я, конечно, урезонил ее – напомнил, что женат, – а она умыкнула всю мою одежду! Вот стерва! Пришлось просить товарища о помощи, тратить его время и свое, разоряться на новую одежду, а самое главное, выступать в совершенно нелепом свете. Тут я сказал себе, что это была последняя капля. Больше – никогда с этой стервой.

Я дочитал письмо Николаевой, оно заканчивалось словами:

«Возвращайся скорее, милый. Я вся горю!»

И самое неприятное, я почувствовал, что тоже горю и хочу вернуться поскорее. В злобе на самого себя, на то, как быстро я готов изменить свое решение, я хлопнул компьютер. Но мое желание, увы, при этом не испарилось. Я беспокойно ерзал в кресле и думал:

«Какова стерва, однако! Ишь, чего удумала: детей ей от меня подавай. Женись на ней! Да она пальца моей Жанны не стоит! Нет, отношения с Николаевой надо рубить. А то мало ли, что она в следующий раз вытворит!»

Я снова открыл компьютер и быстро написал:

– После твоей дикой выходки наше дальнейшее общение невозможно.

Самолет пошел на взлет. Я отправил письмо и откинулся в кресле.

По прилете я сразу же провел переговоры, потом, как и планировал, взял напрокат машину и мотнулся в Абу-Даби. Четыре часа езды по ровному как стрела шоссе. До самого горизонта – только песок и маленькие кактусы или еще какие-то мне неизвестные растения. Солнце палит нещадно, приходится кондиционер на полную гонять. В Абу-Даби остановился в местном «Хилтоне». С утра отправился на очередные переговоры на такси, чтобы голову себе не забивать прокладыванием маршрута. Арабы снова меня ничем не порадовали. Когда вышел из их офиса, брать такси не стал. Подумал: прогуляюсь до гостиницы немного, минут десять, не больше по моим расчетам. А я в костюме и при галстукe, между прочим. В общем, через минуту я был весь мокрый от пота. Таксист-араб в национальной одежде – это такой балахон длинный белый – сидел в раскаленной машине и даже не думал включать кондиционер. А когда я попросил его это сделать, он очень удивился. Еле заставил. Что за люди!

К вечеру опять переговоры в Дюбае. К сожалению, мне не удалось добиться уступок от этих ребят, но разве это моя вина? Они просто дубоголовые! Я сделал, что мог, а теперь – отдых.

Поужинал в ресторане гостиницы и от нечего делать отправился я в ночной клуб. Надо же было от-

метиться в этой стране. Несмотря на то, что солнце давно зашло, жара стояла страшная. Я быстро выскочил из такси и с готовностью нырнул в чрево разврата – одно из самых дорогих ночных заведений этого города. Чего терять время зря! Народу было немного. За стойкой бара в одиночестве сидела исключительной красоты девушка лет двадцати двух. Род ее занятий был очевиден. Легко догадаться, что уже через час мы лежали в постели в моем номере. Звали ее Зарина. Ночь с ней была восхитительна, и я не стал сразу ее прогонять.

Утром проснувшись, я обнаружил Зарину рядом. При дневном свете она выглядела на несколько лет старше, но все равно неплохо. Я заказал завтрак на двоих. А потом от нечего делать предложил ей пойти на пляж. Я возвращался ночным рейсом и подумал, что она скрасит предстоящий мне день в Дюбае. Зарина с готовностью согласилась. Мы повалялись на пляже, искупались, потом еще. Затем уединились в гостинице. За деньги, разумеется. А вот в ресторане во время обеда, которым я по ошибке решил ее угостить, она начала меня немного раздражать. Вообще-то она, наверное, неплохая девушка и, может быть, даже местами сообразительная, хотя и не сильно образованная. Но, понимаете, проститутка есть проститутка. И она должна знать свое место. Я же ей плачу. А Зарина эта тут такой тон взяла, словно она не шлюха вовсе, а леди какая. Вина ей налей, потом еще чего-то выду-

мала. Словно у нас любовь. В общем, я долго терпеть не стал и разъяснил ей свою линию. Она вначале покраснела как институтка, а потом глаза ее сверкнули диким восточным огнем. Зарина вскинула голову и грозно прошипела:

– Напрасно ты так самонадеян. Как бы тебе скоро не пришлось пожалеть.

Я рассмеялся. Все это становилось действительно забавно. То потаскуха из себя леди строит, а то угрожает мне!

Она же ни капли не смутилась и с негодованием повторила:

– Теперь я точно вижу – человек ты дрянь, а значит, и жалеть тебя нечего! Запомнишь у меня этот обед на всю жизнь!

И что вы думаете? Самым непостижимым образом она оказалась права. И я действительно, как вы видите, спустя год отчетливо помню и этот обед, и ее яростные глаза, и теперь абсолютно уверен, что никогда их не забуду. И на это, как вы сейчас убедитесь, у меня есть очень веские причины, о которых, естественно, тогда я знать не мог.

– Что же ты мне, Зарина, сделаешь? Ножом пырнешь, или вилкой в ухо тыкнешь? – сказал я ей со смехом.

– Нет. Зачем же? Я не такая дура. Лучше я тебе сейчас расскажу кое-что.

– Что-нибудь страшное про мое будущее? Ты цыганка? То-то я смотрю, в тебе восточная кровь проступает.

Раздражение мое совсем исчезло, и я, раскачиваясь на задних ножках стула, веселился от всей души.

– Про будущее не знаю, а про твое настоящее скажу. Ты не смейся, а приготовься к худшему.

– Про мое настоящее? Вот это здорово! Валяй, с удовольствием послушаю.

Зарина же, словно не замечая моего веселого настроения, продолжала злобно бурлить меня глазами.

– Ну, тогда слушай. Женат ты недавно. Пару лет, не больше.

– Допустим. Как страшно! – успел вставить я. Но то, что я услышал дальше, заставило меня замолчать.

– Жену твою зовут Жанна, если она имя свое не поменяла, конечно. С нее станется! Она с северного Кавказа, наполовину осетинка, и ей сейчас двадцать шесть лет.

Я обомлел и молча уставился на проститутку. Она же, судя по всему, полностью удовлетворенная произведенным эффектом, буднично принялась за салат с гребешками.

– Что ты несешь, тварь?! – чуть ли не закричал я в бешенстве. Я уже пояснял, что семейная жизнь для меня священна, а тут какая-то грязная проститутка лезет туда своими руками!

– Ты давай, не ори, посетители смотрят. Охранники прибежать могут, – тихо проговорила она, после чего глотнула белого вина и продолжила есть.

Положение становилось нелепым, даже невыносимым. В голове у меня все смешалось. Но из всей этой мешанины – моя жена, мой приезд в Дюбай, поездка в Абу-Даби, переговоры, ночной клуб – в моей памяти вдруг отчетливо всплыл один момент. Когда мы с Зариной вошли в номер ночью, я сразу же открыл мини-бар, чтобы предложить ей что-нибудь выпить. Она же, не пойми зачем, так и вцепилась в рамку с фотографией моей жены – я всегда беру ее с собой в командировки и ставлю на тумбочку у изголовья кровати. И лишь заметив мой неодобрительный взгляд, Зарина с неохотой поставила фото на место. Получалось... Но возможно ли это?

– Говори дальше, – процедил я сквозь зубы.

– Ничего я тебе не скажу. Хотя ладно. Так и быть. Подскажу тебе один вопросик. Только не забудь его, обещаю.

Я выжидающе смотрел на нее.

– Когда приедешь, спроси у своей жены, почему у вас детей нет.

– Ах ты тварь! – и я непроизвольно потянулся рукой к ее горлу.

– Но, но. Спокойно, – и Зарина скосила глаза в сторону. Сама она при этом даже не шелохнулась.

Я проследил направление ее взгляда и увидел двух услужливо стоящих поодаль от нас официантов. Кроме того, в ресторане было еще несколько посетителей. Я быстро прикинул. О физическом воздействии на Зарину не могло быть и речи. Силой вывести ее из ре-

сторана, затащить в номер и там разобраться с ней не получится. Она будет сопротивляться, кричать. Официанты придут ей на помощь. Вызовут полицию. Что делать? Как выудить из нее остальное?

– Повторяю, ты бы спесь свою поубавил. Глядишь, я, может, тебе еще чего скажу.

– Ладно, Зарина. Я был не прав. Будь умницей, расскажи мне, все, что знаешь, – смягчился я. Поверьте, просительный тон в общении со шлюхой дался мне не просто. Но то, что Зарина каким-то образом многое знает о моей жене, теперь не подлежало сомнению. Необходимо было все выяснить, любой ценой. А когда надо, я умею быть сдержанным.

– Ты, я вижу, так и не понял. Никакая я тебе не умница, – и она снова замолчала. Тут подали горячее и Зарина с видимым аппетитом, без промедлений принялась за него.

– Ладно, Зарина, ты права. Я погорячился, был не прав. Всякое бывает, знаешь. Прости меня.

– Ну, так-то лучше, – фыркнула она и снова углубилась в поглощение горячего.

– Послушай, Зарина. Мне надо это знать! Понимаешь, надо!

– Понимаю, чего непонятного, – ухмыльнулась проститутка.

– Ну, тогда расскажи мне все, как есть. Ты что, мою жену знаешь? Откуда? – я попытался задавать наводящие вопросы.

– Расскажи ему все! Какой быстрый, смотрите! Просто так, что ли, рассказывать?

– А что мне сделать, чтобы ты рассказала? На колени встать перед тобой? Спеть ли? Станцевать, может?

– Нужны мне твои колени! Деньги плати! Танцор!

– Сколько? – выдохнул я с облегчением.

– Двадцать тысяч.

– Двадцать тысяч?! На эти деньги можно машину купить! – сумма показалась мне чудовищной.

– Как знаешь, – и она замолчала.

– Пять, – я приступил к торгу.

– Нет, двадцать.

– Ладно, десять, и ни копейки больше. Я даже не знаю, что ты можешь мне рассказать.

– Девятнадцать.

– Нет.

– Как хочешь.

– Пятнадцать, и это мое последнее слово.

– Восемнадцать, и это мое последнее слово.

– Где я их возьму? Ты думаешь, я с собой чемоданом их вожу?

– Твое дело.

Я прикинул: если обнулить все лимиты на кредитках, то должно было хватить.

– Но у меня столько с собой нет! – предпринял я последнюю попытку разжалобить проститутку.

– Тогда прощай, – и она, бросив салфетку на стол, стала подниматься.

– Сиди, жди и не сходи с места, – буркнул я и побежал к банкомату.

К моему счастью, мне удалось снять требуемую сумму, обнулив все четыре кредитки. Когда я через полчаса вернулся в ресторан, Зарина заканчивала десерт. Она была совершенно уверена, что я никуда не денусь!

– Рассказывай, – сказал я, усаживаясь напротив.

– Покажи деньги.

– Рассказывай, – и я продемонстрировал ей пачки хрустящих купюр.

– Давай одну треть, – холодно сказала она.

После того, как шесть тысяч перекочевали к ней в сумочку, она начала свое повествование.

– С твоей Жанкой мы были неразлучны с детства, учились в одном классе. Я ее сразу по фотографии узнала. Она почти не изменилась за эти несколько лет, что мы с ней не виделись. Кстати, чтоб ты понимал, я тебе не голодранка какая. На родине у моих родителей свой дом на берегу реки. Ну, да ладно. Окончили школу, значит, пошли с ней работать по строительной части. Я думала прорабом стать. Потом поняла, что дело такое врагу не пожелаешь. После смены спина гудит, ноги гудят – ничего не надо, только лежать. А мы молодые! На дискотеку хочется, туда-сюда. Потом предложение это подвернулось. В интернете про-

читали объявление – требуются красивые девушки, хостесы, на аравийский полуостров ехать. Я у Жанки спрашиваю:

– Что такое хостесы? И где это Аравийский полуостров?

Она отвечает:

– Не знаю, давай позвоним.

Позвонили. Нам милый женский голос объяснил, что хостесы – это красивые такие молодые девушки, которых приглашают на приемы там разные, где богатые люди собираются. И никакого секса! Из требований – только одно, чтобы в хорошей форме себя поддерживать, при макияже быть, одежда модная и все такое. Сказали, что, если сами захотим, то сможем в ночном клубе танцевать на шесте, но строго без интима. Если только по взаимному согласию. И все это в сказочном Дюбае! Туда многие у нас мечтают попасть. Давай еще шесть тысяч, – Зарина протянула руку.

Я молча отсчитал деньги, и она продолжила.

– А это точно, что без интима? – спросила я тогда.

– Говорю же вам, без. Ну, только если по взаимному согласию. И, имейте в виду, фирма берет на себя все расходы по вашему проезду и проживанию, – произнесла женщина в ответ.

Единственным требованием к нам, естественно, после того, как они увидели, что мы симпатичные, было неразглашение условий контракта.

Когда через два дня мы, подписав все бумаги, вышли из маленького домика на окраине города, я засомневалась.

– А правду они говорят, что без интима? Я слышала, всякое бывает!

– Это же с дурами разными случается, по их собственной глупости. А тут фирма солидная, контракт, как-никак, у нас в кармане. А потом, убудет от тебя, что ли, если что? Сама еще захочешь. Молодой, красивый и при деньгах когда подойдет!

Жанка звучала очень убедительно, но я все-таки опять спросила:

– Может, с братом посоветоваться все-таки?

– С каким братом? Сказали же – не разглашать информацию. Никому! Мы подписались под этим. Узнают – не поедem никуда, да и дело с концом. Они, между прочим, все расходы нам оплачивают. Где еще такие условия найдешь, бесплатно за границу смотаться! Солидная фирма, сама же видишь.

Откуда она это взяла, что фирма солидная? Но именно это почему-то меня успокоило.

– Ладно, – согласилась я. И через две недели мы приземлились на аравийском полуострове.

Прямо в аэропорту нас встретила улыбчивая армянка.

– Армянка? – почему-то переспросил я.

– Ну, может, и не армянка. Но говорила она по-русски с акцентом. Она сразу же отобрала у нас паспорта, под предлогом того, что скоро нужно в гостиницу оформляться, а мы языка не знаем. Кому другому я бы паспорт не отдала, но она была такая вежливая! Я только спросила:

– А где находится наша гостиница?

На фирме нам показывали фотографию. Такое роскошное высотное здание.

– В самом центре города, девочки, минут двадцать езды, – улыбаясь, ответила любезная армянка.

Тут же, якобы, чтобы в гостиницу ехать, нас засунули в потрепанный микроавтобус, где, кроме водителя и этой армянки, сидел еще какой-то бугай со сломанным носом. На окнах были шторы. Мне это все не очень-то понравилось, но машина тут же тронулась. Всю дорогу никто ничего не говорил. Примерно через час езды я затревожилась и спросила, когда мы приедем.

– Молчи, дура. Когда надо, тогда и приедем, – грубо бросила мне армянка. Теперь это была совсем другая женщина, со злобным выражением лица. Я очень испугалась и крикнула:

– Должно было быть только двадцать минут езды!

Армянка сделала знак бугаю, и тот немедленно сжал свои огромные грязные пальцы у меня на горле. Я стала задыхаться, а он просто смотрел на меня своими бесчувственными глазами и сжимал хватку. Когда я уже начала терять сознание, армянка что-то сказала

ему на арабском, и он отпустил. Я поняла, что бугай мог легко убить меня и что теперь мы с Жанной – она в ужасе забилась в угол – находимся непонятно в каком месте аравийской пустыни, в полной власти этой страшной женщины и этого типа.

Часа через два я почувствовала, что машина съехала с шоссе и пошла по бездорожью. Микроавтобус стал раскачиваться, и еще минут через тридцать мы остановились. Тут армянка заговорила.

– Слушай, шлюхи. Вы мне должны за перелет. Здесь и отработаете! Давай, пошли, – и армянка нетерпеливо махнула рукой.

Дверь микроавтобуса распахнулась, и бугай быстро вытолкнул меня из машины. Тут я услышала страшный вой Жанны:

– Не хочу! Нет! Отвезите меня в аэропорт! Мне обещали гостиницу! Я не...

Раздался шлепок, – наверное, бугай ударил ее, – и Жанна с подбитым глазом выскочила из машины. Нас окружало несколько больших палаток и десятка полтора бедуинов, за плечами которых расстилалась бесконечная сухая пустыня.

Один из бедуинов протянул деньги армянке. Наши провожатые тут же уселись в потрепанный микроавтобус и уехали.

Сколько мы провели там – месяц, два, три, точно не знаю. Все было, как в тумане. Нами пользовались все, кто хотел, когда хотел и как хотел. Иногда подряд,

иногда сразу несколько. Вообще-то там, где бедуины, всегда есть недалеко вода, но они воду использовали совсем мало. Им было достаточно песка. Как мы там ничем не заразились, как мы выжили, не знаю. Я думала, что жизнь кончена. Но приехала армянка и забрала нас. Она решила теперь использовать нас в дешевом борделе. Там нас держали в комнатке с решетками на окнах, откуда выпускали только, когда приходил клиент. Давай деньги, – Зарина протянула руку.

Я протянул Зарине половину от оставшейся у меня суммы. Она недовольно посмотрела на деньги, но потом, видимо, сочтя такой подход справедливым, продолжила свое повествование.

– В том дешевом борделе предприимчивой Жанне удалось втереться в доверие к одному из охранников. Она каким-то образом вложила в его тупую голову мысль, что он через нас сможет разбогатеть. Если бы не это, то мы, скорее всего, уже подошли бы от сифилиса или СПИДа. Но охранник помог нам улизнуть. Очень уж он хотел подняться. Мы стали жить у него в городской квартире, разумеется, за деньги. Их мы зарабатывали в дорогом ночном клубе. Правда, потребовалось несколько месяцев, чтобы привести себя в потребный вид. Конечно, без паспортов – наши навсегда остались в борделе – мы находились у этого охранника в полной зависимости, но все же положение наше изменилось к лучшему. Хорошее шампанское, чистые клиенты, богатое убранство ночных клубов – красивая жизнь.

После такого каждое утро возвращаться в его тесную конуру кому захочется?

Но и тут Жанка не подкачала – постепенно она охмурила местного крутого бандюка – одного из своих клиентов. Он убил нашего охранника, забрал Жанку к себе, а меня отпустил. Он же сделал нам поддельные паспорта. Но однажды на нас вышла та самая армянка. Не знаю, кто ее навел. Она же в другом ценовом сегменте работает, и в дорогих местах ей делать нечего. Тем не менее, приперлась прямо в клуб и стала нам угрожать, денег хотела, старая дура. Жанкин бандюг следующим вечером отрезал ей голову.

А еще через полгода Жанка своего бандюка отравила. Ее от него всегда тошнило, да и денег он почти не давал. К тому же, она боялась, что начинает ему надоедать. А при таком раскладе от этого типа всего можно было ожидать.

Она заявила ко мне в пять часов утра с маленьким элегантным чемоданчиком на колесиках – все остальные шмотки она оставила в квартире, – в безупречном сером костюме и с туго затянутыми назад волосами. Ни дать ни взять леди, а никак не расчетливая убийца и не проститутка со стажем. Она предложила мне немедля рвануть с ней на родину по поддельным паспортам, тем, что нам справил ее бандюган. Я отказалась. Перспектива оказаться в полиции меня страшила. Но Жанку было не остановить. К тому же, лежавший у нее дома труп вот-вот должен был начать разлагаться.

Много позже я все же опробовала свой паспорт и свободно перемещаюсь теперь по странам региона. Я тут освоилась, и домой меня не тянет. Жанка давно ничего мне не писала. После того, как сообщила, что попавший в ее сети столичный остолоп, какой-то юрист, уже не соскочит, от нее перестали приходить письма.

И даже, когда полгода назад я попала в плохую историю. Тогда мне были позарез нужны деньги. Все-го-то пять тысяч! Я умоляла в письме выслать мне их. Эта жадная тварь так ничего мне и не ответила! Я могла сдохнуть – я писала ей об этом, а она ничего не ответила. Пусть теперь попрыгает у меня! Кстати, деньги давай, – Зарина протянула руку.

Я передал ей остаток денег. Она встала.

– А почему она не может иметь детей? – спросил я.

– Какой ты недогадливый. Там в палатках бедуины презервативами не пользовались, и способы абортотам у них тоже довольно отсталые. После этого у женщины там мало, что остается.

– Она была девственницей, когда мы познакомились! – с мольбой в голосе воскликнул я.

– Девственницей? – ухмыльнулась Зарина, – Ах, да, действительно. В одном из своих последних писем Жанка в очередной раз удивила меня своим сообщением, что теперь она снова стала девственницей за вполне умеренную сумму. Кстати, я тебе сейчас это ее письмо покажу, – злорадно проговорила Зарина.

Она извлекла из сумочки свой телефон, потыкала в него пальцем, видимо выискивая нужное сообщение в электронной почте, а потом, со словами «читай, наслаждайся» поднесла к моим глазам сияющий экран.

Я схватил телефон и тут же проверил адрес отправителя. Он принадлежал Жанне! Я успел прочесть два последних письма, в одном из которых Жанна писала: «Небольшая операция. Чик-чик и все!». Другие письма Зарина не дала мне прочесть. Она ловко выхватила у меня свой телефон. Я протянул к ней руку.

– Не тронь, а то закричу, – строго пригрозила Зарина. Я вынужден был подчиниться.

– Ну, пока, – Зарина сунула свой телефон в сумочку и удалилась.

А я подозвал официанта. Мне срочно требовалось что-нибудь покрепче. Тройной виски я принял одним большим глотком. Стало чуть лучше, но ненадолго. Совершенно ошарашенный, я еще долго сидел в том ресторане и просто тупо смотрел перед собой. Моя непорочная смиренная жена оказалось проституткой со стажем, которую имели всем племенем бедуины! Моя Жанна – хладнокровная убийца! Да она просто опасна. Как там она обо мне писала, «остолоп»? Да уж. Действительно остолоп. Но такая кого хочешь вокруг пальца обведет.

Может быть, именно сейчас она на нашей кухне готовит мне свое зелье? Ей ведь не впервой!

Вообще-то я познакомился с Жанной не в каком-нибудь ночном клубе и не на дискотеке, а в приличном месте – на вернисаже, куда затащил меня мой приятель Федор – редкий бабник. Я-то никогда не интересовался живописью. Федор тоже, но он сказал, что там будет много приличных молодых баб, которых можно будет снять, и что это правильное место для знакомства. Так и получилось!

Я первый ее заметил. Она, прошу заметить, не обращала на меня никакого внимания, и вообще глазами по сторонам не стреляла, а просто сосредоточенно перемещалась от одной картины к другой. О живописи Жанна говорила с большим увлечением, и вы бы слышали, как уверенно! Я-то в этом полный профан! Может, она чушь какую мне несла, конечно, а я все за чистую монету принимал? Наверное, так оно и было. Откуда ей в живописи разбираться, спрашивается? Но задним умом все хорошо! А тогда я сразу же предложил пойти в ресторан. Но она, потупив глаза, скромно отказалась, и мы отправились гулять по улицам. Как раз была весна и все распускалось! Жанна рассказала мне, что в детстве посещала художественную школу, но потом решила бросить это занятие, потому что не считала себя гениальной. Мне это все очень понравилось. У меня никогда не было девушки из круга искусства. Я еще подумал, что такое воспитание пойдет впрок нашим детям.

Да, погорячился я. Но кто же мог подумать, что в двадцать три года можно иметь такой богатый послужной список? Скромная студентка четвертого курса какого-то московского института, что-то, связанное с педагогикой, не помню точно. Сейчас их столько развелось! Теперь-то понятно, что это за институт. За деньги фиктивные три года обучения себе приписала, чтобы с возрастом совпадало.

Тот же Федор, надо отдать ему должное, советовал мне перед свадьбой на всякий случай все же познакомиться с ее родителями, побывать у нее дома. Но ехать на Северный Кавказ у меня тогда не нашлось времени. Свадьбу мы не отмечали – я не люблю больших сборищ, а вместо этого вдвоем поехали в Париж. Романтическое путешествие, так сказать. Соответственно, и родителей ее я так тогда и не видел. Уже после свадьбы они приехали в Москву познакомиться. Обычные люди. Может, простоваты немного. Акцент, конечно, тоже имеет значение. Но мать, вообще-то, учительница в школе. Отец начинал прорабом, потом перед пенсией стал каким-то мелким чиновником. Когда я их увидел, то расстроился немного – они, конечно, моей семье не чета. Но потом решил, что в данном случае это не главное. Главное то, что я смогу из юной, чистой, податливой Жанны, как Пигмалион, вылепить то, что мне нужно: покладистую жену, заботливую мать для моего потомства. Вылепил! Ничего не скажешь!

Весь полет я не спал. Думал. Если Зарина – а с этой станется – ей написала про наш разговор, черт его знает, что Жанна может вытворить.

Поэтому из аэропорта я поехал не домой, а к тетке, Ольге Петровне.

Ольга Петровна – двоюродная сестра моей матери. Своих детей у нее нет и никогда не было. Она вообще никогда замужем не была. Может быть, она вообще старая дева. С ней я жил под одной крышей с тех пор, как не стало родителей.

В результате их преждевременной кончины тетке неплохо перепало. Кстати, подозреваю, что двоюродные сестры не питали большой любви друг к другу. Уж больно разные. Элегантная мама всегда прекрасно выглядела, следила за собой. Это даже на всех семейных фотографиях видно. А тетка всегда неважно жила – однокомнатная квартирка на окраине, стоптанные туфли, нелепая прическа, на носу жуткого вида очки. А тут она переехала в нашу большую квартиру на Гоголевском бульваре. Деньгами – сбережениями родителей – распорядиться стала, приделась там и все такое. Когда я дом построил, то со своей родительской квартиры съехал. А тетка до сих пор там живет. Жирновато, конечно, ей будет – в ста двадцати-то квадратах одной, но тетка, все-таки! Не выселять же?

Я не стал дожидаться лифта, пулей взлетел на третий этаж и нажал звонок родительской квартиры. За

дверью тишина. Я нажал еще и еще. Ни звука! Где ее черти носят?

К тетке я большой любви не испытывал. Холодная она какая-то была. Не похвалит никогда. За что ее особенно любить? В своей профессии она ничего не достигла. Пока не переехала жить со мной, работала у себя в захолустье учительницей в школе. Хоть бы завучем стала, что ли. Я уж не говорю, директором. А как в Москву переехала, меня воспитывать, с тех пор на работу не ходила вовсе. Она, по-моему, меня тоже недолюбливала. Вечно цеплялась ко мне по разным мелочам – хлеб не убрал, посуду не помыл и прочая чепуха. А она на что тогда, если я все делать стал бы?

Я достал свои ключи, вошел в квартиру и громко крикнул: «Тетя!». В ответ – тишина! Я сбросил ботинки и, проходя через холл, в свою комнату, заглянул в открытую дверь к тетке. Она сидела в кресле, точно прикорнула чуть-чуть. Голова ее была склонена на сторону, а глаза закрыты. На коленях у тетки покоился компьютер. Я еще раз окликнул ее. А потом подошел поближе и осторожно взял ее за руку. Она была холодной, как лед. Во как!

На всякий случай я сразу же вызвал «скорую». Между тем, когда я снимал компьютер с теткиных колен, мой взгляд случайно упал на экран, который засветился под воздействием случайно нажатой мною клавиши. Судя по всему, Ольга Петровна перед самой своей смертью как раз дочитывала какое-то письмо,

подписанное именем моей матери. У нее было довольно редкое имя Нателла. Это-то и привлекло мое внимание. Я присмотрелся. Письмо было датировано днем смерти моих родителей! Я отмотал его наверх и сел читать:

«Милая моя Оленька!

Ты укоряешь меня за то, что я не давала о себе так долго знать. И, конечно же, ты права. Но, если посмотреть с другой стороны, то зачем же я стала бы тебе писать, если мои письма, как ты мне это сообщила много лет назад, тебе неприятны? Однако отбросим все наши вечные с тобой препирательства. Сейчас, поверь мне, не до них. Мы просто очень разные, но, несмотря ни на что, мы все-таки сестры, и сейчас, в трудную минуту, главное именно это.

Я снова пишу тебе, несмотря на то, что ты так холодно ответила на мое предыдущее письмо, еще и потому, что мне больше не к кому обратиться. Так уж сложилась моя жизнь. Ты не поверишь, но я сейчас даже представляю себе твое лицо, которое с вечным презрением смотрит на эти строки. Ты, впрочем, всегда не одобряла мои поступки, чтобы я ни делала. Согласись, еще с юных лет ты находила меня порочной и безнравственной.

Но я, знаешь ли, думаю о себе совсем по-другому. Я, представь себе, совсем не жалею о том, что бог дал

мне красоту, живой ум и деньги, а с ними, в отличие от тебя, возможность пользоваться всеми плодами жизни, иметь, повелевать, любить и быть любимой. Хотя я уверена, что сейчас ты, нахмурившись, пробурчишь себе под нос, что у нас разные представления о том, что такое любовь.

Ты называла меня легкомысленной вертихвосткой. Но разве не в легкости человеку дается истинное наслаждение? Зачем, я тебя спрашиваю, играть роль осла, если тебе дано быть грациозной ланью? Говоря об осле, я не имею в виду тебя.

Ты укоряешь меня за то, что я без зазрения совести пользовалась всеми благами, которые проливались на меня золотым дождем – брильянты, норковые шубы, автомобили, которые мне дарили мой муж и мои многочисленные любовники. Тебе не по душе, что я ни дня не работала в своей жизни. Что с того? Сейчас все это позади, и скоро это все потеряет всякое значение. Болезнь уносит мои силы. Врачи говорят, я не протяну и года.

Но, поверь, я бы не торопилась тебе писать, если бы не тяжелое предчувствие скорой кончины, которая должна произойти вот-вот. Тебе, моей сестре, этот удивительный мой дар предвидения известен, как никому другому. Когда-то, в далекие школьные годы мы были с тобой дружны, и ты должна помнить те немногие случаи, когда я безошибочно угадывала будущий ход событий. Кстати, предвидение всегда снисходило

на меня совершенно случайно, помимо моей воли. Оттого я толком никогда не могла им пользоваться по своему разумению.

Хотя и без этого предчувствия моей жизни в последний год не позавидуешь. Ее фасад, конечно, остается, как всегда, безупречен. Мне даже удастся относительно неплохо выглядеть. Пришлось, правда, сократить число светских раутов. Да и бог с ними. Ничего интересного в них для меня уже не осталось, а силы убывают с каждым днем. С последним я все равно уже смирилась. Хуже другое. Мой муж Слава, как ты знаешь, всегда был ловким аферистом. И все-то ему вечно сходило с рук. Может, за это он мне и понравился в свое время. Читалось в нем нечто такое, знаешь ли.

Я снова представляю, как ты поморщилась при словосочетании «ловкий аферист». В твоих устах этот термин всегда звучал порицательно. Ты не одобряешь таких людей и даже презираешь их. Для меня же этот эпитет как похвала. Помнишь, во времена нашей юности была такая песня у Sade «Smooth operator»²? Меня в ней всегда что-то притягивало. Ну, да бог с ним. Все это «дела давно минувших дней». Вернемся к действительности.

Год назад у Славы что-то пошло не так. Он долго отмалчивался, стал нервный. У мужа всегда была склон-

---

² Sade – популярная англоязычная певица конца двадцатого – начала двадцать первого века.

ность к спиртному, но тут он просто пошел в разнос. С утра под мухой ходит. Несколько раз я пыталась выудить из него, в чем же, все-таки, дело. Безрезультатно! А тут манеру взял – голос повышать. А для меня, ты знаешь, это неприемлемо.

Короче, через одного своего бывшего любовника – очень влиятельный человек, впрочем, других у меня и не бывало, – я выяснила, что на моего Славу уже с год как уголовное дело завели. Хуже того: должны вот-вот посадить. И ничего сделать уже нельзя. Особенно неприятно, что все это с ликвидацией имущества. Не хватало мне еще перед смертью по миру пойти! А что с Илюшкой будет?

Теперь, как ты можешь догадаться, перехожу к самому главному. Довериться мне больше некому. Наша квартира оформлена на меня. В данной ситуации я считаю единственно правильным переоформить ее на тебя. Все необходимые формальности со своей стороны я уже закончила. Ты будешь удивлена, но тебе даже ничего предпринимать не надо. Все уже сделано и так.

Кроме того, я оформила доверенность на твое имя на два своих банковских счета. Таким образом, если случится непоправимое, тебе нужно будет немедленно отправиться в банк, – он находится на Кипре, – и просто снять или перевести деньги. Все документы найдешь у меня в секретере. Этой суммы при разумных тратах тебе должно без труда на все хватить. Воспитаю Илюшку, дай ему хорошее образование. Прошу, не ба-

луй. Хотя это можно было бы и не упоминать. В твоих ежовых рукавицах не забалует. Что, может быть, и к лучшему.

Несмотря на все наши разногласия, я в тебе абсолютно уверена и заранее благодарна.

Пора прощаться. Сейчас мы возвращаемся с дачи в Москву. Слава совершенно пьяный. Как я жалею, что не научилась водить машину в свое время. Все как-то недосуг было. Всегда встречали-проводжали. Я ему говорю, давай останемся, переночуем. Кричит: «Собирайся!». Невыносимый стал! Все, он идет. Целую,

Твоя Нателла.

P. S. Есть еще минутка. Слава решил еще один глоток – у него это так называется – виски на дорожку пропустить.

Дело старое, но хочу сказать, что я перед тобой очень виновата за Кирилла. Прости меня, если сможешь. Не понимаю даже, что на меня тогда нашло. С него, как с козла молока, по моим-то представлениям. Но словно демон какой в меня вселился тогда. А может быть, ты бы и вышла за него замуж? И все-то у тебя сложилось бы с ним? Но он тоже хорош, согласись. Жених называется! У него свадьба на носу, а он на сестру своей невесты заглядывается. Прости, опять меня понесло не в ту степь. Все, идет Слава. Кричит опять. Надо ехать. Еще раз целую...»

Дата на письме совпадала с датой смерти моих родителей. Получалось, что это мой отец в пьяном виде въехал под грузовик! Я перечитал письмо еще раз, только очень медленно. Мой отец – злоупотребляющий спиртным аферист и без пяти минут уголовник! И на этого человека я хотел быть похож?

Моя мать – не поворачивается язык произнести это..., цель ее жизни составляли дорогие побрякушки, беспринципная настолько, что совратила жениха своей двоюродной сестры. Она была для меня символом домашнего тепла и уюта, богиней, а оказалась обычной женщиной не самых высоких моральных принципов.

Страшно! Жутко узнать такое. Как мне быть теперь? На кого мне дальше равняться? Все это было чудовищно.

Мои скорбные мысли были прерваны звонком в дверь. Приехала «скорая». Всякая сопутствующая данному явлению суета отвлекла меня на некоторое время. Когда тетку увезли в морг я, не раздеваясь, лег на диван и забылся беспробудным сном.

Понимаете, я считал себя продолжением своей семьи, я был един с ней. Но теперь быть единым с этими людьми я не мог и не хотел. А, тем не менее, был. Мое сознание не могло этого переварить и просто отключилось – я заснул.

Когда я проснулся, было утро.

После длительного сна моя голова снова приобрела способность к восприятию действительности, которая, как вы могли заметить, ужасала. Но время шло, и наступала пора принятия решений. Я заставил себя не думать о том, что я узнал о своих родителях, и бросил взгляд на часы – пора было на работу. Но перед этим следовало позвонить Жанне. Она быстро сняла трубку.

– Привет, дорогой. Как долетел? – раздался ее приятный ровный голос. Я редко сообщаю ей, когда прилечу точно. Ограничиваюсь ориентирами. Поэтому она не могла знать, что я ночевал на родительской квартире.

– Нормально. Сейчас напрямую двигаю на работу. Ближе к вечеру перезвоню, – буднично ответил я. Мне требовалось еще немного времени для подготовки от-
ветного удара.

На работе царил обычная суета. Здесь я был в своей среде! Но не стану вас утомлять деталями производственного процесса. Скажу лишь, что Николаевой на месте не оказалось – сказали, что она заболела, что было и к лучшему, и я доложил о проделанной в командировке работе ее непосредственному начальнику – заместителю генерального. Довольно противный мужик, его совсем недавно назначили. Насупленный какой-то все время сидит. Руки не подает. Ну, да и бог с ним.

Тем же вечером я в компании моего старого друга по занятиям борьбой приехал к себе домой.

Жанна, тварюга такая, попыталась меня поцеловать. Но я ее холодно отстранил и, когда мы прошли в гостиную, заставил сесть в кресло. Там я ей вкратце все изложил. Надо было видеть, как во время моей речи менялось лицо Жанны – от лицемерного выражения полного недоумения в начале до лютой злобы в конце. Словно вся ее гадкая сущность вышла наружу. Глядя на нее в этот момент, я еще раз подумал, что правильно сделал, взяв с собой надежного увесистого друга.

– Так вот, моя милая, ты сейчас же выметаешься из этого дома. А завтра мы с тобой подписываем все необходимые бумаги по бракоразводному процессу, – завершил я. Еще раз напомню, что ночевать под одной крышей с убийцей, авантюристкой и проституткой было отнюдь небезопасно даже в компании моего крепкого друга.

– Куда же я пойду? – процедила сквозь зубы Жанна.

– Переночуешь в какой-нибудь гостинице. Все твои украшения останутся пока у меня. Будешь хорошо себя вести, подпишешь все бумаги – получишь свои побрякушки назад. А теперь пошла вон!

– Вспомнишь меня еще! – прошипела Жанна. Потом взяла кошелек, набитый кредитками, и хлопнула дверью.

Заметьте, никаких слез, никаких истерик.

Через месяц мы были разведены.

Наверное, правду говорят, что нельзя сразу разлюбить человека, что бы он вам ни сделал, каким бы дураком ни выставил вас перед другими. Всегда и на все требуется какое-то время, в том числе и на то, чтобы душевные раны затянулись. Как говорили древние, «tempus vulnera sanat»³. И сейчас, когда я пишу эти строки, в моем сердце уже не осталось ни капли той любви, что я испытывал к ней. Лишь пустота и чувство поражения, а мне, как борцу, последнее особенно неприятно. Я должен был признать, что из меня не вышло Пигмалиона.

Кстати, я совсем забыл вам сказать, что мою любовницу и непосредственную начальницу уволили сразу же по моем возвращении из той проклятой командировки на Аравийский полуостров. Она, как вы помните, была на больничном, когда я приехал. Так вот, она в офисе больше не появилась. Между прочим, этому событию предшествовал уход нашего Генерального. Видимо, не зря говорили, что он ей покровительствовал. И, как вы помните, заместитель Генерального тоже сменился. Так вот, месяца два спустя после упомянутых выше событий с этим типом в его кабинете у меня состоялся следующий малоприятный разговор.

– Вызывали, Петр Захарович? – я открыл дверь в его кабинет.

---

³ Tempus vulnera sanat – время лечит раны (лат.)

– Заходи, Илья, – как всегда недовольно мотнул головой хозяин кабинета и, указав на стул перед своим рабочим столом, мрачно продолжил:

– До меня доходят слухи, что ты на работе амурными делами занимаешься, – и он внимательно уставился на меня, ожидая реакции.

Прошло два месяца после увольнения Николаевой. Какое значение это могло теперь иметь?

– Что вы имеете в виду? – спросил я с каменным лицом.

– Ты знаешь, что. Давай не прикидывайся. Николаева, которая тебя вечно по службе продвигала, как тебе известно, уволена. И теперь, кстати, твои ляпсусы некому закрывать. Теперь самому, по взрослому, отвечать надо будет.

– Что вы имеете в виду? Какие такие мои ляпсусы закрывала Николаева? Я что, ее протеже, что ли? Я сам по себе. Она и в офисе у нас без году неделя. А я уже тут десять лет, не покладая рук... – в возмущении повысил я голос.

– Ты, во-первых, не кричи...

– Я вовсе не кричу, – спокойнее вставил я.

– А во-вторых, – не обращая внимания на мои слова, продолжал заместитель Генерального, – это Николаева, а не кто-нибудь еще, повысила тебя в должности. Или я ошибаюсь? Устроили тут семейный подряд!

– Какой семейный подряд? Просто легкая интрижка, не больше. Откуда вам такое вообще известно?

– Известно, известно. Все мне известно. И как твоя любовница тебя по работе продвигала, тоже известно. Но теперь ее нет. Между прочим, как ты объяснишь печальные результаты своей поездки в Абу-Даби и Дюбай?

– Но при чем тут я? Что я мог?

– Что он мог? Нам нужны люди, которые решают вопросы, а не устраивают из дела черт знает что. Бизнес-туризм тут развели, понимаешь ли! Катаются по границам за счет компании! Таким, как ты, не место на руководящих постах, не дорос еще! Вот тебе ручка, бумага. Пиши заявление по собственному желанию.

– С какой это стати?!

– Не напишешь, уволим по статье. Тогда больше никуда на работу не устроишься. Я уж об этом лично позабочусь, будь уверен. Уйдешь сам – пакостить не буду, обещаю.

К такому повороту событий я был совершенно не готов. Мне и в голову не могло прийти, что меня собираются уволить, тем более так грубо. Несмотря на все услышанное в свой адрес, я по инерции все еще продолжал считать себя востребованным и уважаемым специалистом.

– Ничего я писать не буду, – мрачно сказал я.

– Как знаешь. Но я тебе предлагал по-хорошему. Иди.

– Посмотрим еще, – буркнул я и вышел.

Дальше события развивались по малоприятному, но обычному для таких случаев сценарию. Что такое

человек против махины большой корпорации? И в течение нескольких мучительных месяцев бесперспективной борьбы за собственные права некогда столь почитаемая мною фирма меня пережевала и выплюнула на улицу. Самым неприятным было то, что зам. Генерального исполнил свои угрозы и стал гадить мне по полной программе. Рекомендации, исходящие с моей прежней работы, были столь отвратительны, что, куда бы я ни обращался, мне везде отказывали в трудоустройстве.

Между тем, моя финансовая ситуация принимала все более катастрофические формы. Все, чем пользовался – дом, мебель, моя дорогая машина – БМВ шестой серии – было приобретено в кредит. Экономика страны оставалась в рецессии после недавнего кризиса. А все свои приобретения я осуществил, как назло, перед его началом, по ценам, намного превосходящим их текущий рыночный уровень. Кредиты, между тем, как-то надо было обслуживать. Вскоре за долги у меня забрали дом и родительскую квартиру. Я расплатился по всем своим долгам и переехал в съемную маленькую квартирку неподалеку от своей родительской квартиры, которая больше мне не принадлежала. Вы спросите, о чем я думал раньше, когда набирал все эти кредиты. Но ведь так живет весь развитый мир! И я никак не мог предположить, что являлся протеже моей любовницы, и стоит ей уйти с работы, как меня уволят. Да и так ли это? Может быть, просто поменя-

лась команда? У меня нет ответа на этот вопрос. Но после всех этих событий я стал сомневаться в собственной проф. пригодности.

Все, что у меня осталось своего – это немного личности и моя спортивная БМВ. С ней я не мог расстаться. Эта машина – последний символ моего процветания. Пусть он будет со мной. Все остальное у меня отобрали. А сам я, как вы можете догадаться, был полностью смят, раздавлен, опустошен. Хотя что взять с отпрыска таких родителей? Из меня и не могло получиться ничего другого. Как говорится, яблоко от яблони не далеко падает.

Однажды, возвращаясь после очередного неудачного интервью, я случайно увидел афишу «Концерт барочной музыки». Стрелкой было указано направление движения. Моя мать в детстве часто водила меня в консерваторию. Я даже прозанимался три года на пианино. Но когда я стал старше, то совершенно забросил это занятие как не имеющее отношения к моей практической деятельности, хуже того, отвлекающее от нее. В тот вечер я совершенно бездумно проследовал по направлению, куда указывала стрелка на афише. Концерт должен был проходить в старых русских палатах, очевидно, давно требующих ремонта. Поначалу я почувствовал себя как-то неуютно под их тяжелыми сводами. Зал был совсем маленький, потрепанный, рассадка свободная. И я устроился на одном

из шатких стульев в первом ряду, где оказалось одно свободное место.

Вышли музыканты – струнный квартет. Трое мужчин в потертых костюмах и высокая женщина средних лет, с простым лицом, одетая в длинное, несколько нелепое платье. Никакой сцены не было, и из-за этого, сидя в первом ряду, я находился фактически между музыкантами. При желании я мог дотянуться до некоторых из них рукой.

Начал контрабас. На первый взгляд, простая мелодия, словно незамысловатая гамма. Я еще подумал, что слышал ее в популярных обработках. Но при этих незатейливых звуках я ощутил прилив чего-то теплого, приятного, вечного, неизменного. Точно кто-то вдунул в меня спокойствие. Потом вступили скрипка или альт – я в них не разбираюсь. Сильное возбуждение охватило меня, и одновременно я оставался спокоен. Вы спросите, как такое возможно? Я отвечу: наверное, это парадокс. Но только в эти мгновения все остальное, все мои напасти, трагедии, постигшие меня, показались мне несущественными и второстепенными. Ум же самопроизвольно, без каких-либо усилий воли, начал напряженно работать. Мне неожиданно открылось, что ничего особенного, а тем более трагичного со мной не происходит. И что человеку вообще свойственно придавать чрезмерное значение довольно обыденным вещам, когда они касаются лично его.

Тут подоспели остальные инструменты, и я незаметно оказался в плену всепоглощающего крещендо, и вместе с ним мое сознание поплыло в неизведанные дали. Я почему-то увидел себя рабом в древнем Риме, придворным музыкантом шестнадцатого века, ремесленником следующего столетия, старателем на Клондайке, космическим путешественником будущих веков. Потом все они слились во мне воедино, и я увидел себя некой субстанцией, не поддающейся определению. Затем эта субстанция под воздействием чудовищной нечеловеческой силы сжалась в единый тугой узел, который вдруг превратился в голую дряблую спину человека, нагруженного невидимой непосильной ношей. Положение казалось безнадежным. Но тут вокруг него закрутились снежинки, и их хоровод все усиливался, пока не превратился в восходящий поток, направляющийся наверх, к свету. И спина человека неожиданно налилась сильными мышцами, стала могучей, и, несмотря ни на что, начала мощное поступательное движение вверх, пока не распрямилась окончательно. Последние аккорды заполнили все пространство под сводами старых палат. Я закрыл рукой глаза, слезы катились по моим щекам, а я никогда не плачу. Я не мог больше оставаться там и быстро покинул зал.

Что это было за произведение? Все что я мог разобрать в программке соседа, при первых звуках мелодии, были слова «Канон» и первые две буквы имени композитора – «Па».

Рассеянно я шел по бульвару. Возвращаться в свою убогую конуру мне не хотелось. Вечерело. В сумерках мне показался хорошо знакомый силуэт. Николаева? У меня кольнуло в сердце. Это была она. Мы сели на скамейку, и в мгновение ока загнанные в дальний угол моей души чувства вновь овладели мной.

И я неожиданно понял, что мне надо ей обо всем рассказать. И я медленно начал свое повествование. Я говорил о том, как меня уволили, как я не могу найти работу, как остался без дома и без квартиры, и все, что у меня теперь есть, это шестая модель спортивного БМВ и несколько костюмов. Я рассказал ей о том, как встретил Зарину, и кем оказалась моя жена. И неожиданно для себя признал, что почему-то больше не питаю к ней ненависти. Я говорил легко, как говорят о чем-то постороннем, как будто это не касалось меня лично, точно я смотрел на себя со стороны. Может быть, от этого, но в первый раз за долгие дни мне вдруг перестало казаться, что у меня так уж все плохо. Я хотел говорить дальше, но Ольга положила свою руку на мою. Словно ток пробежал через наши руки. Она снова была близка – я точно знал это. И мне было совершенно неважно, была ли, есть ли у нее какая связь с бывшим Генеральным нашей бывшей корпорации.

Теперь я живу у нее. Это очень здорово! Между прочим, мне не надо тратить деньги на аренду квартиры.

Правда, именно из-за этого я долго не хотел переезжать. Роль альфонса для меня неприемлема – Ольга, в отличие от меня, устроилась на работу. Но она уговорила меня. Все равно мы проводим каждую ночь вместе. Так какой же смысл кататься туда-сюда через полгорода?

Она же уговорила меня смотаться отдохнуть на пару недель, чтобы привести мои расшатанные нервы в порядок. Я, признаться, по ночам все еще вскакиваю, кричу и размахиваю руками. Ольга почему-то была уверена, что лететь надо именно в Дубай. Вначале я противился, но она убедила меня в том, что это поможет мне до конца переосмыслить все то, что со мной произошло.

Вечерет. Сейчас Ольги нет в номере. Она отправилась в СПА. Я сижу один на балконе нашего номера, поглядываю на гладкое море и заканчиваю свое повествование. Уж больно все оказалось запутано.

Ненадежное оказалось надежным, а надежное ненадежным. Моя покладистая, домовитая жена оказалась... не буду говорить, кем. А отвергнутая мной стервозная любовница приютила меня, когда я стал никому не нужным банкротом.

Хуже того, само прошлое зачастую подвержено переменам. Я сейчас говорю о своих родителях. Интересно, что в моем случае это же прошлое легко могло остаться для меня неизменным, не прочти я случайно

письма моей матери. А что, если есть еще письма моего отца или, скажем, его знакомых? Не означает ли это все, что прошлое вообще носит несколько произвольный характер?

Между прочим, Ольге так вообще безразлично, кто были мои родители. На нее вся эта история не произвела большого впечатления. Дело в том, что в ее понимании важно, что человек смог сам сделать из себя и кем он является, а не то, откуда он взялся. Думая над этим, я пришел к выводу, что в своих фантазиях и в угоду своему удобству я сам создал себе из родителей идолов.

И еще. Говорят, что люди не меняются, что человеческая натура каждого есть само постоянство. Не знаю. Думаю, что это не так. По крайней мере, мой личный опыт говорит об обратном. А с ним не поспоришь.

Но все это уже история, прошлое. Мне же пора идти вперед. *Dum spiro, spero!*

Май 2014

Демократы

*Каждый народ достоин
своего правителя*

Дело было в субботу. За окном догорал короткий погожий октябрьский день. Трое почтенных господ, каждый лет пятидесяти, после славного обеда с коллекционными винами, кряхтя и потягиваясь, поднялись из-за стола, где проходила долгая трапеза, и расположились в мягких креслах. Последние лучи солнца пробивались сквозь поредевшую листву прилегающего к дому сада. Весело потрескивали в камине дрова.

Подали коньяк и сигары. На холеных лицах мужчин в который раз за этот день отразились добрые, но, как подобает людям, уважающим себя и других, сдержанные улыбки. Собравшиеся были вполне образованными и, каждый в своей области, состоявшимися людьми, которым посчастливилось самим завоевать себе место под солнцем. Все они являлись добропорядочными семьянинами, но порой любили провести время в мужской компании. Друг друга знали они

многие годы и не стеснялись. Никто из них никуда не спешил. Беседа, начатая за обеденным столом, плавно полилась дальше.

– Куда катится эта страна? – (под словосочетанием «эта страна» он обычно подразумевал свою родину) с нотками страдания в голосе задался вслух вопросом Сергей Сергеевич, человек богатырского телосложения.

Долгие годы Сергей Сергеевич упорно боролся с лишним весом: лыжи беговые и горные – каждую зиму он неделями пропадал на лучших курортах швейцарских Альп, – как он только себя не изнурял! Не мог сидеть без дела и каждую минуту, когда не спал, должен был находиться в движении. Всякое утро Сергея Сергеевича без исключений начиналось с занятий на тренажерах.

Однако, глядя на него, не составляло труда заметить, что любовь к обильной пище и красному вину все же перевешивала желание похудеть. Сергей Сергеевич ныне являлся бизнесменом средней руки. Дела его шли совсем неплохо, и, в целом, он уже давно мог позволить себе не работать. Но юношеский запах Бауманского института все еще теплился в его груди, и оттого ему неизменно хотелось чего-то большего. Денег ли, влияния? Или же просто быть постоянно в пути, как некоторые выражаются, «оставаться в обойме»? Наверное, и то, и другое, и третье.

– И не говори, в такой стране жить совершенно невозможно, – махнул рукой Семен Семенович, хозяин добротного дома, где собрались почтенные мужчины, человек среднего роста, с крупными чертами лица и довольно полного телосложения. И лицо Семена Семёновича выразило досаду, будто этот разговор ему был неприятен, хотя присутствующим было хорошо известно, что на данную тему Семен Семенович никогда потолковать не откажется.

Компании, находившиеся в подчинении Семена Семеновича, выполняли довольно специфические функции. Работа была там несколько нервная – повседневная деятельность не до конца вписывалась в рамки российского законодательства. Но и на свои доходы хозяин дома пожаловаться не мог: работал на одного из воротил строительного бизнеса, одновременно занимая посты генеральных директоров в нескольких компаниях.

С юных лет Семен Семенович был прижимист, деньгами сорить не любил, благодаря чему смог скопить кругленькую сумму, и теперь все чаще подумывал, как он выражался, «бросить все к чертовой матери» и уехать куда-нибудь подальше от надоедливых налоговых и всяких прочих проверок. В качестве не стесненного в средствах туриста Семен Семенович со своей семьей объездил добрую половину земного шара, но больше всего ему пришились по вкусу берега европейского Средиземноморья. И в настоящее

время в числе прочего он был занят поиском подходящей недвижимости в том благодатном регионе – какой-нибудь небольшой виллы с видом на море. Семен Семенович, правда, не владел ни одним иностранным языком. Но это обстоятельство его нимало не смущало. В своих многочисленных поездках по миру он в совершенстве освоил язык жестов, на котором, как ему казалось, мог легко объясняться с кем угодно.

– И почему все это здесь происходит? – снова поинтересовался Сергей Сергеевич и обвел взглядом присутствующих. На лицах мужчин отразилось молчаливое признание, видимо, вполне очевидного для них факта, что в их стране действительно происходит нечто из ряда вон выходящее. И они в подтверждение своей озабоченности степенно закивали головами и даже издали несколько гудящих звуков.

– Может быть, люди такие в стране подобрались? – осторожно промолвил третий участник спонтанно развернувшейся беседы о судьбах России, Роман Петрович – человек, в отличие от своих друзей, худощавого телосложения и небольшого роста, на носу которого красовались очки одного из ведущих мировых брендов. Роман Петрович всегда уделял большое внимание модной одежде. Он занимал должность профессора в одном из лидирующих учебных заведений Москвы, – оставим за скобками его название, – и жил, по меркам преподавательского состава, да, пожалуй, и не только преподавательского, на широкую

ногу. Правда, непосредственно преподавательской деятельностью Роман Петрович себя не слишком изменял. Зато было хорошо известно, что Роман Петрович, как некоторые выражаются, «решал вопросы» в своей области. И, глядя на его образ жизни, легко было подметить, что «решает эти вопросы» Роман Петрович довольно эффективно и всегда к своей немалой выгоде. Заметим, что Роман Петрович так же, как и его друг, предпочитал в беседе дистанцироваться от своей родины путем употребления словосочетания «в этой стране» или просто «в стране», или, на худой конец, «здесь».

– А что люди? Обычные люди. Ну, пусть, – повел своей большой ладонью куда-то в сторону Сергей Сергеевич, – раньше, в советское время, понятно, зажатые все были, запуганные. Никто своего мнения высказать от страха не мог – за это сажали. Богатых недолюбливали. Так это система такая была. Я имею в виду, в том числе, систему ценностей. Ну, а сейчас что? Говори, делай, что хочешь. А никто перестроиться не может. Мы-то вот изменились, – он охватил взглядом своих товарищей, – понимаем, что к чему и откуда происходит. А другие почему-то не могут. Душат бизнес, и все тут. Совершенно невозможно работать! Бизнесменов просто ненавидят. А мы ведь для них же, своих душителей, рабочие места создаем. Что будет, если нас всех удушат? Так и вся страна загниет.

Сергей Сергеевич в разговоре, бывало, мешал все в одну кучу, выражался довольно сумбурно и не всегда понятно.

– Это все коррупция! Она нас всех душит, вот что. А что мнение свое высказывать теперь можно, так это ты, Сергей Сергеевич, подожди. Никакой демократии у нас нет! Высказались уже некоторые, сходили на Болотную площадь. Сидят теперь. А если у кого из них бизнес был, так уже, поди, переписали его на власть предержавших. Я-то уж их хорошо знаю, – с негодованием в голосе пробасил Семен Семенович. – С таким правительством о чем вообще говорить можно?! Разбойники, вот кто они такие! Ни в одной стране мира такого нет! – завершил свою тираду склонный к довольно широким обобщениям хозяин дома.

– Оборзели они, правители наши, что и говорить! Я, например, друзья мои, решил, что пока они все «мигалки» до одной не отменят, ни на какие выборы – ни президентские, ни в Думу – не пойду. И точка, – твердо заявил Сергей Сергеевич и резанул в воздухе своей большой рукой, словно совершая удар по невидимому противнику.

– Ну, это детство какое-то, Серег. То есть «мигалки» раздражают, конечно. Но это же, если широко посмотреть на вещи, так – мелочь. Особенно в сравнении с тем воровством и повальной коррупцией, которые наши правители развели, – произнес Семен Семенович.

– Не скажи, Семен. Одной из важнейших функций любого правительства является посыл нравственного сигнала, образца, так сказать, поведения своим гражданам, – вступил в дискуссию Роман Петрович.

– Во-во. Я и говорю, вот они нам сигнал своими сигнальными маячками и посылают: мы, правители ваши, будет ездить, как хотим, нарушая все правила, и плевать вам на голову! – радостно поддакнул Сергей Сергеевич.

– Да. Это, я бы сказал, наглядное доказательство отсутствия демократических норм поведения и, конечно же, отсутствия демократических представлений об управлении в головах властителей и судей этой страны. Налицо стремление считать себя избранными. А демократия, между тем, подразумевает равенство в правах всех и каждого. Хотя такие вещи, как произвол и злоупотребление властью в экономической сфере, являются более значимыми, чем езда с «мигалками». Но для ликвидации всего этого на практике необходима отлаженная работа правоохранительных органов, – теоретизировал интеллигентный профессор Роман Петрович.

– Правоохранительных органов?! Вот именно, – перебил его Семен Семенович, – только с этим в этой стране опять проблемы. На злоупотребления во власти они глаза закрывают, а простых бизнесменов душат, просто житья не дают. Замучили проверками. У меня сколько раз «маски-шоу» устраивали. Ворвут-

ся, всю документацию, все компьютеры увезут. Что потом делать? Пока не забашляешь кровопийцам, ничего с места не сдвинется. Того и гляди, за решетку упрячут. А как забашлял, сразу порядок. Лучше, конечно, заранее платить – дешевле. И как в такой стране жить!

– И не говори, – мрачно поддакнул бизнесмен Сергей Сергеевич, очевидно, не понаслышке знакомый с озвученными проблемами.

– А ты заплати налоги, Сеня, и живи спокойно, – пошутил Роман Петрович.

– Да что ты понимаешь! – взорвался Семен Семенович, но, глотнув коньячку, уже спокойнее добавил. – Я тебе так скажу: я бы заплатил, конечно, но тогда бизнес сразу неэффективный станет. Конкуренты ведь тоже не платят. Да и не только в налогах дело. Бизнес такой, понимаешь ли, – и он махнул рукой.

– То есть ты с законом не дружишь и все равно в претензии, – ехидно заметил профессор.

– Ты, можно подумать, с законом дружишь, – недовольно забурчал Семен Семенович, – систему образования у нас разрушили до основания. Все экзамены за деньги теперь сдают. Никто учиться не желает. Корруппировали все...

– Ну, разве это коррупция? Так, крохи! Все равно, ни на что не влияет, – махнул рукой профессор. – Вот наверху, там у них, вот где настоящая коррупция, – и Роман Петрович мечтательно закатил глаза куда-то

под потолок, видимо, примеряя на себя роль государственного мужа.

Но Семен Семенович, казалось, не слышал его и продолжал начатую тему:

– И главное: всех все устраивает. Студентам нравится лодырничать. Да и зачем напрягаться, ходить на занятия, готовиться к сессии, если за них просто могут родители заплатить, и отметки, замечу, пятерки и четверки, в кармане. Преподавателям нравится не учить, а вместо этого проставлять экзамены за деньги, а не за знания. В результате – полная деградация. Моральное разложение. Какое общество построят люди с подобными нравственными ориентирами? Трудиться никто не хочет. Инфантилизм и иждивенчество впитываются со школьной и студенческой скамьи. Ведь всем известно, что на работу всех устраивают только по блату. В советское время нужно было пройти определенный путь, получить соответствующую квалификацию, и только потом, пусть и по блату, назначали на руководящие посты. А теперь этого ничего не надо. Главное иметь связи и быть лояльным. И понятно: все же построено на откатах, экономическая эффективность никого не интересует. А где откаты, там лояльность – главный критерий назначений. В результате полное отсутствие профессионализма. Куда катится эта страна? Деградация. Каждая вторая ракета, запущенная в космос, падает на землю. А ведь когда-то первыми

были в космосе. Семьдесят процентов диссертаций – куплены.

Ведь до чего дошло! Теперь, кто поумнее, за границу детей посылает. И не столько учиться, сколько за достойным воспитанием. Потому что там обеспеченные люди своих детей специально в пятидневные школы отдают, чтобы те не чувствовали своей избранности и жили в равных со всеми условиях. Чтобы у богатых ребят не пропадал стимул учиться. Они и работать своих отпрысков отправляют с пятнадцати лет. На карманные расходы, по крайней мере, дети сами себе зарабатывают. И потому знают цену деньгам и учатся, как следует. А у нас ребенок еще школу не успел закончить, а ему уже «Порш» покупают. Ну, и что из него вырастет?

– Это ты верно, Семен Семенович, подметил, – продолжил заданную тему профессор. – Ко мне как-то на семинар студентка первого курса на двадцать минут опоздала. Страшная двоечница и прогульщица. Ну, я у нее поинтересовался, ради спортивного интереса, что же такое ее задержало. «Я, – говорит, – в аварию попала». «И кто же виноват?» – спрашиваю. А она мне совершенно беззаботно отвечает: «Не знаю, я даже из своего «БМВ» не выходила. Просто заплатила сразу гаишнику через открытое окно, он меня и отпустил.» – Она, ведь, господа, не сама это придумала – «заплатить, и все». Ее этому, видно, обучили дома, где и снабдили дорогим автомобилем. Девочка практиче-

ски с материнским молоком впитала, что от всего, что бы она ни делала, как бы ни чудила, в жизни можно и даже должно откупиться. А значит, делать можно, что хочешь.

И самое страшное, господа, что такой образец поведения является жизненным эталоном для остальных студентов. К нему тянутся пока еще не испорченные ребята. Ну, и, опять же, мы сталкиваемся с неприкрытой коррупцией в правоохранительных органах. Без нее данная ситуация была бы невозможна.

– Дело не только в коррупции. Русский человек, когда во власть попадает, начинает почему-то чудить. Барство, чванство, хамство вокруг себя разводит. Что хочу, в общем, то и ворочу. Закон – для других, а мне, типа, все можно. Наворованное богатство – всегда на показ. Случай про студентку – подтверждение этого, – с досадой сказал Сергей Сергеевич.

– Я и говорю, что без честной работы правоохранительной системы ничего не выйдет, – снова заметил профессор.

– О какой правоохранительной системе можно говорить? Расскажу вам историю, – начал Семен Семенович. – Мой друг возвращался с женой к себе в загородный дом. Жена была за рулем. Ехали, соблюдали скоростной режим, никого не трогали. Стали подниматься в горку. Тут им навстречу, по встречной полосе, вылетает кортеж. Дальше – лобовое столкновение. Жене моего товарища разбившимся лобовым стеклом

изрезало лицо. Слава богу, после трех лет лечения и двух операций почти удалось восстановить внешность. И, слава богу, товарищ мой имел знакомых в правоохранительных органах. Позвонил сразу, кому следует. А иначе его жена виноватой оказалась бы. Так, по крайней мере, выходило из протокола, который ему пытались всучить на подпись сразу же после аварии приехавшие гаишники, или сотрудники ДПС, как их теперь величают. Только суть этих людей от перемены их названия не изменилась. Боле того, на приятеля моего еще давление пытались оказать – подписывай, мол, а то хуже будет. А ехал какой-то важный чиновник. Воскресный день был. Куда, спрашивается, торопиться?! А все туда же – крутизну показать. И водителя своего отмазать.

– Да, наши люди – это золото. Хлебом не корми, дай крутизну показать. Не зря говорят – «понты дороже денег», – согласился Роман Петрович. – Да и нетерпимость власти к критике процветает. Нетерпимость – бич этой страны. Посмотрите, всех, или, если быть точнее, многих из оппозиции, кто на Болотной площади выступал, под разными предложениями пересажали уже. Им бы, руководителям нашим, прислушаться к критике. Может быть, что в себе, в своем стиле руководства, да я бы сказал, в своем стиле жизни, в повседневном поведении – ведь оттуда все происходит – поменять что-нибудь захотелось бы. Тогда бы и страна поменялась. Но где уж там! И проблема не только в том, что

существует экономическая коррупция в верхних эшелонах власти, хотя, конечно, нынешний ее размах угрожает самой экономической безопасности страны, но и в том, что, глядя на власть, все остальные казенные службы только за зарплату свои прямые обязанности выполнять больше не желают. Любое действие служащих самых разных мастей должно быть дополнительным образом оплачено соответствующим просителем. Я говорю о нашей системе здравоохранения и образования, о судебной машине. Обо всем. Законы-то в подавляющем большинстве случаев у нас имеются, но вот те, на кого возложена функция их исполнения, не хотят воплощать эти законы в жизнь...

Тут речь интеллигентного профессора была снова прервана импульсивным Сергеем Сергеевичем:

– Точно! На прошлой неделе мне что-то не спалось, я встал с постели и подошел к окну. Было начало первого. Окна у меня, как вам известно, выходят на Остоженку – тихий центр. Куда там! Вижу, остановились несколько дорогих легковых авто и внедорожников, из них повыскакивали молодые люди. Вначале они что-то оживленно обсуждали, но очень быстро болтовня переросла в драку. Далее в руках у одних появились ножи, у других пистолеты. Раздались характерные приглушенные хлопки. Кто-то упал. И тут показался полицейский патруль. Молодые люди слегка притихли, однако не предприняли никаких попыток к бегству. А вместо этого на глазах у полицейских растащи-

ли своих раненых товарищей по машинам и стали со стражами порядка что-то обсуждать. Подъехала еще одна патрульная машина. Обсуждение продолжилось в расширенном составе. Я-то, по свойственной мне наивности – видно ничему меня жизнь, старика, не учит – все ждал, когда их всех – бандитов этих – лицом на асфальт положат и наручники на них наденут, а потом в участок заберут. Что вы думаете? Ничуть не бывало! Вначале отъехала одна машина, потом другая, третья, затем уехали полицейские. Просто разъехались! Читай – договорились! Такого ни в одной стране мира быть не может, кроме как у нас! – патетически завершил свою речь возмущенный бизнесмен. Считал ли он свою правоохранительную систему действительно наихудшей во всем мире, или же это была распостраненная фигура речи, сказать с уверенностью нельзя.

– Пожалуй, поведаю вам еще одну занимательную историю на ту же тему. Она на первый взгляд может показаться смешной и ничтожной, но это лишь, если не делать из нее соответствующих выводов, – взял слово профессор. – Дело было прошлой весной. Сажу я у себя в кабинете, никого не трогаю. Вдруг, после короткого стука, в мою дверь просовывается голова розовощекого молодого человека. Я еще подумал, что это студент старших курсов ко мне в кабинет лезет.

– Роман Петрович? – спрашивает он.

– Допустим, а чем обязан? – отвечаю.

– Вам тут повесточка, распишитесь, – довольно развязно говорит молодой человек.

– Какая еще повесточка?

– Известно какая, военкоматовская.

– Зачем я им понадобился? – и я в изумлении воззрился на парня.

– Известно зачем, на сборы, – нагло улыбаясь, отвечает мне молокосос.

– Что, что?! Да вы знаете, сколько мне лет?

– Знаю, вам пятьдесят, Роман Петрович. Но по закону вас могут еще пять лет хоть каждый год призывать в палатках пару-тройку недель провести.

– А на дворе, замечу вам, конец марта, снег еще не сошел, ночные заморозки случаются, – пояснил и без того очевидную всем присутствующим нелепость ситуации Роман Петрович.

– Вот тут, подпишитесь, пожалуйста, – и румяный молодой человек бесцеремонно сует мне под нос повестку. И, видя мое замешательство, развязно добавляет: – Но все вопросы, Роман Петрович, как говорится, порешать можно, ко взаимному, так сказать, удовлетворению. И ежели желания ехать на сборы у вас нету, то есть тут один человек у меня на примете... Ну, как говорится, сами понимаете, – тут розовощекий скосил глаза в сторону и снова ухмыльнулся.

– Ладно, подумаю, – ответил ему я и сделал прощальный жест рукой.

Как только розовощекий вышел, я набрал телефон одного своего знакомого полковника. Чьи только дети у меня не учатся! И поинтересовался, что мне делать. Через десять минут у меня уже была полная информация о том, что это действительно сборы и что мне, человеку, давно страдающему хроническими заболеваниями, туда просто не надо являться – а мой знакомый полковник обо всем позаботится.

Так вот я вас спрашиваю, зачем нужно посылать повестки людям, которым за пятьдесят? Никого моложе найти не могут? Но главное не это. Главное, что «розовощекий» мне потом неоднократно и навязчиво предлагал платные услуги своего знакомого. Что же это происходит, я вас спрашиваю? Так скоро на «абонентское обслуживание» нас всех возьмут, причем те, кто нас защищать должен! Военкомат скажет: не хочешь на сборы ездить – отстегивай мне сотенку в месяц, не то будем регулярно призывать. Полицейский скажет: не хочешь в тюрьму, а ведь мы можем это быстро организовать, отстегивай сотенку в месяц. Из психлечебницы придут и тоже спросят: а вы знаете, что ваши соседи про вас говорят, что вы невменяемый и все такое? Мы ведь обязаны отреагировать. Так что, если не желаете в психушку, гоните соточку, уж будьте любезны. О какой тут демократии говорить!

– Во-во! – буркнул хозяин дома.

– Но вот что я еще хотел бы заметить, господа, – снова взял слово интеллигентный профессор: – на мой

взгляд, суть демократии заключается отнюдь не в том, меняется ли в стране руководство раз в пять лет или нет, осуществляются ли полноценные выборы, подотчетно ли правительство народу – оно, вообще-то, нигде не подотчетно, – и существуют ли политзаключенные. В конце концов, в той же Англии лейбористы не сильно отличаются от консерваторов. Правительства повсеместно злоупотребляют вверенной им властью, хотя степень этого, соглашусь, везде разная. Да и политзаключенные тоже везде есть.

Но демократия – это, прежде всего, высокая степень развития каждого индивида и, соответственно, общества в целом. Она заключается в том, насколько каждый готов ограничить себя самого во имя общественных интересов. Не плевать на пол, не распивать в общественных местах алкоголь, не задирать прохожих, громко не сквернословить, если даже за это ничего не будет. И, конечно же, терпимость, терпимость и еще раз терпимость к окружающим! То есть демократия как фаза общественного развития – это, прежде всего, добровольное самоограничение каждого во имя общества.

– Нашим людям до этого еще далеко! Наши люди, вообще, вежливость за слабость принимают, – прогудел Семен Семенович.

– И не говори! – энергично махнул рукой Сергей Сергеевич.

На улице совсем стемнело. Друзья же тем временем окончательно разделались с бутылкой винтажного коньяка и пришли к единому мнению, что управляют ими люди нетерпимые, хамоватые, жуликоватые и совсем недемократичные. Что в нашей стране жить приличным, разделяющим демократические ценности, людям очень и очень сложно, и уж конечно, пока у нас такое правительство, ожидать перемен к лучшему не приходится. При этом как-то само собой подразумевалось, что сами присутствующие – люди вполне терпимые, довольно вежливые, в меру честные и очень демократичные.

И вот, когда подали вторую бутылку коньяку, взгляд Сергея Сергеевича случайно упал на настенные часы. Лицо его приняло вначале удивленное, а потом тревожное выражение.

– Семен, у тебя эти часы правильно идут? Не спешат?

– Часы точные, – с обидой в голосе за часы пробурчал хозяин дома. – А что?

– У меня самолет в десять вечера!

– Нормально, успеешь без проблем. Тут тебе на прямую.

– Надеюсь, – буркнул Сергей Сергеевич и поднял с кресла свое отяжелевшее большое тело.

– Я, пожалуй, тоже поеду, – засобиравлся Роман Петрович.

– Да подожди. Тебе-то куда спешить, Рома? Давай выпьем еще.

– Тебе хорошо, ты–то дома, а мне еще ехать.

Роман Петрович, хотя и мог позволить себе шофера, предпочитал водить машину сам, даже будучи не вполне трезвым.

– Вызвал бы ты «трезвого водителя», а то поймают еще, проблем не оберешься, – предложил ему Семен Семенович, когда друзья вышли из дома.

На что Роман Петрович только покровительственно похлопал по плечу своего друга и надменно уселся за руль своего спортивного Мерседеса. Оказавшись в машине, духовно развитый Роман Петрович неожиданно ощутил потребность послушать Бетховена. Из динамиков полились чарующие звуки обожаемой профессором пятой симфонии. «Вечер удался», – пришло ему на ум.

Роман Петрович отъехал несколько километров от дома своего друга, когда зазвонил его мобильный телефон.

– Алло, – прожурчал довольным голосом Роман Петрович в трубку.

...

– Да, такса обыкновенная.

...

– Да, сорок тысяч евро за поступление.

...

– А не хотят, пусть в «макароносверильный» поступают! В «арбузолитейном» пускай учатся! – неожиданно перешел на крик Роман Петрович. Он всегда

считал, что дело есть дело, и тут уж, знаете ли, бывает не до рассусоливаний.

Разъединившись, он недовольно забурчал: «Дорого им! Как будто я все себе в карман кладу. Как будто надо мной никого нет! Как будто там, наверху, тоже не люди, есть, пить, как будто, там наверху не хотят!»

Но вскоре Роман Петрович уже въезжал в охраняемый двор своего дома в центре города. Он поленился заезжать на парковку, и, несмотря на то, что правилами кондоминиума, которые он сам подписывал когда-то, строго запрещалось оставлять машины у подъезда, ему почему-то показалось, что сегодня именно тот случай, когда это можно и даже нужно сделать. Тут, однако, профессор, к своему раздражению, заметил, что вход к его подъезду уже перекрыт какой-то спортивной машиной. Присмотревшись внимательнее, Роман Петрович разобрал, что это был «Порш» его первокурсника сына. Гнев его поубавился, и на уста снизошла кроткая улыбка.

«Вот сорванец», – мелькнула мысль.

Свою машину можно оставить и у соседнего подъезда, что профессор и сделал.

Роман Петрович вальяжно вышел из машины, прошел мимо надписи «парковка запрещена» и исчез в дверях своего элитного дома.

Все это время за ним внимательно наблюдали двое молодых охранников.

– Крутой мужик. Вот бы так же! – мечтательно сказал один другому после паузы.

А в это самое время Сергей Сергеевич, развалившись на заднем сидении своего лимузина, говорил водителю:

– Кирюха, ну что ты там, заснул совсем, что ли? Давай, газуй!

– Так машин много, поток плотный, Сергей Сергеевич.

– Ладно, газуй давай по встречной!

– А если права отберут, Сергей Сергеевич? – на всякий случай поинтересовался хитроватый Кирюха. Он знал повадки своего хозяина, как свои пять пальцев.

– Да не волнуйся ты, отмажем тебя, не впервой же.

– Воля ваша, Сергей Сергеевич, – удовлетворенно ответил водитель и, «втопив» педаль газа в пол, выехал на разделительную полосу. Ему нравилась быстрая езда, как и езда без правил. Любил Кирюха чувство щемящего превосходства над остальными участниками движения, которое этому сопутствовало. Особенно, когда за это не надо было платить.

Пока они ехали до аэропорта, Сергею Сергеевичу пришла идея, что неплохо было бы выпить еще. А мысли с делом у него никогда не расходились. Он достал припасенную для таких случаев бутылку виски и в течение поездки маленькими глотками осушил бóльшую ее часть. На посадке его, однако, ожидал

неприятный сюрприз. Бизнесмена отказались регистрировать на рейс ввиду крайне высокой степени опьянения. Сергей Сергеевич никак не мог поверить в происходящее с ним. Он так долго ехал, нарушал правила, чтобы не опоздать, наконец, прибыв в аэропорт, с большим трудом – у него двоилось в глазах – все же смог найти стойку регистрации. И вот теперь его не хотят регистрировать. И все из-за какого-то пустяка! Он всего-то немного выпил. Рядом с ним сдавали багаж пассажиры, они получали посадочные талоны. А Сергей Сергеевич стоял тут же, опершись на стойку и, глядя на девушку, служащую авиакомпании, которая отказывала ему в полете, периодически произносил всего лишь одно слово: «сучка». Других слов у него в тот момент не находилось. Надо ли говорить, что это лишь усугубило его положение. Потом он собрался с силами и потребовал пригласить представителя авиакомпании. Вскоре подошел любезный человек средних лет, но это делу не помогло. Поездку на море пришлось немного отложить.

А что же хозяин дома? После того, как разъехались гости, Семен Семенович отправился пройтись по осеннему саду. Он любил топтать дорожки вокруг своего дома, и шелест опавшей листвы под ногами успокоительно на него действовал. В такие вечерние часы, когда ничто не нарушало его покоя, нетрезвый Семен Семенович ощущал редкие приливы удовлетворения

от прожитой жизни. Голые деревья окружали его со всех сторон, и сквозь их ветви, в окне уютной гостиной его дома, мелькнул силуэт его красавицы жены. «На свете счастья нет, но есть покой и...» – мелькнуло в его памяти. Что там говорить? Семен Семенович любил поэзию!

Но тут совершенно неожиданно ему показалось, что что-то идет не так. Он в недоумении повертел головой по сторонам. Вот оно что! Его большие ноздри постепенно наполнялись едким дымом. А вскоре послышался шум с прилегающего участка, отгороженного высокой бетонной стеной. Стену эту, высотой в три метра, Семен Семенович возводил, чтобы ни при каких обстоятельствах не видеть ненавистных ему соседей. И, конечно же, как можно меньше их слышать. Но недавно он, к своему негодованию, заметил, что с соседского участка ежедневно все выше и выше поднимаются кирпичные стены их нового дома высотой как минимум в пять этажей! Понятное дело, соседи специально затеяли это строительство, чтобы насолить ему, чтобы смотреть на него и его семью сверху вниз. Смотреть и нагло посмеиваться! Семену Семеновичу живо представлялись глумливые физиономии его соседей, высывающиеся из окон пятого этажа!

«Что же мне теперь, стену надстраивать придется? Но тогда какой высоты?» – ломал голову Семен Семенович последние месяцы.

И вот теперь с соседнего участка слышались крики его владельца и совершенно непереносимый хохот, да что там хохот – противный высокий визг соседки. Между прочим, соседка Семену Семеновичу была особенно неприятна. Если бы кто-нибудь спросил его, откуда взялась эта вражда, то он вряд ли смог бы сформулировать исчерпывающий ответ. Жили они с соседями бок о бок многие годы, и кто кого обидел первый, сейчас вспомнить было невозможно. Но с давних пор взаимная неприязнь прибывала с каждым днем, и, конечно же, каждая семья была непоколебимо уверена в своей правоте. Стоит ли говорить, что соседи никогда не пытались спокойно обсудить имеющиеся взаимные претензии. Все общение их сводилось исключительно к брани.

«Я же говорил им: не жечь листьев на участке. Я же говорил, что я не переношу этого дыма. Они это все специально. И смеются вдобавок!» – мрачно думал Семен Семенович, у которого, надо признать, действительно была легкая аллергия на дым от палых листьев.

В негодовании он ретировался в дом и присел в кресло. Потом он встал и налил себе водки. Достал из холодильника припасенный для такого случая огурец. Выпил, зажмурился, закусил, потом повторил процедуру. Затем он вышел на улицу, где продолжалось безобразие: с соседского участка сильно тянуло едким дымом, и раздавался отвратительный смех соседей.

Семен Семенович подошел вплотную к стене и что есть мочи завопил:

– А ну, прекратите орать! И погасите немедленно костер! У меня аллергия! И вам это известно!

Но его слова, судя по всему, остались без внимания. Дымом по-прежнему тянуло. И Семену Семеновичу даже послышалось, что хозяйка дома прокричала что-то обидное в ответ: «без тебя, дурака, разберемся, что нам делать» или что-то в этом роде.

«Ну, видит бог, я их предупредил! Ладно, посмеются они у меня!» – мрачно подумал Семен Семенович и торопливо отправился в подвал своего дома.

Когда он появился оттуда, на его плече красовалась длинная стремянка. Семен Семенович, пыхтя, прислонил лестницу к разделявшей его с соседями стене, и нетвердой поступью начал восхождение по шатким ступенькам ненадежной конструкции.

А по другую сторону стены в это самое время его соседи и двое их друзей радостно созерцали тление многочисленных куч палой листвы, заблаговременно подготовленных их садовником. Правда ли то, что делали они это назло Семену Семеновичу, мы не знаем. Но мы доподлинно осведомлены, что, заслышав из-за стены угрозы Семена Семеновича, его соседка действительно своим очень высоким и одновременно громким голосом в красочных выражениях посоветовала ему заниматься своим делом, дополнительно пояснив при этом, что на своей собственной территории она

может делать все, что ей заблагорассудится. Вся эта информация по сей день хранится в материалах полицейского протокола, составленного в тот же вечер.

Соседи Семена Семеновича продолжали пребывать в приподнятом расположении духа, когда из-за забора неожиданно показалась его крупная голова. Выражение лица Семена Семеновича, даже несколько скраденное тусклым светом фонарей, в этот момент не предвещало ничего хорошего. Однако компанию это явление почему-то еще больше раззадорило, и они, буквально схватившись за животы, начали раскачиваться от смеха, тыкая в него пальцами. Видимо, эти господа никак не предполагали дальнейшего неблагоприятного для них развития событий и искренне верили, что находятся в полной безопасности на своей территории.

А вот бравый Семен Семенович, напротив, все прекрасно предусмотрел. Он вынул из кармана травматический пистолет и, не мешкая, открыл беглую стрельбу по своим обидчикам. Тут следует пояснить, что в молодости он обучался этому делу в разведшколе. И даже был отмечен соответствующими хвалебными грамотами. Потому даже по прошествии многих лет и, несмотря на изрядную алкогольную интоксикацию, ему удалось-таки послать несколько пуль в цель. Что и явилось причиной довольно болезненных травм его обидчиков, которые с отчаянными криками не замедлили ретироваться в дом.

Полностью разрядив обойму, Семен Семенович, удовлетворенно урча, тоже покинул поле боя и преспокойно отправился спать. Недолгий сон его был, правда, вскоре прерван нагрянувшим нарядом полиции. Доказательства его удали в виде громадных кровоподтеков на телах его соседей и так некстати посетивших их гостей были налицо.

После устроенной им бойни Семен Семенович, человек с двумя высшими образованиями, остаток ночи провел в камере предварительного заключения. Впрочем, он не оказывал сопротивления при задержании, а, протрезвев под утро, приступил к плотным переговорам с блюстителями порядка. Жена подвезла ему необходимую кругленькую сумму, которая позволила положительно решить вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела, на чем так настаивали соседи. Но они, как и накануне, не смогли правильно оценить обстановку.

Когда после проведенной в КПЗ ночи небритый, с синяками под глазами Семен Семенович грузно забирался в свой «Феррари», за рулем которого находилась его жена, двое прогуливавших занятия студентов, глядя на него, одновременно подумали: «Крутой чувак! Мне бы так!»

Февраль 2013

Нарушение условия контракта

Любые отношения двух людей, как бы им ни хотелось представить дело в ином свете, регулируются неким негласным контрактом, предусматривающим взаимный обмен материального и нематериального толка.

Неизвестный мыслитель конца XX века

*Перемены создали меня – я не противился,
Они разрушают меня – я не возражаю.*

Лао Цзы

С некоторых пор жизнь Наденьки, как она сама изволила выражаться, не заладилась. И хотя действительно трагические события, такие, например, как неизлечимые болезни, лишение крова над головой или же крайняя нужда, ее миновали, день ото дня нараставшее ощущение неудовлетворенности судьбой все более угнетало ее. Порой, в минуты одиночества Наденька принималась

размышлять над тем, с чего же начались все ее неприятности. Поначалу ответ на этот вопрос не был очевиден. Но постепенно она пришла к умозаключению, что скорее всего досадные перемены впервые постучались в ее хорошо налаженную жизнь одним теплым летним вечером на побережье Греции. И вскоре ее память уже могла живо восстановить эту картину до деталей.

Было не жарко и не холодно. Остывающее солнце плавно тонуло в далекой молочной дымке. После купания они вчетвером – сама Наденька, ее обожаемый муж Витя и двое их друзей – тут же на пляже растянулись на шезлонгах. Всеми овладела приятная истома. Витя маленькими глотками потягивал пиво и ровным басом что-то гудел, обратившись к своему другу Алексею. А тот его расслабленно слушал, закинув руки за голову и глядя на набегающие легкие волны. Зарыв ноги в теплый мелкий песок, Надя с Олей, женой Алексея, как и их мужья, тоже лениво беседовали на какую-то пустяковую тему. Да и возможны ли серьезные разговоры в такой вечер, когда все вокруг словно пропитано беззаботной негой?

И вот совершенно неожиданно Наденька разобрала обрывки каких-то странных фраз, которыми обменивались мужчины.

– Когда представительство закрывают? – спрашивал Алексей.

– По плану через полгода.

– А ты работу-то ищешь?

– Нет, – пробасил ее Витя.

– А почему?

– Да надоело это все уже, – вальяжно провел рукой по воздуху Виктор.

– Так, может, и не найдешь уже.

– Бог его знает, теперь уж по-всякому может быть.

– Да уж, когда за пятьдесят пять перевалило – это не шутка в нашем деле.

Неприятный холодок пробежал по Надиной тонкой спине: «Что за нелепый разговор? О чем, и главное, о ком это они, вообще, говорят? Неужели о Вите?»

– То есть, как это не найдет? – обращаясь к Алексею, помимо обыкновения встряла в разговор Надя.

Алексей, наивно полагавший, что поглощенная общением с его женой Наденька не может одновременно слушать чужую беседу, оказался застигнутым врасплох. Кроме того, он не был осведомлен, насколько откровенно принято в семье их друзей обсуждать подобные щекотливые темы, и ему не хотелось подводить товарища. Поэтому он смущенно крикнул, выдержал небольшую паузу и медленно произнес несколько междометий: «Ну, это, как бы так лучше сказать, в общем, это конечно...» – которые сопроводил жестом задумчивости, поднеся открытую ладонь к склоненной голове, словно собирался ее подпереть.

Однако же, его более чем расплывчатый ответ, призванный отвлечь внимание Наденьки, лишь возбудил в последней еще большую тревогу. Теперь она

была убеждена, что случайно долетевший до ее слуха обрывок разговора относился именно к ее мужу, а не к кому-то постороннему. Но подобный поворот событий в ее представлении был совершенно невозможен и даже абсурден. Какой чудак этот Алексей! И поэтому уже в следующее мгновение Наденька просто весело рассмеялась, как будто все это была какая-то глупая, но смешная шутка.

Они были женаты двенадцать лет. Это были счастливые годы любви и согласия. И у нее никогда не возникало сомнений в надежности их материального положения. Да и откуда, спрашивается, им было взяться? Каждое утро в половине девятого ее обстоятельный Витя, размеренно облачившись в отглаженный добротный костюм, безупречную в своей белизне рубашку, галстук и надраенные черные ботинки, отправлялся на работу. Где он работал, Наденька точно не знала. Да ее никогда и не занимал этот вопрос. Ей было и так понятно, что место это «правильное». «Согласитесь, кому попало не станут подавать служебную машину с водителем!» – рассуждала Наденька.

А однажды, вскоре после их свадьбы, она даже побывала на официальном приеме, куда ее взял с собой Виктор! Там подавали шампанское и всякие деликатесы, а также было много солидных людей. И все они обращались к ее мужу по имени-отчеству. Значит, он был им ровня! Виктор же степенно представлял моло-

дую жену своим знакомым. Пожимая руки тут и там, Наденька с мужем плавно перемещались по залу. Ах, как это было приятно! Ей хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался. И тут, в довершение этого благолепия, в шуме голосов она краем уха услышала кем-то оброненную фразу: «Непотопляем, просто непотопляем!». Относилась ли эта ремарка действительно к ее мужу или к кому-то совсем постороннему, сказать с уверенностью теперь нельзя, но Наденька по каким-то одной ей известным причинам заключила, что речь, вне всякого сомнения, шла именно о ее Викторе.

Когда она познакомилась с Виктором, стояли чудные дни поздней весны. Наденьке только исполнилось двадцать пять, и она уже год работала в турагенстве. Надо было как-то зарабатывать на жизнь! Но с неоконченным высшим устроиться на более высокую зарплату очень трудно. А тут еще малолетняя дочь Даша на руках. Выкраивая последнюю копейку, родители Наденьки порой подбрасывали ей немного денег, но их переводов из далекого маленького городка хватало только на аренду квартиры – крошечной клетушки на окраине столицы.

И тут появился Витя – обстоятельный, очки в дорогой оправе, облаченный в сногсшибательный костюм, на шикарной машине и всегда при деньгах. Настоящий джентльмен, он никогда не «забывал» свое портмоне в другом пиджаке, как это делали некоторые

ее сослуживцы, когда наступало время пригласить девушку на ужин. Ах, а как Витя красиво ухаживал! При каждой встрече – цветы, рестораны! Перед его обаянием нельзя было устоять. А какие слова ей говорил. Заверял, что она самая прекрасная на свете, что будет на руках носить.

Так они встречались целый год. Но Витя все никак не мог решиться на развод со своей старой женой, которой тогда уже перевалило за тридцать пять. Тогда Наденька забеспокоилась, и, может быть, единственный раз в жизни даже усомнилась в своих чарах. Вообще-то уверенность в своей неотразимости пришла к ней сама собой еще в юные годы и с тех пор никогда уже не покидала ее. Роста улыбчивая Наденька была немного выше среднего, хрупкого телосложения, с темными озорными глазами и короткой стрижкой.

Какие бы напасти ее ни постигали, Наденька всегда была полна оптимизма и свято верила в то, что удача когда-нибудь обязательно улыбнется ей. Эта ее уверенность передавалась окружающим. Наденька была девушка легкая в общении и хорошо воспитанная.

Она никогда и ни к кому не питала недобрых чувств. Ну или почти ни к кому. Вот разве что к бывшей жене Вити. Но как это можно не понять? И пусть злые языки судачат, что она для достижения своей цели прибежала к помощи каких-то там приворотов или тайных ритуалов. Можно ли этому верить, зная, что Наденька всегда оставалась очень набожной? Просто ей очень

хотелось, чтобы у нее в жизни «все, все, все получилось». А под этим она прежде всего понимала обеспеченного, доброго и красивого мужа. Да, Витя был чуть младше ее отца. Что с того! Зато он был галантен и эрудирован. Даже его седина добавляла ему солидности, которой у него было хоть отбавляй. А стоило Вите заговорить, Наденьке тут же начинало казаться, что нет ничего на свете, чего не знал бы ее избранник. Ей было с ним всегда так интересно! В компании он мог без труда поддержать любую тему разговора, будь то имена композиторов классической музыки или книги современных авторов, путешествия в далекие страны или тайны мироздания. От Вити Наденька почерпнула так много нового! Для нее всегда оставалось загадкой, откуда, как и когда он успел все это узнать? Порой она спрашивала его об этом. Виктор же отшучивался или пояснял, что среднему человеку отпущено очень много времени, даже с избытком, так что, если не лежать часами на диване, то все можно успеть.

Но главным для Нади было все-таки то, что Витя стал ее добрым волшебником, который взял, да и воплотил ее заветную мечту в жизнь. Мечта же эта появилась у нее еще в детстве. Надя даже точно помнила, как и когда это произошло. Они с подружкой, ученицы младших классов, возвращались из школы домой. Навстречу им попались две женщины. Они несли тяжелые авоськи с продуктами, в ручки которых их натруженные руки вцепились так, словно это была за-

воеванная в тяжелом бою добыча. На их грубоватых, не по возрасту морщинистых лицах читалось многолетнее раздражение. Обе были довольно полные и показались Наде очень неприятными. Женщины шли усталой развалистой походкой, и когда Наденька поравнялась с ними, то до ее слуха донеслось, как одна с горькой досадой и жгучей завистью говорила другой:

– И ты представляешь себе, их жены, не то, что мы, они не работают?! Во как! Во, какие у них мужики! Прикинь!

– Я-то прикидываю! Да только откуда ж таких мужиков-то взять? – недовольно буркнула другая.

Обдав Наденьку тяжелым запахом пота, женщины удалились, а сознание девочки пронзила мысль: для того, чтобы не превратиться вот в такую же усталую, замученную женщину, необходимо не работать! А для этого, по мнению Наденьки, требовалось не так уж много – просто удачно выйти замуж.

Но первый муж Нади, к ее большому разочарованию, не предоставил ей такой возможности. Да и вообще, этот тип быстро, буквально через несколько месяцев после рождения их дочери, куда-то исчез.

Зато с Витей все получилось именно так, как ей хотелось. Витя еще до развода с женой купил добротную квартиру, осуществил там дизайнерский ремонт, свил, можно сказать, семейное гнездышко. Туда он как-то вечером буквально внес Надю на руках. А уже чуть позже урегулировал все необходимые формальности

своего бракоразводного процесса. Ну и, понятное дело, он никак не возражал, чтобы Наденька навсегда, как ей тогда казалось, оставила свою изнурительную и бестолковую работу. Мысль о том, чтобы подыскать себе какое-нибудь другое, более интересное занятие или овладеть какими бы то ни было практическими навыками, позволяющими самостоятельно зарабатывать себе на хлеб насущный, с тех пор никогда не посещала ее беззаботную голову.

Ах, что за жизнь у нее началась! Сказка, да и только! Прежде всего, у ее Дашеньки появилась няня. А потом, когда Даша немного подросла, и по дороге на работу Витя сам стал забрасывать ее в школу – он же все равно на машине, – у Нади отпала неприятная необходимость утомлять себя ранними вставаниями. С тех пор Надя просыпалась часам к десяти. Затем, не торопясь, пила кофе со сливками и с клубникой. Далее могла посмотреть телевизор или почитать модный глянцевоый журнал – узнать, как там обстоят дела у мировых знаменитостей: кто из них развелся, кто женился, кто приобрел самую дорогую в мире яхту, кто купил необыкновенно роскошную виллу, какой ни у кого больше нет, а кто усыновил дюжину беспризорных детей с чернокожего континента. У Нади появилась домработница, потом она ее уволила и пришла другая, которая не избежала судьбы первой. Потом были третья и четвертая... Они часто сменяли друг друга. Их достоинства и недостатки – кто-то из них

подворывал, кто–то плохо гладил или портил вещи, а одна так вообще заявила, что ей необходимо время от времени лежать на полу в гостиной, – являлись неиссякаемым источником для долгих оживленных дискуссий с новыми подругами, которые могли позволить себе иметь прислугу.

Постепенно перед Наденькой стал раскрываться необъятный мир престижных брендов – будь то украшения, одежда или домашняя утварь, – в который она радостно устремилась всем своим доверчивым детским существом. А любой мир – что слоеный пирог, и каждый слой тоже со своей иерархией. И для каждого уровня достатка обязательно находятся свои бренды, эти знаки отличия, при помощи которых люди с завидным постоянством демонстрируют друг другу свое превосходство.

Как и большинство людей, Наденьку не интересовали вещи, для нее совершенно недоступные, как, например, виллы, дорогие яхты или крупные бриллианты. И, соответственно, их отсутствие не вызывало у нее страданий. Зато она очень хорошо разбиралась в более доступных для нее предметах – марках одежды, посуды и, конечно же, телефонов, к приобретению которых всячески стремилась. И частые беседы на эту тему с более обеспеченными подругами подогревали эту пламенную страсть.

При этом Наденьке, не в пример многим ее изнывающим от безделья новым подругам, никогда не бывало

скучно. Возможно, в том числе благодаря этой ее особенности веселый, легкий нрав ее с годами не иссякал. Вечером она встречала мужа с неизменной ласковой улыбкой на лице. В компании друзей все ее естество всегда излучало доброжелательность.

Несмотря на то, что Надя производила впечатление довольно энергичной женщины, все дела, за которые ей доводилось браться, а такие, разумеется, все-таки находились – привезти из школы домой Дашу, отвести ее к репетитору, что-то приготовить на ужин, хотя Витя часто и с удовольствием великолепно готовил сам, – быстро утомляли ее. Наденька часто жаловалась мужу на усталость, тем самым все больше и больше вовлекая своего ненаглядного в домашние дела. Да он, впрочем, не особенно противился и с готовностью исполнял хозяйственные поручения молодой жены. И все-то у Наденьки шло своим чередом.

Но вот, по прошествии года с того неприятного разговора на берегу Эгейского моря, над Наденькиной чудесной, хорошо налаженной жизнью стали сгущаться тяжелые тучи.

Поначалу Витя за ненадобностью перестал с утра надевать костюм с галстуком и взял довольно дурацкую привычку все дни просиживать дома. Одновременно испарилась его служебная машина с водителем. Но это было бы еще полбеды. Сами по себе эти тревожные симптомы не могли бы поколебать вели-

кой уверенности Наденьки ни в ее Вите, ни в своем завтрашнем дне. Ну, перестал человек ходить на работу. Что с того? Муж одной ее состоятельной подруги давно не работал, и они месяцами пропадали на своей вилле в Черногории. Витя никогда не посвящал жену в деловые вопросы. Надя не знала и никогда не интересовалась уровнем их реального достатка, то есть, сколько зарабатывает ее муж ежегодно, сколько они тратят, и существуют ли у них сбережения, а если да, то какие.

Однако далее ситуация стала самым драматическим образом усугубляться. В один прекрасный день Витя совершенно неожиданно отказался покупать Дашеньке телефон «Вертю» взамен ею утерянного. Наденька очень тактично попыталась вступить за дочь, объяснить мужу, что Дашенька, да и их семья в целом, должны соответствовать сложившемуся окружению и, в частности, той школе, в которую они определили свое чадо. А там, как это понимала Надя, все с телефонами «Вертю» только и ходят. Ведь это было так очевидно!

К ее разочарованию, всегда податливый к ее просьбам Витя с раздражением заметил, что с его точки зрения подобные траты в настоящий момент будут для них чрезмерны. И также зачем-то упомянул, что сам он всегда пользовался довольно недорогим телефоном, который, как минимум, в два раза дешевле, чем у Даши.

Откровенно говоря, Надя никогда не одобряла неприязнительный вкус своего мужа, и не только в отношении пресловутого телефона. Она давно уже испытывала неловкость перед своими подругами за свою микролитражку, которая когда-то ее так радовала. Эти мысли Наденька тут же постаралась в мягкой форме донести и до Вити. Что, однако, вызвало у него еще большее неудовольствие. Ее муж забурчал, что многие вообще не имеют никаких автомобилей. А затем Витя сердито добавил совсем уж полную нелепицу: что если кому-то не по душе те телефоны, которые он покупает, то есть неплохой выход: заработать самим на то, что нравится. Надя в удивлении воззрилась на своего распоясавшегося мужа. Неужели он полагал, что ей или шестнадцатилетней Даше – это даже было страшно себе представить – надо пойти на работу?

«Нет, этого, конечно же, не могло быть. Это у него, наверное, сторяча вылетело. Ну, не ходит ее Витя временно на службу. Что ж с того? Не следует же из этого факта, что на работу надо отправляться ей самой?!» – рассуждала Надя. Но тут же ей в голову полезли разные неприятные мысли о том, что они стали до неприличия редко посещать рестораны, и о том, что когда Витя заказывал билеты в театр, то непременно брал недорогие неудобные места. Кроме того, вместо Греции или Испании они в этом году планировали ехать отдыхать в Турцию, и всего на неделю, а не, как обычно, на месяц!

А вскоре произошел еще один неприятнейший эпизод. Наденька, как всегда, сидела в кафе с подружками. И когда настало время расплатиться по счетам, все, как водится, небрежно побросали на стол свои пластиковые карты – каждый за себя. Ах, какой это красивый жест! Наденька знала, что ей он особенно хорошо удавался. Вскоре вернулся официант и с каменным выражением лица объявил, что у Нади на счете нет средств! Одной из ее подруг пришлось расплачиваться за Надю. Как это было некрасиво и как стыдно! Эта самая подруга тут же не преминула небрежно заметить, что Наденька, видно, прогадала с мужем и что такая красавица, как она, вне всяких сомнений, могла бы себе найти кого-нибудь помоложе, да и при деньгах. Какое неприятное замечание. Но что ей было ответить? У Надиных подруг мужья были сплошь обеспеченные и молодые, в смысле, лишь слегка старше своих спутниц. Наде ничего не оставалось, как улыбнуться и постараться все свести к шутке. Но сам факт был чудовищен!

Уже сидя в машине одна, чувствительная Наденька взволнованно позвонила мужу и недовольно справилась, чем было вызвано столь досадное недоразумение. Но Витя монотонно сообщил, что он, оказывается, недавно предупреждал ее о сокращении доступного ежемесячного остатка на дебитовой карте. И как это она могла пропустить такое мимо ушей? Но самое важное заключалось не в этом, а в том, что теперь получалось,

что это не было недоразумение. И, следовательно, она не сможет, как раньше, встречаться с подругами когда захочет. Ведь виделись они обычно именно в модных кафе или ресторанах. Предложи им другое – прогуляться, например, – и они сразу поймут, в чем тут дело. Выходило сплошное несоответствие и стыд! Вот что теперь выходило.

Происходящие перемены очень расстраивали Надю. И постепенно ее начал терзать один вопрос: как долго такое будет продолжаться? Поразмыслив немного, она пришла к заключению, что, по всей видимости, эта ситуация будет неизменной, а может быть – об этом ей даже думать не хотелось, – станет еще хуже, до тех пор, пока Витя не выйдет на работу.

Тогда Надя стала донимать мужа, когда же он, наконец, опять начнет работать, и всячески доказывать ему необходимость скорейшего осуществления данного шага. Однако, несмотря на проявление несвойственной ей большой настойчивости, вразумительного ответа ей получить так и не удалось. Шли месяцы, а Витя целые дни проводил дома. Похоже, пророческие слова его приятеля, оброненные на греческом побережье, несмотря на всю кажущуюся тогда их абсурдность, начинали сбываться.

Надя все более критично стала присматриваться к мужу и вскоре, к своему крайнему неудовольствию, пришла к заключению, что, в отличие от нее, тот не очень-то переживал. Однажды, в состоянии подпития,

в компании своих хороших друзей Витя расслабился и разоткровенничался: «Да, видно, ушел я на пенсию, ребята. Пусть рановато. Но что делать? На скромную жизнь хватит».

«То есть как это – ушел на пенсию? Что это он имел в виду, спрашивается? Ему ведь до пенсионного возраста еще несколько лет. Да и какое это вообще имеет значение, когда ему надо кормить семью? Скажите на милость, «на скромную жизнь хватит»! Он только себя в виду имеет, что ли?» – не в силах заснуть от расстройства, той же ночью думала Наденька. Ей-то уж точно не хватало. Не такое будущее она себе рисовала, когда выходила замуж за Виктора. И в сорок лет она совсем не собиралась себя хоронить.

Виктор же не слишком утруждал себя поиском работы. Иногда, под нараставшим днем ото дня напором жены, он мог безрезультатно позвонить куда-нибудь, но не более. О том, что его возможности могли быть исчерпаны, Наденька как-то не думала. Просто с этим всем надо было срочно что-то делать. Но время шло, а перемен к лучшему не наступало.

Как-то раз в большом торговом центре неподалеку от дома, где Наденька любила побродить на досуге, ее окликнули по имени. Обернувшись, Надя увидела высокую, со вкусом одетую женщину, в которой без труда узнала бывшую коллегу по работе в турагенстве Оксану.

Когда-то они могли бы стать подругами, но Надя не терпела рядом с собой красивых женщин. В присутствии грациозной Оксаны шансы Наденьки на успех стремились к нулю. В то время у Нади не было сомнений, что ее коллегу ожидает блестящее замужество и вытекающее из него безоблачное будущее.

Теперь делить им было нечего. Бывшие коллеги обрадовались друг другу, обнялись, расцеловались и тут же устроились в маленькой забегаловке, чтобы за чашкой кофе поговорить по душам. Первой начала словоохотливая Надя:

– Какие у тебя сапоги модные! Какая это фирма?

– Да так, ерунда. Они не из натуральной кожи, кстати, – безразлично махнула рукой Оксана и назвала малоизвестную фирму.

– Да что ты, неужели не из натуральной? Ну, ты тогда об этом никому не говори... – понизила голос Надя, как если бы то, что она только что услышала, было неприлично.

– Бог с ними, расскажи лучше, как живешь. Ты по-прежнему за Витей замужем?

– Да, конечно.

– Здорово! Молодец! Сохранила семью.

– Молодец-то молодец, но... – и Надя немного потупилась.

– А что? Случилось что-то? Он у тебя такой обстоятельный был.

– Обстоятельный. Это верно. Ты знаешь, все шло просто чудесно, даже сказочно. Нет, конечно, мы не были олигархами, ты не подумай. Но добротная квартира – сто метров квадратных, у меня своя, пусть и маленькая, машина, я сама за рулем, рестораны, отдых за границей, а главное, не надо работать! И все есть. А потом, несколько лет назад, представляешь, Витя потерял работу. И теперь у нас, понимаешь, пока трудный период в жизни, то есть с деньгами плохо стало. Временно, конечно, но знаешь, очень неприятно...

– А сколько твоему Вите лет? – поинтересовалась Оксана.

Деликатной Наде вопрос Оксаны показался немного прямолинейным. Она в смущении сморгнула, но все же ответила, как есть:

– Пятьдесят семь.

– А почему ты тогда думаешь, что это временно?

– Как почему? Ну, должен же он снова работу найти?! – искренне удивилась Наденька.

– Почему ты так в этом уверена? Думаешь, на такие должности, как у него, желающих мало – молодых да шустрых?

– Ну а как же иначе? И при чем тут другие? Он же такой обстоятельный! Другие ему не ровня! Он же умница, он же всю жизнь был очень, очень большим начальником, он... – Наденька запнулась, не зная, какие еще аргументы привести, а потом выпалила: – А потом, потом, он же мне просто обещал, что я не буду

работать, что я буду всегда как сыр в масле кататься! Понимаешь?

Но Оксане, судя по всему, приведенные доводы не показались убедительными. И чуткая Наденька этого не могла не заметить. От этого ей только еще больше захотелось убедить Оксану в своей правоте, но никаких дополнительных аргументов у нее не нашлось, и потому она просто жалобно посетовала на свою судьбу:

– Понимаешь, все теперь пошло кувырком. Я теперь даже с подружками не могу встречаться.

– А это еще почему? – удивилась Оксана.

– У них другой материальный уровень. Несоответствие получается. Они все время в модных кафе проводят, а я с ними не могу. Денег нет. Они мне несколько раз прямо так и говорили уже, что я не за того, видно, замуж вышла. Что нашла себе какого-то старикашку без денег. Говорят, что я могла бы гораздо интереснее себе пару найти. Нет, я, конечно, Витю очень всегда любила... Но теперь, когда он сидит дома, ждет пенсии, я даже задумываться начала. Я ведь, действительно, ему свою молодость подарила! Правильно подруги говорят. А что же он? Нет, я, конечно, и сейчас в отличной форме. Куда не приду, на меня все женщины с ненавистью смотрят, как будто мне их мужья нужны! Как будто я в поиске! Но раньше-то, раньше такие большие возможности у меня были, а что из этого всего вышло... – и Надя грустно замолчала.

– Ты знаешь, – сказала Оксана, – я вот тебя слушаю, и мне твоя жизнь сказкой кажется. Я, прежде всего, имею в виду те, сколько там, пятнадцать или семнадцать сытых лет, что ты за Витей замужем прожила. Я бы с радостью с тобой прямо сейчас поменялась, если бы время назад вернуть можно было бы, конечно. А я, вон, несмотря на всю свою красоту, вместо этого как лошадь рабочая пропахала в этом агентстве еще лет семь, параллельно в институте на вечернем училась – сама понимаешь, насколько это непросто далось. Потом в страховую компанию устроилась, там пахала экономистом лет пять, недавно только меня начальником отдела сделали, и снова вкалываю, как ишак. Не бог весть что, конечно, но все же.

– Ну, а на личном фронте как?

– Бывали, понятно, любовники. Но все куда-то испарились. Кого я сама прогнала – те, кто веселые, но без денег, а кто сам исчез. Нет, попадались, конечно, солидные ребята, но все почему-то женатые. С одним роман до настоящего времени так и тянется. Ну, дарит он подарки кое-какие мне, ну, иногда за границу с собой берет, тайком от жены. А так, откровенно говоря, морока одна, да и только. Квартиру я себе малюсенькую с трудом купила, ипотека на мне висит до сих пор. А у тебя, вон, сто метров квадратных, как с куста. А подругам твоим повезло просто, ну, чуть больше, чем тебе. А могло бы быть совсем иначе. И у тебя тоже, без обид, Надя, скажу, могло бы все сложиться совсем

иначе, не подвернись тебе Виктор тогда. И молодость твоя прошла бы, как моя. И никому бы ты ее не пристроила. Другие девчонки, что с нами вместе работали, совсем незавидной судьбы ведь все оказались. Так что не слушай ты подруг своих. Дуры они чванливые. А радуйся тому, что имеешь. У тебя и сейчас все совсем неплохо, на мой взгляд.

– Ну да, я понимаю. Наверное, надо просто это трудное время пережить, – вздохнула Наденька, сворачивая на старую колею.

– Да с чего ты взяла, что это временно?

– Ну я же тебе объясняла. Денег не хватает. Несответствие и все такое. А Витя мне обещал... Поэтому, конечно же, так не может вечно продолжаться. А потом, что же мне теперь, на работу самой идти, что ли?

– Ну, пойдешь, а почему нет...

– Да ты что?! – в удивлении воззрилась на Оксану Надя.

– А что тут такого?

– Ну я не знаю! А потом, куда же я пойду без диплома? Три копейки получать!

– А ты что, так институт за эти годы не окончила, что ли? У тебя же времени вагон был, – еще больше удивилась практичная Оксана.

– Да нет, не окончила, я, знаешь, как-то не думала об этом... – рассеянно ответила Надя. Ей хотелось поддержки или хотя бы сочувствия, а вместо этого она слышала вопросы сродни неприятным советам, кото-

рые никак не вязались с ее представлениями о жизни и только больше бередили душевные раны. К тому же, никакой особенной потребности в высшем образовании она никогда не ощущала. И Надя перевела разговор на другую тему:

– Слушай, Расскажи лучше о себе!

– Дочка у меня пятнадцати лет. Муж сбежал через год, как она родилась. Сейчас вот ума не приложу, куда и как ее в институт пристраивать! А приличный институт теперь таких денег стоит! А у тебя?

– Ну, у меня Даша! Семнадцать лет. Красавица! Во всем фирменном ходит! Вот только вчера на фотосессию ездила. Одна подруга моя за это заплатила – сами мы себе этого позволить не можем сейчас. И, представляешь, из-за всех этих катаклизмов Дашу, такую красавицу, пришлось год назад в другую школу перевести, попроще, в общем! А то там все такие расфуфыренные ходят, а мы временно не можем этого себе позволить. Я планировала ей машину на восемнадцать лет купить. На курсы вождения устроила. Но теперь, боюсь, из этого ничего не получится. Но ты не подумай, как только у Вити будут деньги, мы обязательно ей машину купим. В Москве по-другому как? Ты ведь знаешь... – увлеченно тараторила Надя.

– А в какой институт вы ее устраиваете? – перебила несколько уязвленная Оксана, в планы которой отнюдь не входила покупка автомобиля для собствен-

ной дочери и которая из лично опыта знала, что в Москве вполне можно совсем по-другому.

– В институт? – рассеяно переспросила Надя, которая не смогла быстро переключиться с одной темы на другую.

– Ну да, в какой институт?

– Пока не знаю.

– Но ей же поступать вот-вот.

– Я думаю, Витя все устроит, – ответила Надя. И Оксана решила, что образование дочери не является для ее старой знакомой первостепенным.

Наденька отчетливо помнила, что Витя ей это тоже как-то обещал. А каким образом он это все исполнит, она не задумывалась.

Предметом же ее настоящей тревоги было то, что Витя никак не соглашался осуществить ее мечту: подарить ей маленький «мерседесик». Да и вообще, ее некогда такой щедрый муж теперь взял странную манеру отвечать ей, что ему, видите ли, не совсем понятно, на что они будут жить дальше при таких тратах. Такое было обидно слышать. «Уж не разлюбил ли ты меня» – справлялась она в подобных ситуациях. Виктора же этот вопрос только больше сердил. Как-то раз он даже ответил ей довольно грубо: «Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Я тебе говорю, денег надо меньше тратить, а ты мне...» – и махнул рукой. У деликатной Наденьки, не привыкшей к такому обращению, даже слезы на глазах навернулись.

Как многим людям, добровольно находящимся на иждивении, Наденьке всегда казалось, что ей что-то недодают, что от нее что-то несправедливо утаивают, что надо просто хорошенько попросить, и все-то непременно появится.

И вот, после долгих уговоров, упреков и слез, Наденьке все же удалось убедить Витю раскошелиться на желтый автомобиль с заветной эмблемой на капоте.

Но если бы кто-нибудь спросил, зачем он пошел на этот шаг, Витя вряд ли смог бы дать однозначный ответ. Ставя свою подпись под банковским переводом в оплату проклятого автомобиля, трезво мыслящий Витя прекрасно понимал всю несоразмерность, если не сказать нелепость данной покупки для их семейного бюджета. При таких тратах его накопления неминуемо должны были иссякнуть уже через несколько лет. Но донести до жены эту простую истину не было никакой возможности. Надя почему-то всегда переводила конкретный разговор о деньгах в принципиально другую, какую-то размытую плоскость, не имевшую прямого отношения к экономии. В частности, надув губы, спрашивала, почему именно сегодня у мужа такое плохое настроение. Как будто хорошее настроение могло прибавить денег в кармане! Или же, с нотками отчаяния в голосе, произносила хорошо отрепетированную фразу «Если бы Даша была тебе родной дочерью, ты бы вел себя совсем по-дру-

гому!». Во всех-то ее встречных, совершенно не относящихся к теме замечаниях легко читался скрытый упрек. При этом Наденька, как и прежде, как будто ничего не изменилось, продолжала возносить своего мужа на воображаемый пьедестал почета, постоянно упоминала о его больших заслугах и о том, какой он крупный руководитель. От подобных речей у Виктора Владимировича оставалось неприятное чувство, словно кто-то назойливо пытался примерить тяжелый хомут на его старую шею.

Парадоксально, но пик карьеры Виктора пришелся именно на момент его знакомства с Наденькой. С тех пор он только неуклонно соскальзывал вниз.

Виктор Владимирович никогда не занимал особенно высоких постов, равно как не было у него и из ряда вон выходящих достижений. Хотя работа его в целом была хорошо оплачиваемой, ему так и не удалось заработать столько, чтобы почувствовать себя по-настоящему экономически независимым или хотя бы получить возможность не ходить на службу вовсе. Лишь природная бережливость позволила Виктору подготовить хоть какой-то задел на черный день.

Оглядываясь назад, Виктор Владимирович признавал, что он сам в немалой степени создал, а потом и поддерживал в глазах Наденьки свой образ человека с большой буквы, которому не страшны никакие невзгоды. Так было проще произвести впечатление на

свою молодую избранницу. К тому же это было совсем не сложно. Наденька сама с готовностью наделяла его этой ролью.

Зачем же, спрашивается, отказываться от того что само плывет в руки? И что же тут, спрашивается, такого? Разве только он один был в этом грешен? Разве не свойственно человеку желание порой подать себя окружающим в чуть лучшем свете, чем на самом деле?

«А в довершение всего, – размышлял склонный к отвлеченным построениям Виктор Владимирович, – что такое соответствие или несоответствие чьего-либо образа реальности»? При ближайшем рассмотрении понятие это, как и многие другие, было относительно. Все зависело от того, чьими глазами посмотреть на вопрос. Если подойти с позиции тех, кто достиг больших вершин, то да, тут получался какой-то обман. Однако ж с того невысокого бугорка, на котором проистекала жизнь Наденьки, достижения ее мужа действительно представлялись значительными. И был ли смысл в том, чтобы лишать ее иллюзий, которые доставляли ей такое удовольствие и повышали ее социальный статус? По крайней мере, стоило ли это делать раньше времени, которое, между прочим, могло так никогда и не наступить?»

Но теперь некогда притягательный образ собственного величия превратился в непосильную ношу, которую Виктор Владимирович с радостью бы сбросил с плеч. Но не тут-то было!

«Сбросить? Допустим... Но не станет ли это актом саморазрушения? Ведь все мы, в некотором смысле, лишь примеряем разные роли, в которые окружающие с готовностью верят», – рассуждал Виктор Владимирович.

Каковы же будут последствия смены маски? Как после этого изменится отношение к нему членов его семьи? До недавнего времени у себя дома он пользовался непререкаемым авторитетом, где его слово воспринималось как истина в последней инстанции. И это было, что там говорить, очень приятно и удобно – ни тебе споров, ни утомительных обсуждений, как это нередко бывает в других семьях. Но что будет потом? Не получится ли так, что вместо лаврового ему на голову наденут венок терновый? Между тем уже сейчас Наденька взяла неприятную манеру спорить о необходимости тех или иных его расходов, да и вообще становилась день ото дня все более раздражительной по всяким пустякам, чего за ней никогда прежде не водилось. А некогда тихая послушная девочка Даша все чаще поддакивает своей матери! Того и гляди у нее появится собственное мнение. И тогда – пошло-поехало, только держись! Взаимные упреки и скандалы станут нормой. И конец спокойной жизни.

Однако суровая действительность помимо его воли неумолимо вносила свои коррективы, и Виктор Владимирович вынужден был мягко сокращать их

ежемесячные траты, отчего обстановка дома все более накалялась.

Но однажды, во время одной из долгих одиноких прогулок по парку, которые вошли у него в привычку, пытаясь объективно посмотреть на вещи – а Виктор Владимирович полагал, что он, не в пример другим, на это вполне способен, – он пришел к парадоксальному выводу, что в какой-то мере Наденька, возможно, была права. И пусть он в поисках работы еще несколько лет назад прилежно обзвонил всех своих прежних знакомых, которые могли ему как-то быть полезны – до некоторых, кстати, он так и не дал себе труда дозвониться, – все эти действия не могли изменить главного обстоятельства, которое заключалось в том, что Виктор Владимирович устал. И устал уже довольно давно.

Ему надоело однообразие его будней, его коробило от перспективы ежедневного присутствия на утомительной работе. И во имя чего, спрашивается, надлежало туда ходить? Чтобы заработать на хлеб насущный?

Но Виктор Владимирович располагал некоторыми сбережениями, которых, по его подсчетам, при очень скромной жизни должно было хватить, чтобы сократить отпущенный ему срок. Как сказал поэт, Виктор Владимирович «скупее стал в желаньях», и потому отказ от многих развлечений не сильно его беспокоил.

А что до всего остального, то квартира у него была в собственности. Она, правда, не была элитной, что

его когда-то несколько смущало. Теперь же, ввиду незначительных затрат на ее содержание, он был этому только рад. У него не было долгов. И ко всему прочему, не за горами было то время, когда ему должны были начать выплачивать пенсию.

Виктор Владимирович по натуре был довольно скромен и в меру любознателен. Еще до встречи с Надей по долгу службы он объехал полмира и теперь был готов довольствоваться редкими поездками на недорогие курорты. Тогда как его Наденьке, мало где побывавшей, напротив, безумно хотелось новых впечатлений. А главное, отдых по первому разряду для нее был вопросом престижа и неизменной темой последующих обсуждений с подругами.

Где-то в мире существовали многочисленные дорогостоящие увлечения и хобби, на которые некоторые его удачливые знакомые тратили большие деньги и с которыми, если судить по их словам, они нипочем не могли бы расстаться. Так, некоторые с замиранием сердца говорили об элитарном парусном спорте, другие увлекались мужественным хоккеем или престижным гольфом, третьи, рискуя свернуть себе шею, зачем-то карабкались на горные вершины, управляли самолетами или прыгали в бездну с парашютом, четвертые, в потугах что-то доказать себе и другим, ныряли на немислимые глубины с аквалангом. Зачем они все это делали? Виктор Владимирович не понимал. Для несклонного к риску и неспортивного Виктора Владими-

ровича все это были лишь неоправданные излишества и пустое бахвальство. У него никогда не возникало нужды себе самому что-либо доказывать. Равно, как не было ему особенного дела и до мнения других, чего никак нельзя было сказать о Наденьке, обладательнице легко ранимой души, чуткой к замечаниям посторонних. Ей совершенно необходимо было знать, что окружающие думают про нее одно лишь хорошее.

Виктор Владимирович был также всегда далек от обуревавшей иных страсти к дорогим автомобилям. И когда настала пора распрощаться со служебной машиной, он в целях экономии с хорошей скидкой выкупил в личное пользование свой бывший скромный корпоративный седан, поизносившийся за долгие годы эксплуатации. Более того, он запросто мог бы обойтись и без машины вовсе. Ему никогда не была понятна радость личного вождения автомобиля. Он не видел ничего притягательного в бессмысленном вращении руля и утомительном переключении разных кнопок. И уже несколько лет, как Виктор Владимирович запросто пользовался услугами общественного транспорта и не усматривал в этом ничего предосудительного.

А вот его Наденька пребывала в уверенности, что ездить на общественном транспорте небезопасно и даже постыдно. Это же чувство она внушила и своей дочери, которая, несмотря на робкие доводы отчима, выросла избалованной девушкой. И для юной Даши, как и для ее матери, способ передвижения по горо-

ду был также вопросом соответствия. Ведь двух ее лучших подруг везде возили на машине с водителем. Почему юная Даша из многих других выбрала себе в подруги именно этих девочек, оставалось для Виктора Владимировича загадкой. Но с некоторых пор, куда бы она ни отправлялась, Витя или Надя непременно должны были сопровождать Дашу на машине в качестве водителя.

В молодости, когда ему было многое интересно, и Виктор Владимирович не сомневался в целесообразности того, чем занимается, все ему давалось довольно легко. Без излишних раздумий он с подкупающей руководством готовностью брался за то, что ему поручали. И быстро осваивал новые участки работы. Год от года перед ним открывались все новые перспективы. Работа порой захватывала его. Не забывал Виктор Владимирович уделять должное внимание и человеческим отношениям. А как без них? Он непринужденно устанавливал новые и поддерживал уже существующие деловые контакты. Ему не составляло большого труда – хотя, откровенно говоря, он никогда и не испытывал от этого чрезмерного восторга – своевременно поздравить полезного человека с днем рождения или провести нужное количество часов в приемной старшего по должности.

Но с некоторых пор все это стало Виктора Владимировича тяготить. Он стал впадать в неуместные для

той среды, в которой находился, раздумья о том, стоят ли его вполне осязаемые усилия в настоящем призрачных достижений в неопределенном будущем. И все чаще ему казалось, не стоят. Особенно теперь, когда, скептически глядя на вещи, он полагал, что, сколько в его возрасте ни работай, а миллионов все равно не заработаешь и ничего-то принципиального нового для себя не откроешь.

С годами сама профессия изрядно ему наскучила. А контакты с людьми стали требовать от него все большего душевного напряжения. Одновременно на него стали накатывать частые приступы усталости и ощущения бессмысленности происходящего. И это относилось не только к его работе.

Сколько ни искал, Виктор Владимирович никогда не мог найти для себя смысла жизни, которая в его понимании была нелепой суетой, бесконечным движением в непонятном направлении, случайным участником которого он являлся.

Доводилось ли ему иметь какие-нибудь индивидуальные цели, к которым стоило бы стремиться? Да, конечно, время от времени они появлялись, особенно в молодости. Вот только перечислять их было бы совершенно ни к чему, так как цели эти, как он теперь прекрасно осознавал, подобно стремлениям многих миллионов, не были оригинальны, хотя в то время представлялись их владельцу очень даже значитель-

ными и непохожими на стремления других. Постепенно часть поставленных задач была им достигнута, а часть просто перестала интересовать. Он не испытывал сожалений о чем-то несбывшемся.

Виктор Владимирович был согласен с Сартром, который утверждал, что априори человеческая жизнь бессмысленна и что каждый человек сам придает ей свой собственный смысл. И таких людей Виктор Владимирович знал.

«Но отчего у некоторых людей есть цель в жизни, а другие не могут ее найти, как ни стараются?» – размышлял Виктор Владимирович. С его точки зрения, ответ заключался в том, что цели в жизни находили люди, наделенные избытком энергии. Таким всегда необходимо было находиться в постоянном движении. Но, чтобы двигаться, разумному человеку нужно знать направление, понимать, к чему стремиться. И цели, задающие траекторию движения, естественно, находятся. Таким образом, первопричиной человеческих устремлений и целей являлся банальный избыток энергии.

В этих своих рассуждениях Виктор Владимирович, в качестве исключения, отдельно выделял натуры гениальные, которым была свойственна неудержимая внутренняя потребность творить несмотря ни на что. Но и эта потребность подразумевала наличие избытка все той же энергии.

Кроме того, почти все человеческие желания, по мнению Виктора Владимировича, так или иначе, сво-

дились к производным побуждениям от двух основных инстинктов – самосохранения и продолжения рода. В любом случае, наличие желаний совершенно не оправдывало факта человеческого существования.

И присущая Виктору Владимировича тяга к поэзии, литературе, музыке, искусству отнюдь не подрывала этого его убеждения. Да, от созерцательного соприкосновения с этими проявлениями жизни он получал некоторое удовольствие, а в молодости даже неоднократно переживал катарсис. Но определение смысла бытия с позиции гедонистов, пусть и перенесенное в область духа или интеллекта, Виктор Владимирович никогда не разделял. Допустим, получает он удовольствие от того или иного созерцательного процесса, и что с того? На вопрос «Зачем все это нужно?» в отношении любого человеческого действия, в особенности, поставленный два-три раза кряду, он не находил ответа. Область искусства не была здесь исключением.

В бога он толком не верил, хотя и крестился уже в зрелом возрасте. Тогда многие по своей сути неверующие крестились в России. Но и к материалистам Виктор Владимирович себя отнести тоже не мог, так как не считал человека ни вершителем своей судьбы, ни венцом мироздания, и всегда предполагал наличие некой высшей силы или высшего разума, недоступных человеческому пониманию.

Виктор Владимирович вообще не был склонен переоценивать духовные проявления жизни. Он пола-

гал, что физиология и, в частности, химические процессы, заложенные в человеке самой природой, если не диктуют поведение любого индивида, то уж, по крайней мере, играют тут одну из ключевых ролей. В частности, гормональная активность, в его понимании, для человека была сравнима с бензином для автомобиля. Как бы ни был совершенен автомобиль, без дозаправки он никуда не мог поехать. По этой аналогии именно гормоны запускали инстинктивные стремления человека жить и размножаться, равно, как и все их сложные, и на поверхностный взгляд совершенно самостоятельные, производные. И Виктор Владимирович исключением не являлся. Но теперь этот некогда могучий источник жизненной силы в нем неумолимо иссякал, унося с собой все желания, равно как и никчемное и бессмысленное стремление человека к вечному пребыванию в этом мире. Создатель и тут позаботился о своих подопечных, в конце пути избавив их от чрезмерных переживаний о ненужном.

В этой связи Виктор Владимирович не раз возвращался к своим детским воспоминаниям. Ребенком, глядя на старых людей, он думал, что те должны испытывать ужас от того, что им осталось мало жить, что они немощны и уже мало на что годны. Теперь же, оставив позади себя большую часть жизни, сам он никаких ярких эмоций вообще и тем более страха по поводу неизбежной кончины не испытывал. Напротив,

его душевное состояние скорее можно было охарактеризовать как нарастающее безразличие.

Но вернемся к нашему повествованию, лет на десять назад, когда Виктор Владимирович стал все реже видеться со своим руководством, у которого именно для него теперь почему-то не находилось времени. Многие важные совещания также стали проходить в его отсутствие. И в какой-то момент Виктору Владимировичу стало понятно, что его мнение больше никого не интересует. Такое положение вещей не могло не вызвать у него внутреннего неприятия и даже протеста. Зачем же тогда ему было стараться? И Виктор Владимирович, уже давно и без того не отличавшийся чрезмерным рвением, вовсе стал работать спустя рукава. Поползли слухи о его нерадивости, о том, что ему пора на отдых. Он же, в отместку, с высоты своего опыта только ехидно посмеивался над другими, в частных беседах едко указывая на их ошибки и личные недостатки. Но среда, как водится, платит индивиду той же монетой. И пришла тоскливая пора понижений в должности, которую сменил этап поиска вакантных мест на стороне. Поначалу Виктору Владимировичу помогали старые связи, и он несколько раз умудрился поменять одну организацию на другую. Однако траектория этого движения шла по нисходящей линии, пока его не уволили окончательно и бесповоротно.

Размышляя на тему, отчего еще не старым человеком он остался не у дел – в то время, как некоторые были в состоянии найти себя и после семидесяти лет, – Виктор Владимирович с грустью пришел к философскому выводу, что жизнь любит не тех, кто, посмеиваясь над промахами других, лишь рассудительно наблюдает за всем со стороны, а других, кто, ошибаясь и рискуя, постоянно находится в непрекращающемся движении. Не зря некоторые полагают, что главное не продолжительность жизни, а ее насыщенность.

Постепенно он пришел к заключению, что его нынешний статус безработного во многом являлся результатом его личного выбора. Ведь это он сам, еще задолго до своего окончательного увольнения, перестал прилагать необходимые усилия к тому, чтобы оставаться на плаву. Это он сам, своим поведением, а по-другому он вести себя не хотел, исподволь провоцировал коллег на соответствующие ответные действия. А неблагоприятные обстоятельства, хотя они, безусловно, тоже присутствовали, отнюдь не являлись единственной причиной.

В целом Виктор Владимирович вполне отдавал себе отчет, что в сложившейся ситуации ему было проще сократить свои расходы и жить скромнее, чем изнурять себя нелепыми потугами догнать давно ушедший поезд, в котором его место занял кто-то другой.

Когда Виктор Владимирович смотрел на свой пройденный путь с точки зрения жизненных достижений, то к нему неизменно приходило ощущение некоторой законченности этого процесса.

Что касается потомства, то от второго по счету брака у него была взрослая дочь, Катя. Несмотря на раздельное проживание, Виктор Владимирович всегда оказывал ей моральную и материальную поддержку. Когда пришло время, помог поступить в престижный институт, а потом устроил на хорошую работу. Катя удачно вышла замуж. Они виделись обычно раз в неделю. У дочери была хорошо налаженная жизнь, и за нее не было поводов волноваться.

Что касается дома, то двум своим предыдущим женам совестливый Виктор Владимирович оставил по добротной квартире, а потом свил уже третье по счету семейное гнездышко.

В профессиональной деятельности у него тоже, вне всяких сомнений, накопились свои достижения.

Образно выражаясь, он посадил дерево, построил дом, вырастил потомство. Отсюда проистекало, что жизненный цикл его можно было считать завершенным. И если бы смерть внезапно настигла Виктора Владимировича, то он бы не возражал. Главное, чтобы она не оказалась мучительной. К несчастью, из его наблюдений следовало, что именно страдания в подавляющем большинстве случаев сопутствовали переходу в мир иной.

«Видно, так специально задумано Всевышним, – размышлял Виктор Владимирович, – чтобы у умников типа меня, которым все наскучило, было поменьше соблазна по своему разумению прекратить эту нудную пьесу, не дождавшись положенного им окончания третьего акта.»

Однако же Виктор Владимирович обладал довольно крепким здоровьем. Он был среднего роста, в меру упитан, и его также отличал здоровый цвет лица. Только зрение еще со школы подводило его, отчего его нос всегда украшали круглые очки в тонкой оправе. В общем, за исключением несчастного случая, который, как известно, не принято брать в расчет, ничто не предвещало его скорой кончины. Сам же он свою смерть не торопил, полагая, что она и без того в любом случае когда-нибудь наступит помимо его воли.

Виктору Владимировичу случалось досадовать на то, что человек не может знать, сколько ему еще отмерено. Этот вопрос для него имел не сакральный, а исключительно практический смысл. Ибо в зависимости от ответа на него он мог бы либо стать свободнее в тратах своих накоплений или же еще прижмистей, чем прежде. Ведь, несмотря на свою природную скромность, ему все же было, куда тратить деньги. Виктор Владимирович был сибаритом и любил хорошо поесть. Вкус его был безупречен. А какая же настоящая трапеза обойдется без доброго вина? И что за ужин без аперитива? И хотя посещения «мишле-

новских» ресторанов, разбросанных по всему свету, остались далеко в прошлом, кулинар от бога Виктор Владимирович, несмотря на стеснение в средствах, все же не мог отказать себе в приготовлении самых утонченных блюд, пусть и в домашних условиях. И в этой области мало кто мог с ним потягаться. Причем вкусовые предпочтения его не ограничивались какой-либо одной национальной кухней. Виктор Владимирович знал толк в приготовлении пищи как на французский, так и на итальянский манер, слыл знатоком китайского и японского кулинарного искусства, отдавал он должное и русским блюдам, запросто мог подать узбекский плов и многое другое. А пир без друзей, как известно, не пир.

Однако и от этих маленьких радостей, похоже, пора было отвыкать. С некоторых пор Наденька решила, что от друзей Виктора нет никакого прока, и ни к чему тратить на них деньги, которым она может найти гораздо лучшее применение. Об этом она ему как-то и объявила, для пущей убедительности, довольно эмоционально аргументировав свою точку зрения. А некогда царственный Виктор, лев по гороскопу, теперь лишь вяло махнул рукой и промолчал.

Стоит также отметить, что эрудированный Виктор Владимирович в прошлом не в шутку увлекался художественной литературой, заживал в оперу и на балет, выкраивал время для посещения выставок изобразительного искусства, к некоторым течениям ко-

того он был не равнодушен. В этой связи ему даже когда-то казалось, что он легко сможет заполнить эти-ми увлечениями все свое свободное время на пенсии. Но странным образом с годами, когда он оказался не у дел, Виктор Владимирович охладел к художественной литературе – его стали мало интересовать чужие мысли. Некогда столь пленявшая классическая музыка все чаще оставляла его почти безучастным, как, впрочем, и опера с балетом. К тому же на подобные темы ему не с кем было поговорить. Его Наденька, отвадившая немногих друзей от их дома, сама не питала большой любви к высоким проявлениям искусства, и, за исключением редких походов в драматический театр, всегда находила повод отказаться от подобных приглашений мужа. Что до юной Даши, то она также не разделяла вкусовых пристрастий отчима. А Виктор Владимирович, в свою очередь, не понимал ее увлечений, которые он даже не мог охарактеризовать. Ему казалось, что девушка все время проводит в социальных сетях и на дискотеках. Общих тем для разговора с приемной дочерью не находилось.

Виктор Владимирович, как легко можно заметить, глядя на его жизненный путь, несмотря на то, что формально причислял себя к христианам, никогда не рассматривал свой брак как нечто незыблемое или вечное. Он всегда полагал, что если любовная лодка под тяжестью недопонимания и взаимного недоу-

вольствия просела ниже определенной ватерлинии отношений, и волны взаимного раздражения начинают перехлестывать через борт, то не стоит бессмысленно пытаться спасти ветхое суденышко. А вместо этого лучше построить себе новый корабль. Собственно говоря, этим подходом Виктор Владимирович обычно и руководствовался в прошлом – развод, и с глаз долой.

Наденька же, надо отдать ей должное, каким-то женским чутьем понимала, что нельзя перегибать палку. Она чутко улавливала, когда нужно остановиться в своих претензиях, которые принимали все более ощутимые размеры. Со своей стороны Виктор Владимирович тоже осознавал, что годы его уже не те, и подыскать кого-нибудь еще для совместной жизни ему, скорее всего, будет совсем не просто. Оттого у себя дома он постепенно сдавал свои некогда крепкие позиции.

Однако жизненные силы все еще теплились в нем. И импозантный Виктор Владимирович каким-то образом умудрился свести шапочное знакомство с одной дамой среднего возраста, которая не была столь притязательна, как его Наденька. И пусть до настоящего романа дело пока не доходило, да Виктор Владимирович и не слишком к тому стремился, это знакомство придало ему дополнительную уверенность в своей правоте.

И вот в один из вечеров, когда у семейного очага разгорелась очередная неприятная дискуссия на тему,

как лучше потратить деньги, Виктор Владимирович со всей строгостью заявил Наденьке, что ей следует либо начать жить по средствам, либо подыскать себе какую-нибудь работу.

Наденька попыталась по своему обыкновению перевести разговор в другую плоскость и жалобно забормotala о том, что он ее разлюбил. Когда это не подействовало, она ударилась в слезы. Но Виктор Владимирович был тверд как скала. Рыдая, но не сдаваясь, Наденька покинула поле боя и удалилась к себе в комнату. А Виктор Владимирович победоносно налил себе рюмочку первоклассного португальского портвейна, расходы на покупку которого так не одобряла его жена, и устроился в кресле под торшером читать «Бунтующего человека» Альбера Камю.

На следующий день в кафе Наденька с обидой излагала суть произошедшего своей подруге:

– Ты знаешь, разговор начался довольно мирно. Я просто за ужином, как обычно, спросила у мужа, когда же он, наконец, выйдет на работу. Ну, может быть, добавила еще, что Даша уже совсем взрослая стала, и ей ежедневно больше денег требуется, а кое-какие его расходы могут и подождать, как то португальский портвейн с фуа-гра, например. Ну, разве что, для большей убедительности, привела ему в пример твоего мужа. А он, представляешь себе, вдруг как стукнет пустой пивной кружкой по столу! Глаза кровью налились. Потом

помолчал, видно, взял себя в руки все-таки, и задает мне совершенно не относящийся к теме вопрос: «А зачем люди вообще работают, как ты думаешь, Наденька?». И голос такой елеинный стал.

– Ну а ты что? – покачивая головой, с пониманием спросила подруга.

– Ну а что тут говорить? Все же ясно. Бессмысленный разговор какой-то. Я ему ответила, естественно, что работают для того, чтобы деньги зарабатывать.

– Ну, это само собой. А он что?

– Так вот оказывается, что это не само собой. Он потом опять спросил: «А что, если денег хватает?»

– То есть как это «хватает»? – поинтересовалась подруга в явном недоумении.

– Не знаю, как. Ну, может, вот так, как у нас раньше было, наверное... – замялась Наденька и продолжила: – А я ему говорю: «Но у нас-то с тобой не хватает!»

А он мне свой вопрос повторяет: «А что если все же хватает? Ты можешь себе такое представить хотя бы гипотетически? В этом случае, зачем работают?» Ну, в общем, дальше он, не дожидаясь моего ответа, сказал, кажется, что-то на тему, что работают для самовыражения или для того, чтобы получить новый жизненный опыт или для куража еще.

Во взгляде своей подруги Наденька прочла сочувствие, словно речь шла о душевном недуге одного из членов ее семьи, и потому, чтобы как-то сгладить про-

изведенный слишком тяжелый эффект, Наденька добавила:

– Он, вообще-то, не одну кружку пива выпил перед этим.

– А он что, еще пьет у тебя? – развела руками подруга.

– Не то чтобы... – в смущении замялась Наденька. Ей было снова стыдно за мужа.

– Ну, это ладно, а дальше что?

– Дальше самое неприятное. Дальше я опять напомнила, что у нас-то как раз не хватает денег. И тут он ответил, что ему-то всего хватает! Представляешь себе?!

– Представляю, – вздохнула подруга, – тебе не хватает, а ему, видите ли, всего хватает! Хорош гусь, нечего сказать! Да, Надь, тебе не позавидуешь.

– Это уж точно. Он, в общем, меня на работу выгоняет теперь. А не хочешь, так, говорит, поубавь свои аппетиты. И раздражительный такой все время ходит. Ничего ему не скажи уже.

– Да ты что?! Совсем он, что ли, уже с катушек съехал?! Правильно тебе Ирка Сдобнова говорила, не повезло тебе с твоим старикашкой. Да он счастлив должен быть, что ему такая красота и молодость досталась! Он должен в поте лица до конца своих дней трудиться, отрабатывать должен! Сам пускай свои аппетиты убавляет. Зачем он вообще такой нужен тогда? Тебе просто надо кого-нибудь другого себе подыскать... – негодовала подруга Нади.

– У тебя кто на примете есть? – осторожно поинтересовалась Надя. Вообще-то она и не собиралась ничего такого спрашивать, но эта фраза вырвалась у нее как-то сама собой, помимо ее воли.

– Ну, чтоб вот так прямо сразу, наверное, нет. Но если пораскинуть мозгами, то тут ведь знаешь, как... – туманно обрисовала ситуацию подруга. Былой напор ее почему-то тут же испарился, и она замолчала.

– Нет, что ты, я совсем не имела в виду ничего такого! – спохватилась Надя и густо покраснела.

– Ничего, ничего, подыщем тебе кавалера попривличнее...

Тут зазвонил телефон. Надя повела головой и с сарказмом фыркнула: «Мой ненаглядный забеспокоился!». Рука ее потянулась к телефону.

– Не спеши, – опередила ее подруга.

Надя вопросительно на нее посмотрела.

– Пусть подождет. Мы с тобой разговариваем. Ты сейчас занята. У тебя же могут быть свои дела?

– Точно, – ответила Надя, которой определенно пришлось по душе эта мысль.

Вскоре телефон умолк, а потом оповестил об СМС-сообщении. Наденька быстро прочитала текст.

– Чего ему надо? – спросила подруга.

– Его друзья на ужин приглашают завтра.

– Что за люди?

– Такие же «дембели», как и мой. Ему еще во всем подпевают, – безразлично махнула рукой Надя.

– Напиши, что не можешь, что занята.

– Занята? – подняла глаза Наденька. В ее взгляде отразилось легкое сомнение.

– Ну да, занята. А что здесь такого? Может, ты на маникюр записана на это время? Да и вообще, лучше с тобой в кафе посидим. А ему лишний раз покажешь, кто в доме хозяин. Это тут главное, понимаешь? Ему это полезно будет.

Наденьке так и сделала. Этот совет подруги Наде тоже понравился, и она взяла его на вооружение. Но с тех пор количество и без того нечастых приглашений друзей Виктора Владимировича резко пошло на убыль.

Вскоре подруги расстались, а из всего разговора Наденьке отчетливо запомнилась фраза, оброненная Ириной: «Зачем он вообще такой нужен».

И вот помимо воли Наденьку стали посещать мысли на эту тему.

«В самом деле, – размышляла она, – я ведь еще довольно молода и неотразима. И вполне понятно, что мне полагается жизнь другая, нежели та, которую я вынуждена теперь вести.»

Но вот ее муж, по всей видимости, не собирался более обеспечивать ее и Дашины потребности. И никакие уговоры на него не действовали. Уйти от него? Но сама эта мысль Наденьке была непривычна и даже неприятна. Она продолжала оставаться в уверенно-

сти, что любит своего Витю. А, кроме того, куда ей было уходить? Или к кому? И на что жить? Несмотря на всю свою любовь к Вите, Наденька, как и многие люди, бывало, задавалась подобными вопросами. И ответы на них были довольно неутешительны. Квартира находилась в собственности мужа. Ни она, ни Даша не работали. И на горизонте, несмотря на всю предполагаемую Надину красоту, совсем никто не появлялся. Все это, как и ее подругам, казалось Наденьке очень несправедливым.

Но делать было нечего, и вскоре, после очередного семейного скандала, она вышла на работу. Лучшим из того, что Надя смогла найти, оказалась должность дежурной в приемном отделении поликлиники пластической хирургии, куда нужно было ходить минимум два раза в неделю и торчать там по двенадцать часов кряду за сущие копейки.

Но трагедией для Наденьки являлось совсем не то, что работа была неинтересная, бесперспективная и мало оплачиваемая – она, между прочим, ездила туда на своем желтеньком «Мерседесе», и весь ее годовой заработок с трудом покрывал стоимость обслуживания автомобиля. В конце концов, Наденька, как и подавляющее большинство людей, никогда не занималась чем-то увлекательным. Но сам факт выхода на работу означал собой крушение ее жизненных надежд. Это был некий символ постигшей ее жизненной неудачи. То, от чего она бежала вчера, сегодня ее настигло.

Тем не менее Наденька хорошо держалась. Была всегда мила на людях и старалась, как и прежде, одаривать окружающих своей лучезарной улыбкой. С годами она не прибавила в весе ни килограмма и почти не потеряла своей природной подвижности.

Только в душе ее было мрачно и пусто. Она стала чаще, чем прежде, посещать церковь. Там запах ладана и тихие звуки потрескивающих свечей словно обволакивали ее, отвлекая от неразрешимых мирских проблем, спокойствие и легкость постепенно нисходили на ее голову. Наденька не была знакома со священным писанием, да и никогда им не интересовалась. В церкви она всегда беседовала с богом напрямую, и ей, как она полагала, не нужны были никакие дополнительные толкования вечных вопросов бытия. Но стоило Наденьке оказаться на одной из центральных улиц, где отовсюду – с дорогих витрин магазинов, из окон престижных ресторанов и шикарных лимузинов – выпирал и словно резал по живому недостаток других, смирение вновь покидало ее душу, и его место быстро заполняло чувство обиды на жизнь, которая так необъяснимо жестоко и несправедливо обходилась с ней. Разве она хуже других? Ей было непонятно, почему ее новым подругам, которые были ничем не симпатичнее ее, достались хорошо зарабатывающие мужья? А она должна была теперь ходить на работу и довольствоваться малым? За что на нее свалилось такое наказание? Она ведь никому никогда

не желала плохого и просила себе у Всевышнего лишь положенное. Разве могла такая несправедливость длиться вечно? Наверное, должен был быть из всего этого какой-то выход, который позволил бы ей снова не работать, ходить в кафе с подругами и ездить отдыхать на престижные пляжи за границу. Находясь в церкви, Наденька прилежно просила у Господа указать ей путь, но тот не давал прямого ответа, а лишь посылал кратковременное успокоение, которое было сродни смирению. Однако мириться с тем, что есть, Надя не собиралась. И если выход из создавшейся ситуации был ей все еще не ясен, то вот с причинами своих жизненных потрясений Наденька довольно хорошо разобралась. Это был Виктор. Ему она была обязана своей незадавшейся жизнью. Он обманул ее много лет назад. А она простодушно отдала ему свою бесценную молодость.

Вскоре Наденька, тщательно подготовившись, предприняла еще одну попытку заставить мужа найти работу. Как-то вечером, за чаем, она радостно сообщила Виктору:

– Петр Семенович, добрый и успешный человек, откликнулся, наконец-то, на нашу просьбу и готов с тобой встретиться. Тебе надо всего-то позвонить ему в приемную. Вот телефон.

При этом на словах «наша просьба» Наденька сделала ударение, хотя Виктор и не подозревал, что он о

чем-то кого-то просил, что сразу же привело его состояние раздражения.

«И что она лезет, куда не следует?» – мелькнуло у него в голове.

– Кто это такой Петр Семенович? Муж твоей знакомой Ирины, что ли? – нарочито пренебрежительно произнес Виктор.

– Сколько раз тебе говорить: Ирина моя подруга, а не просто знакомая. И она делает нам большое одолжение тем, что уговорила мужа взять тебя на работу.

– Одолжение? – переспросил Виктор.

– Да, одолжение. Она же знает, в каком положении мы оказались.

– А что это за работа, она не уточнила? – поморщился уязвленный муж.

– Какая разница? Под лежащий камень вода не течет. Все, что от тебя требуется, это просто позвонить ему завтра по телефону. Все лучше, чем сидеть дома.

«Ну, это кому как», – подумал Виктор, но по обыкновению последних лет промолчал. Потом он вспомнил, как он лет десять назад случайно встретил подругу Нади и ее мужа то ли в магазине, то ли в ресторане. Сейчас Виктор даже не мог толком представить себе его внешность, видимо, как и Петр – его. Для Виктора было вполне очевидно, что ничего интересного Петр Семенович ему предлагать не станет. Прямым подтверждением этого было то, что ему следовало звонить не на мобильный номер, а в приемную. Но объяс-

нить все это Наденьке было невозможно. И, глядя в ее наполняющиеся слезами глаза, он решил, что проще уступить, чем объяснить, почему этого не надо делать.

На следующее утро под строгим взглядом жены он послушно набрал указанный номер телефона. В приемной какая-то барышня ледяным тоном сообщила, что ему следует обратиться в отдел кадров, по такому-то номеру. В отделе кадров Виктору сообщили, что его ожидают на собеседование на будущей неделе.

На собеседовании дама средних лет с удивлением ознакомилась с его резюме, из которого следовало, что таких, как она, Виктор Владимирович на протяжении долгих лет легко снимал и назначал одним росчерком пера. Минут двадцать она мучила его бессмысленными профессиональными вопросами, в которых сама ничего не понимала, а потом торжественно сообщила, что его готовы принять на смехотворную должность эксперта второй или еще какой-то там категории, с зарплатой, отличавшейся чуть ли не на порядок от той, которую Виктор Владимирович получал на последнем месте своей работы. Он в задумчивости встал и, слегка кивнув головой, молча вышел.

«Хамство какое! Ему помогают, а он...!» – услышал он вслед.

Виктор Владимирович шел по надраенным коридорам учреждения. Вокруг него озабоченно сновали энергичные молодые клерки. В сосредоточенных взглядах многих из них таились ожидания будущих собствен-

ных свершений. «Надежды юношей питают», – мелькнуло в памяти бывшего руководителя, и его строго поджатые губы невольно сложились в ироничную улыбку. Все это было Виктору Владимировичу хорошо знакомо. Когда-то это была его жизнь, и она ему нравилась, но теперь все это осталось далеко позади. Виктор Владимирович заметил, что некоторые молодые служащие с любопытством поглядывали на него – пожилого человека в кепке, непонятно что забывшего в мире молодых. Их руководство находилось на других этажах.

«Нет, попытаться окунуться в эту среду еще раз было бы нелепо», – подумал Виктор Владимирович.

И даже если бы некий добрый волшебник предложил ему скинуть годков так тридцать-сорок, то он без сожалений отказался бы от такой чести. Столь желанная для многих перспектива снова стать молодым отнюдь не казалась ему заманчивой. Более того, Виктор Владимирович не видел в этом никакого смысла. Для него, человека, знакомого с древнегреческой философией, именно конечность любого приятного процесса обуславливала саму его привлекательность. В то время как бесконечность, дай ей волю, неумолимо свела бы все самые прекрасные проявления жизни к нудному однообразию, в котором растворилось бы без остатка любое удовольствие. Нет, путь Виктора Владимировича был пройден, и слава богу. К счастью, в целом он был доволен своей жизнью, и ему совершенно не хоте-

лось бесцельно портить годы ее заката. Они и без того оставляли желать лучшего.

Он вышел из учреждения на улицу, и лицо его осветило веселое мартовское солнце. Морщины раздумий, вновь было набежавшие на его лоб, разгладились. Виктор Владимирович сделал глубокий вдох, словно ныряльщик, всплывший на поверхность после долгого погружения в тяжелые воды океана. Свежий воздух наполнил его легкие. Ему было легко и свободно, как бывает, когда после долгих метаний принимаешь непростое, но окончательное решение. Конечно, чем-то приходилось жертвовать. Но в любом положении можно было найти свои преимущества. В частности, он никому ничем не был обязан. Ему не надо было ни перед кем держать отчет. И пусть его домочадцы придерживались совершенно другой точки зрения. Сейчас они были далеко. Виктор Владимирович, степенно заложив руки за спину, отправился на прогулку в парк. Однако снизошедшая на него благодать была недолгой.

Виктор Владимирович почувствовал в нагрудном кармане неприятную вибрацию, издаваемую мобильным телефоном. Звонила его Наденька.

– Привет лапуля. Хочу напомнить, что тебе надо сегодня купить продукты. Я проснулась, открыла холодильник, а тут хоть шаром покати. И не забудь моющие средства. Уборщица вчера сказала, что они закончились.

– А какие?

– Ну, ты уж там разберись как-нибудь сам.

Последняя фраза почему-то особенно задела Виктора Владимировича, и он даже отважился на робкую попытку бунта.

– А не могла бы Даша купить хотя бы продукты? Или моющие средства?

– Ну, лапуля! Ну, ты что? Опять? – протянула Наденька вредным голоском.

– А что опять?

– Дашеньке надо к контрольной готовиться, вот что. Она учится, между прочим...

– Если бы она еще училась хорошо, я бы понял, – успел вставить Виктор.

– К тому же она все равно не знает, куда идти и что конкретно покупать, – эмоционально выпалила Наденька, но потом чуть смягчилась: – Ладно, давай, не упрямясь. Чмоки...

– Хорошо, сейчас зайду домой, возьму твою машину, – вздохнул муж.

– Нет, лапуль, ты уж лучше на своей.

– Моя сломалась, ты же знаешь.

– Так что же ты ее не чинишь?

– Я же тебе говорил, стоимость ремонта равна стоимости этой колымаги. Ее проще будет продать. Так что я пока на твоей.

– Нет, лапуль. Моя мне самой нужна. Я сейчас по делам как раз еду. Так что ты уж как-нибудь сам там

давай. Ну, чмоки. До вечера, – прощebetала Наденька и разъединилась.

Вечером дома его ждал неприятный разговор. Он было попытался отмолчаться – не вышло. Наденька, словно с ножом к горлу, приступила к нему с расспросами о том, как прошло интервью. Между тем, одно это унижительное для него слово способно было привести его в состояние ярости. Но Виктор Владимирович твердо решил держать свои эмоции при себе.

– Почему же ты не попрощался? Они же могут теперь отказать тебе в месте?

– Мне это место ни к чему.

– То есть как это ни к чему? – с болью в голосе спросила Наденька.

– Как бы тебе это объяснить? – замялся Виктор Владимирович.

– Постарайся уж как-нибудь! – ехидно перебила его жена.

– Видишь ли, это место для молодых людей. Я буду выглядеть на нем смешно, – терпеливо пояснил Виктор.

– Ничего, начнешь с малого, а потом...

– А что потом? Суп с котом? Ничего, кроме ежедневного раздражения, потом не будет...

– Это все гордыня в тебе говорит, а нам жить на что-то надо! – в отчаянии повысила голос Наденька.

– Служить бы рад, прислуживаться тошно, – театрально вскинув голову, процитировал Виктор Владимирович русскую классику. Временами он был склонен к патетике.

– Что, что? Вот ты как заговорил! – нахмурила лоб его жена.

– А вот что. Во-первых, надо различать гордыню и достоинство. А во-вторых, жить нам есть на что, если, конечно, поубавить твои с Дашей аппетиты. Так что еще неизвестно, кому за гордыней надо последить.

– Что-то я совсем перестала понимать тебя последнее время. Что ты имеешь в виду конкретно?

– Продай свой мерседес, к примеру, и деньги появятся.

– Что! Ах, вот ты как? Ну, это уже ни в какие ворота не лезет!

Наденька со слезами на глазах выскочила из-за стола и закрылась у себя в комнате. Ей было очень обидно, и она не очень представляла себе, как быть дальше. Ее мир был растоптан.

Виктор же по обыкновению налил себе рюмочку порто и мрачно принялся смотреть в окно. Его взору открывался малоинтересный вид неприятельного городского квартала. Было как всегда тихо. Вечерело. На небе собирались тучи. Постепенно раздражение от разговора с Наденькой сменилось осознанием того, что он не может найти ни понимания, ни сострадания в собственном доме. Ведь ему

было совсем не просто! Черт его знает, сколько ему было еще отмерено на этом свете! А если десять или даже двадцать лет такого существования! Он действительно был бы рад отдать это время и свои силы на служение.

«Но служить можно чему-то высокому и большому, – размышлял Виктор Владимирович. – Например, искусству, родине или, хотя бы, спорту.» Была ли его вина в том, что Господь лишил его такой возможности? Допустим... Но что с того? И пусть по-настоящему увлеченных до старости каким-либо интересным делом людей встречалось совсем немного, это служило слабым утешением для Виктора Владимировича. Ощущение собственной ненужности и одиночества нахлынуло на него тяжелой волной. Вот, значит, к чему он пришел, что заслужил.

У него возникла потребность поговорить с кем-нибудь по душам. Виктор Владимирович с досадой бросил взгляд на предательски молчавшую дни напролет трубку телефона. А ведь еще каких-нибудь десять лет назад, когда он находился «в обойме», был востребован, его даже раздражали слишком частые звонки. Как быстро все меняется! Теперь его раздражало бесконечное молчание этой пластмассовой штуки. Он все же набрал номер своего хорошего приятеля – большинство из них, кстати, сами собой куда-то испарились в последние годы, – но тот, вместо дружеского приветствия, лишь скороговоркой ответил ему, что очень занят

на работе и перезвонит позже, а лучше всего, завтра или как-нибудь на днях. Виктор Владимирович мрачно положил трубку и посмотрел на плотно закрытую дверь, за которой скрылась Надежда. Он тяжело поднялся и попробовал повернуть ручку. Дверь, отделяющая его от жены, оказалась заперта, и теперь из-за нее не доносилось ни звука. Дочь Наденьки, Даша, где-то веселилась с друзьями. А если бы она и оказалась дома в этот момент, то это вряд ли изменило ситуацию к лучшему. Скорее всего, наоборот. Ведь с некоторых пор Даша стала очень раздражительна в отношении Виктора Владимировича. По любому, даже самому пустяшному поводу она взяла неприятную манеру перечить своему кормильцу. А когда очевидных причин не находилось, она ограничивалась неодобрительными взглядами в его сторону.

Во всей квартире стояла полная тишина и темень. Но зажигать свет Виктору Владимировичу почему-то не хотелось. Он покачал головой, налил себе виски и снова мрачно уставился в окно. «Не нужен, не нужен, не нужен...» – гудел чей-то голос в его сознании. Потом ему пришли на ум слова Достоевского, вложенные в уста одного из его героев, Мармеладова: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти, ведь надобно ж, чтобы у всякого человека было такое место, где бы его пожалели»⁴. Нет, так жить дальше Виктор Владими-

---

⁴ Достоевский Ф. М., «Преступление и наказание».

рович не хотел! Но делать было нечего, и он просто отправился спать.

Вскоре произошло еще одно, на первый взгляд незначительное, событие, которое, однако, по мнению некоторых, возымело свои последствия. Случилось так, что Виктор по телефону советовался со своим знакомым банкиром на тему, как лучше сохранить остатки своих накоплений. Заметим, что слух Виктора давно потерял былую остроту. И потому разговаривал он несколько громче, чем требовалось для сохранения конфиденциальности этой беседы. В этой связи Наденьке без труда удалось ознакомиться с размером их семейных накоплений, и, что интересно, они не показались ей столь уж ничтожными. Более того, по ее незатейливым расчетам, при правильном подходе на покрытие их расходов этих средств должно было, скорее всего, хватать. Особенно, если при этом еще больше поубавить потребности ее мужа. В своих калькуляциях Наденька, конечно же, не учитывала инфляцию. Равно как не учитывала она многие расходы, которые совершал за нее Виктор. Однако подслушанный разговор лишь подтвердил ее давнее убеждение, что ее муж просто скуп и, по всей видимости, ее совершенно разлюбил. А если так, то чего следовало от него ждать дальше?

Но коварная судьба припасла для Наденьки кое-что еще. Необычно холодным августовским вечером она зашла в кафе выпить чашку кофе со своей подругой.

– Ты знаешь, я тут твоего видеала, – затрещала Ирина, не успели они сесть за столик.

– Где же? – простодушно удивилась ничего не подозревающая о надвигающейся грозе Наденька.

– Да проезжала мимо парка тут недавно, позавчера, что ли. Остановилась на светофоре и вижу: прямо передо мной по переходу твой идет. Только ты не волнуйся, Надя, но вижу, идет он не один, а под ручку с какой-то мадам и воркует себе, и воркует. И сам вальяжный весь. Свободной рукой широкие движения такие делает, куда-то вдаль показывает.

– С какой еще мадам? – на щеках у Наденьки выступил легкий румянец – предвестник большой бури.

– А я знаю? Немного потрепанная, конечно, и в возрасте. Ему другую откуда взять-то? Но, знаешь, если ей собой подзаняться, пройти курс омоложения там, подтяжки сделать, какие полагается, ну, на швейцарские курорты пару раз заглянуть, то из нее кое-что могло бы еще получиться, для своих лет, конечно.

Чувствительная Наденька от волнения потеряла дар речи и густо покраснела. На этот раз она даже пропустила мимо ушей обидные упоминания недоступных для нее курсов омоложения и дорогих швейцарских курортов, на которые обычно не скупилась в

своей речи ее подруга. Но, видя замешательство Нади, Ирина смягчилась:

– Ну, ты так уж не переживай. С тобой она, конечно же, сравниться ни по каким параметрам не может. Я вообще, откровенно говоря, не могу понять, что он в ней нашел. Может, это он потому, что ты его уму-разуму учишь, работу искать заставляешь? В отместку, так сказать? У тебя есть предположения, кто это может быть?

Наденька молча покачала головой.

– Это, конечно, не очень хорошо. Совсем от рук отбился! Мало ли, что в его старую дурную голову придет! Тем более, что, как ты говоришь, квартира на него записана, а от его сбережений копеечных ты, если что, больше половины получить не сможешь, да и то еще поди докажи, что они все при совместной жизни нажиты были. Так что урезонить тебе его, конечно, в любом случае нужно. А то хорош гусь, без денег, а туда же! Шаловливый старикашка какой тебе попался, ты только посмотри! Эх, не повезло тебе, Надежда, с мужем, не повезло! И зачем он тебе такой сдался, ума не приложу? – сочувственно глядя на подругу, в который раз завершила свою речь Ирина. После чего с чувством выполненного долга непринужденно выпорхнула из-за стола и, сославшись на неотложные дела, которых у нее от роду не бывало, унеслась прочь. Ирина не проработала ни дня в своей жизни, а единственная ее дочь давно училась за границей.

Оставшись одна, Надя заказала себе кофе, закурила тонкую длинную сигарету, чего практически никогда не делала, и с полчаса мрачно смотрела прямо перед собой. Потом, придя к каким-то одной ей известным умозаключениям, она расплатилась и двинулась в сторону дома. С мужем она в тот вечер ничего обсуждать не стала.

На следующий день выглянуло солнце, погода наладилась, и они всей семьей отправились на опустыленную Наденьке дачу, которая когда-то принадлежала родителям Виктора, а теперь перешла по наследству ему и его сестре в равных долях. На даче этой не было элементарных удобств, о чем Наденька даже стыдилась упоминать своим подругам. Стоило ли говорить о том, что Виктор своим наследством ничуть не тяготился и, если бы не протесты жены, то с удовольствием проводил бы на своем участке гораздо больше времени. Наденька же долгие годы надеялась, что ее муж скоро приобретет что-нибудь приличнее, куда можно будет, не стесняясь, пригласить гостей, но этим надеждам, как она теперь с горечью понимала, похоже, не суждено было сбыться. И с этим со всем, конечно же, надо было что-то делать.

По приезду, пока женщины возились с салатами и закусками, Виктор Владимирович и муж сестры с энтузиазмом начали готовить шашлык на прилегающем к дому участке. Полдень выдался знойный, и запах

маринадов привлек большое количество свирепых ос, нешуточно расплодившихся в то лето. Одно из этих недобрых насекомых коварно ужалило Виктора Владимировича в шею, а другое в щеку. Виктор Владимирович, страдающий тяжелой непереносимостью осинового яда, с криками «Наденька, доставай скорее шприц!», немедля устремился в дом к заветной аптечке. Анафилактический шок с ним уже как-то случался в прошлом, и тогда его чуть живого вызволила с того света чудом подоспевшая бригада скорой помощи. С тех пор Виктор Владимирович обзавелся шприцем, заряженным кортикостероидным содержимым, и всегда предусмотрительно брал его с собой на природу. Вернее будет сказать, что это Наденька брала заветный шприц, так как именно она, по установившемуся в их доме порядку, всегда собирала все их вещи в дорогу. Первое время после того неприятного случая благоразумный Виктор Владимирович всегда лично проверял наличие шприца в их совместной походной аптечке, которая содержала помимо антигистаминных препаратов много других лекарств. Но осы давно не нападали на него, а шприц всегда оказывался на месте, в результате чего былая бдительность его постепенно ослабела, и он счел возможным целиком довериться своей некогда заботливой Наденьке. И, как выяснилось, совершенно напрасно. Ибо на этот раз его жена по неизвестным никому причинам забыла положить заветный шприц в аптечку.

Агония Виктора Владимировича была мучительной, но недолгой. Со слов очевидцев, все завершилось в течение нескольких минут. И если бы кто-нибудь прежде спросил Виктора Владимировича, хотел бы он себе такой смерти, то, зная его, можно было бы с большой долей уверенности допустить, что он, находясь в здравом рассудке, предпочел бы себе именно такую кончину, прежде всего, ввиду ее скоротечности. Вот и муж его сестры вспоминал впоследствии, что совсем незадолго до этого Виктор Владимирович в минуту откровенности говорил ему о том, что желал бы отправиться в мир иной так же, как его старший брат. Тот, как-то собираясь на работу, нагнулся завязать шнурок. Да так и не разогнулся больше никогда. Попавший в сердце тромб мгновенно и практически безболезненно решил дело многолетней давности. Такая быстрая смерть в понимании Виктора Владимировича являлась ничем иным, как божьей благодатью. Конечно, смерть самого Виктора Владимировича все же была не столь безболезненна и стремительна. Но можно ли требовать чрезмерного от Всевышнего? К тому же, Виктор Владимирович никогда не был перфекционистом. И даже со слов Наденьки, которая якобы и поныне во время молитвы в церкви иногда слышит голос своего почившего мужа, Виктор Владимирович сообщил ей недавно, что в целом он остался доволен своим уделом, включая его завершающий акт, равно как и своевременность последнего. Ведь от отведенной ему под занавес новой роли Виктор

Владимирович, мягко говоря, не испытывал большого энтузиазма.

Эпилог

Несмотря на последовавшее после смерти мужа сокращение семейных расходов – мертвые, как известно, денег не просят, – жизнь Наденьки с материальной точки зрения мало изменилась к лучшему. Тому было несколько причин. В частности, дочь Виктора Владимировича неожиданно предъявила претензии на квартиру своего отца. Непрактичной Наденьке возможность подобного развития событий почему-то никогда не приходила в голову. Изнурительная тяжба никак не может завершиться и по сей день. К тому же, самих накоплений Виктора Владимировича хватило совсем ненадолго, и по истечении нескольких радостных лет полного безделья Наденька снова была вынуждена выйти на ненавистную работу. Возможно, из-за этого обида на почившего мужа никак не отпускает ее. Но Надежда не теряет надежды, и потому, кто знает, может быть, уже совсем скоро она вновь обретет свое счастье и сможет забыть о былых обидах. Хотя некоторые считают, что последовательность событий непременно должна быть обратной.

Что до ее подруг, то все они все так же дружны и часто проводят время за долгими разговорами в модных кафе. Иногда, после получки, к ним присоединя-

ется Наденька. Тем для обсуждения довольно много. Это и модные бренды, и последние события из жизни мировых знаменитостей – всего не перечислишь! Наденька по-прежнему завидует своим подругам, хотя и не так мучительно, как прежде, ибо с некоторых пор она стала замечать, что их жизнь совсем не так безоблачна, как они ее представляют другим. Что, в общем-то, довольно свойственно многим людям. На эту тему есть даже старая поговорка: «В каждом доме по кому», – которую Надя почему-то особенно полюбила в последние годы. Но все это уже не относится к нашему повествованию.

Июль 2013

Аферистка

Как-то раз ноябрьским промозглым пасмурным днем ввиду ряда не самых приятных обстоятельств, не имеющих отношения к данному повествованию, я отправился дневным поездом из Москвы в Санкт-Петербург. Читать мне не хотелось совершенно, выпивать тоже. Ко всему прочему вечером того же дня меня ожидали довольно важные переговоры, отчего я был несколько взволнован и никак не мог найти себе места: беспокойно ерзал в своем кресле и время от времени, намереваясь дописать один документ, открывал свой компьютер, но всякий раз тут же захлопывал его, так и не притронувшись к клавиатуре.

Моим попутчиком оказался лысоватый человек средних лет, с виду, спокойного нрава. После того, как мы представились друг другу – его звали Анатолий Сергеевич, – он, вежливо поинтересовавшись, не буду

ли я возражать, включил телевизор, по которому передавали сводку новостей. Музыкальное сопровождение программы носило, как обычно, тревожный оттенок, а транслируемые события были все как на подбор угнетающего действия. В какой-то момент на голубом экране показалось холеное лицо некоего жулика, который, если верить комментариям диктора, недавно своровал кругленькую сумму, но не сумел уйти от карающей руки правосудия. Диктор также сообщил, что человек этот является рецидивистом и что это уже не первое мошенничество на его счету. Глядя на экран, я недовольно отпустил уничижительную ремарку: «И почему их жизнь ничему не учит!» – а потом еще что-то в этом роде. И хотя я ни к кому не обращался, мой попутчик, которому тоже очевидно нечем было себя занять, воспринял брошенные мною слова как приглашение к разговору, повернул ко мне голову и непринужденно завязал беседу.

В течение этого неспешного разговора выяснилось некоторое различие наших взглядов. В частности, я утверждал, что главным образом на преступление людей толкают внешние обстоятельства, такие как нищета, дурное воспитание, плохая компания, безвыходное положение и тому подобное. И стоит лишь изменить эти обстоятельства, как, глядишь, и преступник станет вновь нормальным человеком. В частности, мне представлялось, что в большинстве случаев главной причиной преступлений является нужда.

Мой же попутчик настаивал, что поведение человека в первую очередь определяется его внутренним содержанием, некоторой природной склонностью, которая и задает линию его поведения, подчиняя себе волю и направляя разум в услужение этой внутренней потребности. При этом он говорил не о тех уличных хулиганах и разнузданных бандитах, чей рассудок в силу своей ограниченности, как считают некоторые, просто не в состоянии просчитывать последствия своих же собственных пагубных действий на несколько шагов вперед. Отчего они, руководствуясь сиюминутными эмоциями, такими, например, как ярость, жадность или ревность, раз за разом наносят непоправимый ущерб окружающим и себе – ведь рано или поздно их вновь и вновь отправляют на нары. Нет, Анатолий Сергеевич говорил о расчетливых мошенниках, обуреваемых страстью к своему преступному призванию, чей изворотливый ум был поставлен ему же на службу.

Ввиду того, что я продолжал выражать сомнения, мой попутчик предложил мне не теоретизировать, а обратиться к конкретным примерам и послушать одну историю, которая должна была доказать его правоту. Вот, что он мне рассказал.

«В то время я работал в одном столичном банке средней величины в должности начальника отде-

ла, отвечающего за кредитование. Мне было чуть за тридцать. Это была моя первая руководящая должность, на которую я был назначен за несколько месяцев до этого. Опыта у меня было еще маловато, зато энтузиазма хоть отбавляй.

Как-то раз перед самым обеденным перерывом мне совершенно неожиданно позвонили из приемной самого Председателя нашего банка.

– С вами будет говорить Игорь Игнатьевич, – высокомерно отчеканила секретарша, и в трубке воцарилась торжественная тишина.

Я заволновался, да так сильно, что даже забыл про обед, чего обычно со мной никогда не случается. Какова могла быть причина звонка Председателя? Зачем я ему понадобился? Должно быть, что-то очень важное, раз сам Председатель мне звонит напрямую! Такое, конечно, с одной стороны, всегда означает возможность отличиться. Если справлюсь с поставленной задачей, конечно. А если нет? Говорили, что Председатель порой предпочитал получать требующуюся ему информацию напрямую у сотрудников, минуя своих заместителей. И если кто сплеховал, не смог сразу же сообразить, что требуется, тут уж пиши пропало. Конец карьеры! И потому я с трепетом ждал, прижав до боли трубку к уху.

Наконец, в трубке что-то щелкнуло, и зазвучал покровительственный бас высокого руководителя.

– Толь, привет, – обратился он ко мне по-отечески, хотя до этого мне доводилось говорить с Председателем лишь однажды.

– Здравствуйте, Игорь Игнатьевич! – я даже привстал со своего кресла.

– Слушай, тут тебе одна дама должна позвонить. Лариса Ивановна. На меня ссылаться будет. Так вот, ты ее не обижай. Встреть, как полагается, веди с ней переговоры, сколько потребуется, но знай, что сделок с ней никаких проводить мы не будем. Она об этом, конечно, не должна догадываться.

– Все понял! Сделаю! – с готовностью отрапортовал я.

– Ну, давай, Толь, – и в трубке послышались короткие гудки.

Не прошло и часа, как мой телефон снова зазвонил. Я снял трубку и услышал очень приятный женский голос:

– Анатолий Сергеевич?

– Да, это я.

– Меня зовут Лариса. Анатолий Сергеевич, мне рекомендовали к вам обратиться по некоторым вопросам организации финансирования.

– Если я не ошибаюсь, ваше отчество Ивановна? – уточнил я на всякий случай.

– Вы совершенно правы, но отчество ни к чему. Обращайтесь просто «Лариса».

– Тогда и вы ко мне обращайтесь «Анатолий». Так какой у вас вопрос?

– Ах, спасибо Анатолий. Но, знаете ли, дело несколько запутанное, и я была бы признательна, если бы вы уделите мне немного времени не по телефону. Я бы хотела обсудить все при личной встрече.

– Конечно, Лариса. Если, скажем, завтра часов в одиннадцать?

– Чудесно! Как это мило в вашей стороны! Завтра в одиннадцать непременно буду у вас! До свидания, – и она после небольшой паузы, которая дала мне возможность вставить свое «до завтра», повесила трубку. Интонация ее речи располагала к дальнейшей беседе и даже предполагала нечто большее, чем простое обсуждение дел. И хотя мне уже приходилось встречать обладательниц ангельских голосов, внешность которых при личной встрече оказывалась отнюдь не самой привлекательной, я, помимо воли, стал с интересом ожидать визита Ларисы Ивановны.

На следующий день ровно в одиннадцать в дверь моего кабинета негромко постучали. Я по обыкновению крикнул: «Войдите!». Дверь медленно отворилась, и после небольшой паузы в комнату грациозно, но в то же время как будто немного стесняясь чего-то, вплыла Лариса Ивановна. На ней была не то из шиншиллы, не то из еще чего-то дорогого – в мехах я никогда не разбирался, – впечатляющая шуба до пола и узкие черные блестящие сапожки на высоких каблуках. Роста она была небольшого, но горделивой осанки. Ее светлые с золотистым отливом волосы

были уложены столь безукоризненно, что казалось, она минуту назад встала из кресла парикмахера. Лариса Ивановна была очень миловидна, и на первый взгляд я не дал бы ей больше сорока лет.

– Анатолий Сергеевич? – произнесла она.

– Вы Лариса Ивановна?

Она кивнула в ответ и с интересом окинула взором мою скромную обитель, площадью не более пятнадцати квадратных метров и, в довершение, весьма убого обставленную. «Прекрасная дама в таком неподобающем месте! Диссонанс какой-то!» – мелькнула неприятная мысль в моем сознании.

– Можно просто «Анатолий». Мы же так, кажется, договорились по телефону? – с этими словами я ретиво поднялся со своего кресла и засуетился, помогая ей снять шубу.

Лариса Ивановна же быстро освоилась и по моему приглашению втиснулась, благо она оказалась хрупкого телосложения, за малюсенький столик для совещаний, являющийся продолжением моего письменного стола. Сам я покинул свое рабочее кресло, расположился напротив нее и поинтересовался, не желает ли она чаю или кофе. Лариса Ивановна не возражала, и вскоре мы уже пили чай, ели конфеты и беседовали как старые знакомые.

Эта женщина умела очень быстро расположить к себе. Но что-то в ее внешности мне все же казалось несколько странным, и я не переставал исподволь

разглядывать ее, насколько, конечно, это позволяли правила приличия. И вот, при ближайшем рассмотрении, я пришел к выводу, что ей должно было быть хорошо за пятьдесят. Ее руки и шею покрывали предательские морщины. Тем не менее, я чувствовал себя в плену ее обаяния. Мы поговорили о том, кто и как проводит отпуск, о хобби и увлечениях – Лариса Ивановна оказалась исключительно разносторонней натурой. Зимой она, конечно же, проводила на лучших горнолыжных курортах мира. Слава богу, мне посчастливилось за год до того остановиться рядом с одним из этих мест, отчего я был в состоянии хоть как-то поддержать тему разговора. Летом и в межсезонье она увлекалась конным спортом. Судя по ее описаниям, она была не замужем. Помимо всего прочего Лариса Ивановна, не вдаваясь в детали, упомянула о своей большой финансовой карьере, которая теперь, в силу ряда обстоятельств, была в прошлом. Из последнего я, правда, мало что мог запомнить, уж больно крупными мазками она обрисовывала эту часть своей жизни, а задавать вопросы было неловко. И так мы постепенно перешли к теме нашей встречи.

– Вы знаете, Анатолий, у меня есть некоторые знакомые, очень влиятельные люди. У некоторых из них как раз сейчас имеется потребность в заемных средствах. И мы с вами могли бы помочь им в этом. Поверьте, дело совершенно надежное, – при этих словах она доверительно посмотрела в мои глаза, и мне

даже показалось, что она для пущей убедительности вот-вот возьмет меня за руку. Далее она упомянула несколько, как теперь говорят, «мутных» проектов, каждый из которых требовал значительных денежных вложений, сравнимых по размерам с годовым бюджетом российского города средней величины. Роль кредитора, естественно, отводилась нашему банку. При этом предлагаемая схема выдачи денег была до предела запутана, а погашение кредитов казалось проблематичным.

– Давайте посмотрим документы, – преодолевая непонятно откуда взявшуюся неловкость, промолвил я, – ознакомление с документами является вполне обычным делом.

– Конечно, конечно, все документы будут представлены в лучшем виде! Даже не сомневайтесь, Анатолий. Я пришлю их вам по электронной почте сегодня же. Но перед этим скажите, с вашей точки зрения, получится ли открыть им финансирование?

В другом случае я бы непременно заявил, что подобного рода заведомо сомнительные операции нам не интересны, но, памятуя о напутствии Председателя, я уклонился от прямого ответа и сообщил, что мои сотрудники будут рады более детально проработать все озвученные предложения, а там посмотрим. На том мы в тот раз и расстались.

Как только за посетительницей закрылась дверь, мне захотелось больше узнать о ней из открытых

источников, и я углубился в интернет. Выяснилось, что происходила Лариса Ивановна из вполне уважаемой и довольно известной семьи московской творческой интеллигенции. В детстве и юности благодаря своим родителям она ни в чем не нуждалась. Видимо, от них она унаследовала творческий подход ко всему, чем бы ей ни приходилось заниматься. Ибо взрослая жизнь Ларисы Ивановны была наполнена свершениями, которые могли быть по плечу лишь самой отъявленной авантюристке и аферистке. Так, во время бурных девяностых она не растерялась и вместе со своим вторым мужем организовала финансовую пирамиду. Пирамида эта, просуществовав несколько лет, судя по всему, обеспечила ее крупным состоянием, после чего рухнула, похоронив под собой чаяния миллионов обманутых вкладчиков. Как ни странно, Лариса Ивановна вышла сухой из воды. За все отдуваться пришлось ее бывшему мужу, который после нескольких лет скитаний по разным странам – именно в этот период она с ним и развелась – был выдан российскому правосудию.

А что же обладательница многомиллионного состояния Лариса Ивановна? «Ей бы самое время успокоится и начать жить себе припеваючи! Еще молода и красива. У нее множество увлечений. Что еще надо?» – думал я тогда, читая ее увлекательную биографию. Но, видимо, именно из-за того, что я думал именно так, я и просидел всю свою жизнь в ма-

леньких кабинетах, роясь в разных бумажках. А неугомонная душа Ларисы Ивановны снова рвалась в неведомые дали. И по истечении нескольких лет после краха организованной при ее активном участии финансовой пирамиды Лариса Ивановна решила попробовать себя в традиционном банковском деле и вскоре каким-то образом умудрилась возглавить банк средней величины. Под ее умелым руководством этот несчастный банк протянул еще пару лет, после чего обанкротился. В результате чего Лариса Ивановна, надо полагать, еще более укрепила свои финансовые позиции. Однако ж на этот раз судьба не была к ней столь благосклонна, и она даже несколько месяцев провела за решеткой. Выйдя оттуда, она, от греха подальше, немедленно отправилась за границу. Там она вступила в брачный союз с каким-то титулованным иностранцем, так, по крайней мере, было написано в средствах массовой информации. Что уж там было на самом деле, предположить сложно. В любом случае, брак этот просуществовал совсем недолго и закончился тоже каким-то скандалом. Не имея, судя по всему, возможности должным образом приложить свои усилия на чужбине, Лариса Ивановна заскучала и решила вернуться на родину, где все было ей знакомо и понятно. Тут она некоторое время входила в руководство некоего фонда, название которого было на слуху. Однако незадолго до нашего знакомства осталась не у дел. И теперь

находилась в творческом поиске, пытаюсь выжать что-нибудь для себя полезное из некогда обширных деловых знакомств.

Время шло, Лариса Ивановна несколько раз обсудила самые различные технические вопросы с моими сотрудниками, но в отсутствие видимого прогресса быстро поняла, что ее водят за нос. И в один прекрасный день в мой кабинет снова раздался характерный стук. Отрылась дверь, и на пороге вновь появилась блистательная Лариса Ивановна собственной персоной. Она была невозмутима и, как и в прошлый раз, при полном параде.

Мы, как и в прошлый раз, выпили чаю, поговорили «о том о сем», а потом Лариса Ивановна приступила к делу:

– Анатолий, пока ваши сотрудники рассматривают документы, которые я им предоставила, и обсуждают со мной структуру возможной сделки, я бы хотела попросить вас еще об одном одолжении.

– Я весь к вашим услугам.

– Чудесно. Так вот. Я бы хотела взять кредит сама, ну, то есть, как физическое лицо. Ведь ваш банк занимается такими операциями?

– Да, конечно. А на какую сумму? И на какие цели?

– Цели мне не хотелось бы раскрывать, а что до суммы, то мне требуется несколько миллионов евро. Я готова заложить свой загородный дом, тысяча метров квадратных, и всего-то в пяти километрах от

Москвы, на «Рублевке». Только мне это нужно очень срочно!

При словах «очень срочно» я сразу понял, что в этой сделке кроется какой-то подвох. Тем не менее, я с готовностью перенаправил Ларису Ивановну в соответствующее подразделение, предварительно, предупредив его руководителя о важности клиента.

Вскоре мне перезвонил начальник этого подразделения и сообщил, что ввиду некоторых юридических казусов дом Ларисы Ивановны залогом фактически не подлежал. То есть мы могли бы попытаться осуществить сделку, особенно принимая во внимание ее срочность, но, скорее всего, остались бы и без денег и без дома.

Через какое-то время Лариса Ивановна пригласила меня на деловой обед. Я согласился. Выбор был за приглашающей стороной. Это оказался очень дорогой и очень модный ресторан. В течение всей трапезы – а Лариса Ивановна, как это она не раз упоминала в наших беседах, много не ела, так, чуть-чуть черной икры, омар «Термидор», да бокал «Дом Периньона» – она непрестанно сетовала мне на непонимание, с которыми она сталкивается в нашем банке. Но вот, наконец, поглощенное ею «ристретто» вкупе с рюмочкой какого-то неизвестного мне ликера ознаменовало конец делового обеда, и настало, казалось бы, самое время приглашающей стороне расплатиться. Лариса Ивановна же, похоже, совсем не замечала за-

ботливо положенного перед ней официантом счета. Однако, видя отсутствие инициативы с моей стороны, приоткрыла свою маленькую очаровательную сумочку. Выражение ее лица при этом претерпело плавный переход от неподдельного удивления к великому смущению.

– Боже мой! Я, кажется, забыла кошелек! Что же делать? – скромно пролепетала она.

Я, признаться, был в замешательстве и не знал, что мне ответить. Оплачивать счет, составляющий около четверти моего ежемесячного оклада, совершенно не входило в мои планы. Тогда Лариса Ивановна, пошарив еще немного в своей сумочке, со словами «ну, ничего, эта карта меня всегда выручала в таких случаях», наконец выудила оттуда пластиковую карту.

– Слава богу, а то я бы чувствовала себя очень неловко. Пригласила на обед, а платить не хочу, – приободрилась она, и на лице ее вновь заиграла обворожительная улыбка.

Я тоже обрадовался. Нахлынувшие на меня было сомнения рассеялись, и я весело подыграл ей: – Стоит ли так волноваться? Из-за таких пустяков! У меня, конечно бы, нашлись деньги!

Говоря это, я и не подозревал, что они мне действительно скоро понадобятся. Вернувшийся с картой в руках официант с прискорбным выражением лица сообщил, что карта заблокирована, после чего мне

оставалось только оплатить кругленький счет моей спутницы из собственного кармана.

Мы вышли на улицу. Прощаясь, Лариса Ивановна доверительно прикоснулась к моей руке. Затем она элегантно впорхнула на заднее сидение своего огромного «мерседеса», и след ее простыл. Я же сел за руль своего подержанного «фордика» и отправился на работу.

На некоторое время она исчезла из моей жизни. Но что-то подсказывало мне, что на этом наше знакомство не должно закончиться. Так и получилось. Приблизительно месяц спустя я получил от нее СМС, в котором эта прекрасная дама вопрошала, может ли она обратиться ко мне с необычной просьбой. На что я без раздумий ответил, что, конечно, может, хотя, признаться, не собирался ей ни в чем помогать. Да я и не представлял себе, чем могу быть ей полезен. Никакими чрезвычайными полномочиями в банке по выдаче кредитов я наделен не был, о чем Лариса Ивановна была прекрасно осведомлена. Тогда что же это могло быть? Мне даже стало интересно. Как вы можете догадаться, мое любопытство было тот час же удовлетворено. В следующую минуту я получил необычайно длинное СМС. В нем Лариса Ивановна, ссылаясь на коварство переменчивой судьбы и, как всегда бывает в таких случаях, на совершенно невероятную срочность вопроса – а при прочих обстоятельствах она, конечно же, никогда бы не стала

меня беспокоить, – просила одолжить ей «незначительную» сумму денег, которая, правда, превышала мой ежемесячный оклад. Далее шли заверения, что средства ей нужны всего-то на три дня, ну, максимум одну неделю, а свои обязательства она непременно подтвердит распиской.

Я тогда подумал, что, видно, этой энергичной, богатой, обаятельной и неглупой женщине, аферистке по натуре, привыкшей к авантюрам крупного масштаба, стало совсем нечем занять себя. И теперь ей даже не лень умыкнуть пусть и такие маленькие деньги – по ее меркам, конечно, лишь бы оставаться при деле и не терять форму. А к тому же такие люди твердо знают, что любые деньги не помеха. Все в плюс!

– И что же вы ответили ей? – поинтересовался я у своего попутчика.

– Сейчас уже не помню точно. Кажется, что был бы рад, если бы мне самому кто-нибудь дал денег и, конечно же, не займы.

На том наше знакомство и закончилось. Но я, все же, случайно увидел ее буквально через несколько дней после нашей последней переписки. Лариса Ивановна грациозно выплыла из своего огромного лимузина и направилась в дорогой ресторан. Лицо ее светило довольством и спокойствием. Судя по всему, она совершенно ни в чем не нуждалась.

Повествование моего попутчика закончилось, и он, вероятно, ожидая моих комментариев, вопро-

сительно посмотрел на меня. Я же, в задумчивости, хранил молчание. Тогда Анатолий Сергеевич поинтересовался:

– Что вы теперь скажете? Убедил ли вас данный рассказ в моей правоте: что причины, толкающие людей на преступления, кроются в натуре самих людей?

– Наверное, но лишь до некоторой степени, – отвечал я ему.

– Почему же не полностью? – с неудовольствием осведомился мой попутчик.

– Дело в том, что я тоже хотел бы рассказать вам историю о том, как некий вполне законопослушный и всеми уважаемый человек, никогда не помышлявший ни о чем дурном, пошел на преступление исключительно под воздействием драматически изменившихся внешних обстоятельств.

– Ну что ж, валяйте, – ехидно и с видимым недоверием сказал мой попутчик. Лицо его при этом стало напряженным. Он явно не горел желанием слушать мой рассказ. Вероятно, Анатолий Сергеевич относился к тому типу людей, которым по любому поводу и без всякой для себя пользы требуется убеждать окружающих в своей правоте.

Однако в этот момент объявили, что поезд прибывает в Санкт-Петербург. Мы стали собираться и совсем скоро попрощались, а история, подтверждающая мою правоту, так и осталась не рассказанной.

Идя в одиночестве по перрону, я думал, что правда, если таковая вообще имеет место быть, видимо, присутствует одновременно в той и другой точке зрения. Но человек обычно выбирает какой-то один взгляд на вещи, который ему по душе, а потом отстаивает его.

Январь 2014

Содержание

Один день из жизни миллионера.....	3
Путешествие иностранца.....	39
Dum spiro, spero	56
Демократы	103
Нарушение условия контракта	130
Аферистка	197

Алексей МЕФОДИЕВ

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ МИЛЛИОНЕРА
сборник рассказов

Редактор – М.Свешникова
Верстка – С. Касьянов
дизайн обложки – М.Горшков
изготовление книги – Э. Нажимидинов

Подп. в печать 30.01.2019. Усл. печ. л. 13,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Minion». Формат 70×100/32.
Заказ № 412.

Издательство “Летний сад”
Москва, ул. Теплый стан, 21А.
e-mail: letsad@mail.ru

Книга отпечатана в мастерской
им. Фадеева Геннадия
г. Москва, ул. Теплый стан, 21А.